Годъ 15-й. Кн. LIX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1903, № 4.

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла **В. Ѳ. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скоров. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1903.

Digitized by Google

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Бытовыя черты русскихъ былинъ. (Окончаніе). *А. В. Маркова* 1

II. Сказка съ двѣнадцатью персонажами. (Окончаніе). IV. Двѣнадцать азовъ. *Г. Н. Потанина*. 28

III. Свадебные обычаи и причитанья населенія Терскаго берега Бѣлаго моря. *И. Н. Шмакова* 55

IV. Деревенскія посидѣлки и современныя народныя пѣсни-частушки. *В. И. Степанова* 69

V. Смѣсь:

1. Изъ пѣсенъ Западной Сибири. *Ф. Кона*. . . . . .
2. Изъ фабричныхъ пѣсенъ Владимирской губерніи. По статьѣ *Алексѣя Смирнова*. 114
3. Бѣглый солдатъ. Народная пѣсня. *А. Ф. Соболева*. 124
4. Праздникъ Покрова у крестьянъ Двиницкой волости. *П. А. Дилакторскаго*. 125
5. Туркменская пѣсня про взятіе Геок-Тепе. *А. А. Семенова* 125
6. Персидское заклинаніе противъ болѣзней. *Его-же*. . 127

VI. Критика и библіографія:

1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.

L. de Milloué. Conférences au Musée Guimet 1898—1899. *В. Н. Х-ной*. (130). — Zeitschrift des Vereins für Volkskunde 1903; 3. *Е. Н. Е-ой*. (134).—A. Giraeut. Les Bambaras. *В. Н. Х-ной*. (136). — Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. 1903; 1, 2. 3. *Е. Н. Е-ой* (138).—D-r L. Wilser. Die Namen der Menschenrassen· *В. Н. Х-ной*. (138).—Weber. Die Katholische Kirche in Armenien. *П. В. Гидулянова*. (141). — А. И. Даринскій. Семья у кавказскихъ горцевъ. *А. Н. Максимова*. (145).—Е. В. Аничковъ. Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ. *Н. М. Мендельсона*. (147).—Кустарная промышленность на Кавказѣ. Вып. II. *А. Н. Максимова*. (155).—В. Черны-

Digitized by Google

Стр.

шевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверского, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ. *Д. Н. У-ва.* (156).—Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. XXXIX, В. I-III. *А. Мкс.* (158).—П. Д. Первовъ. Эпитеты въ русскихъ былинахъ. *Е. Н. Е-ой.* (159). — Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Каз-омъ Унив-тѣ. Т. XIX, в. 3 и 4. *А. Мкс.* (160).—Д-ръ П. Якобій. Религіозно-психическія эпидеміи. *Вл. Б.* (160) 130

2. Обзоръ газетъ и журналовъ 164

3. Новости этнографической литературы 173

VII. Хроника.

Отчетъ о дѣятельности Этнографич. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Е. и его Музыкально-Этнографической Комиссіи за 1902—1903 годъ. — Юбилей В. Г. Короленка. — Біографія Снельмана.—Gustav Schlegel (некр.).—Этнографическій фризъ.—Политическая антропологія.—Антропологическое о-во въ Харьковѣ.—Слѣды первобытнаго человѣка.—Вопросъ о прародинѣ индоевропейцевъ. — Славянское погребеніе XI—XV вѣковъ.—Новыя данныя по древ.-греческой культурѣ.—Доисторическій городъ на Критѣ.—Херсонесскій сборникъ древностей.—Худож.-археологическое изданіе.—Музей Воронежскаго церк.-археологическаго о-ва. — Къ исторіи нашихъ древнихъ монетъ. — Древнѣйшій памятникъ права. — Изъ литературы по германскому праву.—Новый трудъ по исторіи брака.—Собраніе в.-лужицкихъ пословицъ.—О пѣсняхъ для облегченія роженицъ.—Украшенія у туркменскихъ женщинъ.—Новыя коллекціи русскихъ костюмовъ.—Изслѣдованіе крестьянскихъ построекъ. — Программа для собиранія народныхъ примѣтъ.—Собираніе народн. казачьихъ пѣсенъ.—Пѣсенная комиссія.—Къ изученію музыки у инковъ.—Пѣніе у имеретинъ.—Тюремный жаргонъ.—Очерки тунгузскаго языка. — Бурятъ-этнографъ. — Преданіе о крещеніи мордвы.—Запрещеніе кочеванія цыганъ.—Дѣятельность Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи.—Изученіе Амурскаго края.—Археологическая карта береговъ Амура.—Русское населеніе въ Харбинѣ.—Китайская этнографическая коллекція.—Древнія кит. картины и бронза.—Минаретъ на могилѣ Тамерлана.—Изданіе египетскаго словаря.—Премія имени Ѳ. Ѳ. Буссе.—На соисканіе преміи Адама Хойнацкаго.—14-й международный конгрессъ американистовъ . . 179

VIII. Объявленія объ изданіяхъ Этнографическаго отдѣла и другія. 204

Digitized by Google

Бытовыя черты русскихъ былинъ.

IV [1]).

Семейный бытъ.

Такъ какъ въ основѣ семейнаго быта лежитъ бракъ, то я начну этотъ отдѣлъ разсмотрѣніемъ свадебныхъ обычаевъ, какъ они представляются въ былинахъ. Предверительно слѣдуетъ отдѣлить княжеско-дружинныя свадьбы отъ свадебъ болѣе осѣдлаго, невоеннаго класса. Я уже указывалъ, въ какія формы нерѣдко отливались отношенія къ женщинамъ богатырей, которые силою брали себѣ плѣнницъ и дѣлали ихъ своими женами или наложницами.

Въ былинахъ, описывающихъ женитьбы богатырей, жены ихъ нерѣдко выставляются также иностранками, съ которыми они не церемонятся: если за нихъ не отдаютъ дочерей „съ честью, честно, добромъ", то они берутъ „силою, боемъ, дракой, кроволитьемъ" [2]), и увозятъ, посадивши позади себя на коня и даже привязавши къ стременамъ, какъ плѣнницъ [3]); точно такъ же они добываютъ невѣстъ и князю; ради невѣсты послѣдній не жалѣетъ дать свату-богатырю сколько угодно силы-войска. Насколько неустойчиво было положеніе жены дружинника, показываетъ пословица, вставленная въ уста невѣсты Ивана Годиновича, когда погибъ его соперникъ, а на его собственную милость она не могла разсчитывать:

---

[1]) Окончаніе. См. „Этнографическое Обозрѣніе", к. LVIII.

[2]) *Тих.* и *Милл.* I, 27 = 34 = 41: „за саблею".

[3]) Бѣлом был. 371. Ср. приковываніе ко стремени Соловья-разбойника.

Digitized by Google

«Отъ одного бережка откачнулася,
Ко другому бережку не прикачнулася!»

Всякая захваченная силой женщина легко могла переходить отъ одного дружинника къ другому Любопытный въ этомъ отношеніи эпизодъ передаетъ одинъ пересказъ былины о Потыкѣ: прежде чѣмъ герой вступаетъ въ отправленіе своихъ супружескихъ обязанностей, съ его согласія его предупреждаетъ крестовый братъ Илья Муромецъ, вмѣстѣ съ которымъ Потыкъ везъ невѣсту [1]). Хорошо передаютъ безправное положеніе жены-плѣнницы слова, вложенныя въ уста королевны, жены Потыка:

«Насъ куда ведутъ, мы туда идемъ;
Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ [2])».

Для добычи невѣстъ богатыри нерѣдко отправляются со значительными отрядами. Такъ, Иванъ Годиновичъ, собираясь свататься, беретъ съ собой 300 или 400 человѣкъ [3]). Увидѣвши подъѣзжавшихъ къ палатамъ 500 всадниковъ, князь Владиміръ говоритъ, не пріѣхали ли свататься за его племянницу? [4]) Вслѣдствіе тѣсныхъ отношеній дружинниковъ между собою и съ княземъ, должностными лицами на свадьбѣ богатыря бываютъ его товарищи: дружкомъ, подружьемъ, бояриномъ, поѣзжаниномъ; князь бываетъ сватомъ или тысяцкимъ, княгиня—свахою [5]).

Я говорилъ, что сватовство князей и дружинниковъ болѣе походило на разбой, чѣмъ на мирный бракъ. Но былина о Хотѣнѣ изображаетъ въ такомъ же видѣ и городскую свадьбу: герой также насильно беретъ замужъ дочь знатной вдовы и угрожаетъ отдать ее за паробка или холопа [6]), если она не пойдетъ за него „съ честью". Нужно только замѣтить, что эта былина

---

1) Бѣлом. был., 512. Впрочемъ, ср подобный эпизодъ въ Нибелунгахъ и въ преданіи манзовъ, одного изъ вогульскихъ племенъ: Труды Этнографич. отдѣла, кн. VIII, 57 (здѣсь замѣчательно „ученіе" металлическими прутьями, живо напоминающее былину).

2) *Рыбн.* I, 231 = *Гильф.* № 40, ст. 562.

3) *Кир.* III, 22; *Рыбн.* III, 114; *Тих.* и *Милл.* II, 156: тридцать богатырей

4) *Гильф.* 1102.

5) *Тих.* и *Милл.* II, 153—4; Бѣлом. был. 319, 372.

6) *Рыбн.* III, 144; IV, 40, 44—5; ср. Бѣлом. был. 134.

Digitized by Google

изображаетъ не обычное происшествіе, а случай, выходящій изъ ряда вонъ. Обычно городской бракъ совершается мирно, по сватовству [1]); женихъ дѣлаетъ съ отцомъ невѣсты „крѣпкія“ или „великія записи“ [2]), т. е. условія относительно приданаго, которыя дѣлались въ дѣйствительности, какъ о томъ свидѣтельствуютъ Котошихинъ и многочисленныя старинныя росписи приданаго. Слово „приданое“ встрѣчается только въ двухъ пересказахъ былины о Садкѣ, получающемъ отъ Морского царя въ приданое три бочки или три корабля съ драгоцѣнными металлами и камнями [3]). „Приданое всегда было важнымъ условіемъ русской свадьбы“ [4]), но терминъ этотъ древнимъ памятникамъ неизвѣстенъ; вмѣсто него употреблялось выраженіе: давать по невѣстѣ золото, серебро и пр. [5]). Приданое упоминается въ московскихъ пѣсняхъ, напр. во многихъ пересказахъ пѣсни о Кострюкѣ [6]). О вѣнѣ въ былинахъ не говорится, но на существованіе обычая давать за невѣсту выкупъ намекаетъ былина объ Иванѣ Годиновичѣ, которому князь предлагаетъ золотой казны.

Нерѣдко былины говорятъ о ширинкахъ, которыя невѣсты вышиваютъ для жениховъ [7]); по одной былинѣ, невѣста даритъ ширинками сватовъ, а жениха стрѣлой [8]). Въ старину „вѣнчаніе происходило большею частью вечеромъ“ [9]); Потыкъ вѣнчается также поздно, послѣ вечерни [10]). О какихъ-нибудь языческихъ обычаяхъ при свадебномъ обрядѣ былины не говорятъ. Въ двѣ былины Кирши Данилова вставлена извѣстная пословица, употребляющаяся до сихъ поръ относительно незаконнаго брака:

«Они (Добрыня съ Мариной) въ чистомъ полѣ женилися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися» [11]);

---

1) *Майковъ*, 57—8.

2) *Гильф.* 1215 1263; *Кир.* III, 20 („ярлыкъ скорописчатый“).

3) *Рыбн.* III, 247=8 = *Кир.* V, 41; Бѣлом. был. 138.

4) Современникъ, т. LXXXIII, отд. I, 509.

5) *Полевой*, II, 176; Повѣсть временныхъ лѣтъ (о полянахъ).

6) *Кир.* VI, 125, 129, 133, 151, 165, 167, 169, 171, 182 и др.

7) Ib. III, 13 (полотенце); *Тих.* и *Милл.* II, 120, 285; Бѣлом. был. 397, 417, 510, 544.

8) *Кир.* II, 15.

9) Современникъ, т. LXXXIII, отд. I, 511.

10) *Кир.* IV, 55.

11) Ib. II, 59.

Digitized by Google

Тутъ (въ полѣ) они (Дунай съ Настасьей) обручалися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися» [1]).

Въ двухъ олонецкихъ пересказахъ былины о Добрынѣ и Маринкѣ (*Гильф.* №№ 78, 122) говорится, что Добрыня привелъ Марину къ ракитову кусту, обвелъ ее вокругъ куста три раза, и такимъ образомъ они повѣнчались.

Если, быть можетъ, эта пословица и указываетъ древній взглядъ на обрядъ вѣнчанія, все-таки она не свидѣтельствуетъ объ этомъ взглядѣ въ эпоху сложенія былинъ, т. к. попала въ былины случайно, такъ же какъ и въ одну новѣйшую пѣсню:

„Вокругъ кустика повѣнчалися,
Свѣтлу мѣсяцу поклонялися“ [2])

Положеніе женщинъ въ древней Руси было двоякаго рода: съ одной стороны, онѣ пользовались значительными правами,— сами дѣйствовали въ судѣ, имѣли недвижимую и движимую собственность, выкупали плѣнныхъ, княгини даже собирали пошлины съ иноземныхъ купцовъ [3]); съ другой стороны, эти права то-и-дѣло попирались въ эпоху господства грубой силы: оскорбленіе женской чести, похищеніе дѣвушки, удары, оскорбленія словомъ, очевидно, совершались особенно часто, если законодательныя постановленія обращали на нихъ усиленное вниманіе. Такія же отношенія къ женщинамъ рисуются въ былинахъ. Кровавыя „грозы“ и „ученья“ богатырями женъ и плѣнницъ выставляются самыми обычными дѣлами; отношеніе богатырей къ плѣнницамъ-иностранкамъ поражаетъ своей жестокостью; власть отца или дяди-опекуна не имѣетъ предѣловъ. Но былины запомнили самостоятельность новгородскихъ женщинъ. „Типъ матерой вдовы, властной, самостоятельной и уважаемой женщины... возникъ на новгородской почвѣ, какъ эпическій отголосокъ новгородской культуры, не обдѣлившей женщину, по крайней мѣрѣ, высшихъ классовъ, правами и вліяніемъ не только въ семьѣ, но въ обществѣ и госу-

---

[1]) Ib. III, 77. Впослѣдствіи Дуная вѣнчаетъ соборный архіерей, и Дунай даетъ 500 рублей „вѣнчальнаго“.

[2]) Этнографич. Обозрѣніе, кн. XXXIX, 83.

[3]) *Добряковъ*, Русская женщина въ домонгольскій періодъ, passim; *Полевой*, II, 46.

Digitized by Google

дарствѣ“ [1]). Вообще, новгородскія былины выводятъ типы самостоятельныхъ женщинъ, каковы: жена Ставра, Забава Путятична, Часова вдова, даже служанка Чернавка. Какъ я указалъ выше, сады составляютъ принадлежность именно новгородскихъ женщинъ. Значительная самостоятельность южныхъ княгинь отразилась въ былинѣ, приписывающей княгинѣ Апраксеѣ владычество надъ особеннымъ отрядомъ войска, независимымъ отъ князя [2]). Г. Квашнинъ-Самаринъ основательно сравниваетъ это извѣстіе съ одной сагой, говорящей, „что у Владимира и его жены было поровну воиновъ и что княгиня распоряжалась своими, какъ знала“ [3]).

Очеркъ семейнаго быта вышелъ крайне неполнымъ и поверхностнымъ. Я уже упомянулъ, что это объясняется характеромъ эпическаго разсказа, имѣющаго въ виду общественныя, а не семейныя отношенія.

V.

Религіозный бытъ.

Миѳологическая школа изслѣдователей русской народной словесности, не различая въ былинахъ ихъ матеріала, въ видѣ отдѣльныхъ словъ и выраженій, восходящаго нерѣдко не только къ языческой порѣ, но даже къ обще-славянской и болѣе древнимъ эпохамъ въ исторіи языка,—и построенія, совершавшагося въ историческое время, видѣла до-христіанскіе миѳы въ былинныхъ сказаніяхъ и древнія божества въ богатыряхъ. Эта школа не принимала также во вниманіе того, что духъ народа послѣ

---

[1]) *В. Миллеръ*, Очерки, 216. Ср. *Майковъ*, 60—1, 132. Садко отказываетъ въ завѣщаніи часть своего имущества женѣ: Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. А. Наукъ, т. V, кн. 1, стр. 65. Добрыня, отправляясь въ путь, проситъ свою жену черезъ 12 лѣтъ отдать часть его казны по церквамъ и монастырямъ слѣд., имущество переходило отъ мужа къ женѣ. Сообщаемый Котошихинымъ обычай боярынь не ходить въ церковь, а молиться во время обѣденъ дома отвѣчаетъ позднѣйшей (ок. XV в.) новгородской былинѣ о Чурилѣ, который находитъ жену Бермяты дома, между тѣмъ какъ мужъ молится въ церкви (въ Благовѣщеніе).

[2]) *Кир.* III, 22.

[3]) Бесѣда 1871 г., № IV, 92.

Digitized by Google

принятія христіанства оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ раньше, и что изъ сказаній новой религіи (приходившей между прочимъ въ видѣ апокрифической литературы) онъ создавалъ новые образы, въ одно и то же время и христіанскіе, и миѳическіе. Она не замѣчала, или не хотѣла замѣтить, вопіющаго противорѣчія между объясняемыми ею именами богатырей и сюжетами, соединенными съ ними, а въ самыхъ сюжетахъ видѣла такія олицетворенія, какихъ никогда не увидалъ бы холодный разсудокъ, не увлеченный предвзятыми идеями, принятыми на вѣру. Современныя изслѣдованія игнорируютъ миѳическую подкладку въ былинныхъ сюжетахъ не потому, чтобы ея вовсе не было, но потому, что найти ее очень трудно въ десятки разъ передѣланныхъ сказаніяхъ, прошедшихъ нерѣдко цѣлый рядъ національностей и иногда нѣсколько книжныхъ переводовъ и изложеній [1]). Заключать отъ существованія такихъ сказаній къ тому, что они передаютъ дѣйствительную миѳологію русскаго, славянскаго, даже индоевропейскаго племени, было бы крайне нелогично.

Въ виду всего сказаннаго религіозныя черты можно видѣть въ тѣхъ мѣстахъ былинъ, которыя понимались въ качествѣ религіозныхъ чертъ въ эпоху сложенія былинъ. Язычество выступаетъ лишь въ нѣкоторыхъ намекахъ чуть-ли не самой древней былины о боѣ Добрыни съ змѣемъ, въ которой *В. Ѳ. Миллеръ* видитъ память о крещеніи Новгорода. Въ этой былинѣ Змѣй Горыничъ (соотвѣтствующій Перуну преданія) упоминаетъ о какомъ-то пророчествѣ:

„Святы отцы писали—прописалися,
И волшебники волшили—проволшилися“;

иначе:

„Какъ волхвы-ти волховали—проволховалися“ [2]).

Здѣсь замѣчательно сопоставленіе святыхъ отцовъ съ волхвами; имъ придается одинаковый авторитетъ. Начальная лѣ-

---

[1]) Ср. книгу акад. *Веселовскаго*: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и пр.

[2]) Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. IV, кн. 2, стр. 692—3. Слово „вълш(в)ьбьникъ“ встрѣчается въ памятникѣ ок. 1100 г.; „вълшьвити“ и „вълшв(л)еніе“—XI—XVI вв. *Срезневскій*, v. s.

Digitized by Google

топись въ уста дьявола, въ которомъ олицетворяется язычество, влагаетъ слѣдующую наивную рѣчь, представляющую довольно близкое сходство со словами Змѣя; окаянный думалъ, что „сдѣ ми суть (v. есть) жилище, сдѣ бо не суть апостоли учили, ни пророци пророкли (v. прорицали [1])", не вѣдый (!) пророка, глаголюща:„ и нареку не люди моя люди моя"" [2]). Олонецкіе пересказы указанной былины, позабывшіе о пророчествѣ, упоминаютъ билицъ [3]) -волшебницъ, которыхъ князь „скликиваетъ", чтобы узнать отъ нихъ, кто можетъ достать Забаву [4]). Этотъ эпизодъ также указываетъ на такую древность, когда еще князья довѣряли волшебницамъ и слѣд. волхвамъ; волхвы пользовались довѣріемъ князей не позже середины XI: въ 1044 г. Всеславъ полоцкій носилъ еще, по совѣту волхвовъ, „язвено" (рубашку), въ которомъ онъ родился; но уже въ 1071 г. новгородскій князь Глѣбъ убиваетъ волхва, который выдавалъ себя за Бога; что въ половинѣ XI в. не всѣ князья были христіанами, видно изъ словъ лѣтописи, хвалящей Ярослава (подъ 1054 г.) за то, что онъ былъ христіанинъ [5]). Въ другихъ былинахъ религіозное значеніе волхвовъ не обнаруживается; они являются въ качествѣ совѣтниковъ или лѣкарей. Жена Терентія, притворившаяся больною, говоритъ ему:

„Вынимай денегъ сто рублей,
Ты поди дохтуровъ добывать,
Волхи-то спрашивати" [6]).

---

[1]) Ср. у Кирши Данилова: „А стары люди *пророчили*, что быть змѣю убитому".

[2]) *Соловьевъ*, I, 778, прим. 3; Русскій Временникъ, I, 30.

[3]) По объясненію пѣвца, знахарокъ. Другая форма „былицъ" даетъ право производить это слово отъ ц.-слав. быліе = растеніе, лѣкарство (*Будиловичъ*, Первобытные славяне, I, 61), и видѣть въ былицахъ тѣхъ же былинныхъ „зелейницъ, кореньщицъ" (Маринка), знакомыхъ съ различными магическими дѣйствіями. Ср. у *Срезневскаго* слова: „зелейникъ, зелие, зелиниица, зелиничьство; корение, корень, коренитьць; былие".

[4]) *Рыбн*. I, 125; III, 63 = *Гильф*. № 148, ст. 87; № 157, ст. 78.

[5]) *Соловьевъ*, I, 211 и прим. 2.

[6]) *Кир*. V, 55. Воззрѣніе на докторовъ, какъ на обладателей чудесной силы, находится въ былинѣ *Рыбн*. III, 93, гдѣ мать Добрыни ищетъ докторовъ, чтобы отвернуть его, сдѣлать изъ сленя человѣкомъ; доктора поставлены рядомъ съ „бабушкой"—ворожей.

Digitized by Google

Въ одномъ пересказѣ дочь Соловья-разбойника названа Еленой-волшебницей [1]), подобно тому какъ въ другомъ — его сыновья выставляются оборотнями [2]); о Стенькѣ Разинѣ въ пѣснѣ говорится, что онъ „волховалъ", т. е. ворожилъ надъ водой [3]). Религіозное значеніе волхвовъ-жрецовъ помнилось еще въ XIII в. Такъ, подъ 1244 г. волхвами названы татарскіе жрецы [4]); Серапіонъ Владимирскій осуждаетъ современныя ему вѣрованія, „яко волхвованіемъ глады бываютъ на земли, пакы волхвованіемъ жита умножаются" [5]); въ 1227 въ Новгородѣ сожгли 4 волхвовъ-„вѣдуновъ", которые „*много* зла содѣваху, *многихъ* прельщающе" [6]); въ первой четверти XIII в. даже духовенство вѣрило во врачебную силу волхвовъ [7]). Но времена были не тѣ, что̀ XI вѣкъ, когда въ Новгородѣ смѣялись „о христованіи", т. е. надъ христіанами; женщины, „въ случаѣ болѣзни своихъ дѣтей, носили ихъ къ волхвамъ, считая волхвовъ, очевидно, не за представителей язычества, а только за знахарей и врачей" [8]). Въ XVI в., хотя упоминаются еще волхвы, но рядомъ со скоморохами и бабами-ворожеями [9]); слѣд., на нихъ смотрятъ, какъ на буйныхъ и безполезныхъ членовъ общества: „волхва или бабу-ворожею выбити изъ волости", говоритъ грамота Троицкой лавры 1555 г.; къ волхвамъ ходятъ уже только ради ворожбы [10]).

Вѣрованіе въ ворожбу было распространено одновременно съ вѣрой въ волхвованіе [11]); подъ тѣмъ и другимъ разумѣлось гаданіе, оборотничество и другія магическія силы человѣческихъ дѣйствій. Вѣроятно, ворожбой преимущественно занимались женщины, почему образовался для нихъ и особенный терминъ „ворожея", и явилась пословица: „Хорошо тому жить, кому бабушка

---

1) *Гильф.* 989.
2) *Кир.* I, 43.
3) *Гильф.* 963.
4) Рускій Времянникъ I, 132; II. С. Р. Л. VIII, 13).
5) *Владиміровъ*, Введ. въ ист. р. слов. 123.
6) *Ждановъ*, Р. был. эп., 419.
7) Печерскій Патерикъ: *Срезневскій*, сл. „вълхвъ".
8) *Макарій*, Исторія Русской церкви, III, 215, ср. 259; I, 263.
9) *Миллеръ*, Очерки, 57.
10) *Срезневскій*, слова „ворожа, ворожея".
11) Ib. Извѣстія о вѣрованіи „въ ворожю" идутъ съ XII в.

Digitized by Google

ворожитъ" [1]). Слова „ворожба, ворожить" встрѣчаются въ былинахъ рѣдко: о царѣ Афромеѣ говорится, что „онъ вражбу чинилъ", т. е. обертывался туромъ, соболемъ, соколомъ [2]); „ворожить" употребляется въ смыслѣ предсказывать: когда споткнулся конь у сына Ильи Муромца, онъ говоритъ:

„Видно, мнѣ ворожишь—да въ полону де быть" [3]). Обыкновенно ворожеями выставляются иностранки [4]); такой, напр., является зелейница-кореньщица Маринка, которая привораживаетъ къ себѣ Добрыню, вынувши его „горячіе" слѣды и бросивши землю въ печку съ приговорами, обертываетъ его разными животными, особенно туромъ. То же самое дѣлаетъ съ Потыкомъ его жена-иностранка, которая между прочимъ и сама обращается лебедью, ланью. Въ другомъ видѣ выставляются лица, отвертывающія богатырей снова въ человѣческій образъ; таковыми въ былинѣ о Добрынѣ являются или его родственницы: мать, кума, сестра, тетка,—или бабушка (т. е. знахарка)-задворенка, въ имени которой заключается указаніе на ея ремесло—повивальной бабки и ворожеи [5]); Потыка отвертываетъ, приговаривая „крѣпкіе приговоры" лицо, имѣющее непосредственное отношеніе къ церкви, калика, или св. Николай [6]). Вѣра въ оборотничество и колдовство, будучи распространенною почти у всѣхъ народовъ, создавала различныя сказанія, представляющія иногда близкое сходство съ нашими былинами [7]), но былинная обработка такихъ сказаній основывается на существованіи этихъ вѣрованій въ древней Россіи. Выниманіе слѣдовъ и сожиганіе ихъ съ цѣлью приворожить, извѣстныя еще теперь, употреблялись и въ XVI—XVII вв. Въ 1598 г., присягая Борису Годунову, подданные его давали обѣщаніе „слѣду волшествомъ не выимати" [8]).

---

[1]) Въ записи XVII в. эта пословица читается: „Добро тому жить, у ково мать ворожитъ": *Симони*, Стар. сборники русскихъ пословицъ, I, 97.

[2]) *Кир.* III, 24, 27. „Вражьба" встрѣчается въ переводѣ Амартола, въ смыслѣ лѣкарства: *Срезневскій*.

[3]) *Гильф.* 1084. „Вражити" и „вражитель" (предсказатель)—съ XI в.

[4]) Ср. Этнографич. Обозр., кн. XLVI, 85.

[5]) См. *Срезневскій*, сл. „баба".

[6]) *Рыбн.* II, 69; *Гильф.* № 6, ст. 785; № 39, ст. 312 и др.

[7]) См. прим. у *В. Миллера*: Экскурсы, прил., 20—21 и прим.; Очер. 184—5.

[8]) Современникъ, т. LXXXIII, отд. I. 540, 548; *Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскаго народа. II, 203.

Digitized by Google

Извѣстно, что въ древней Руси было распространено вѣрованіе въ сны, въ „закыханье“ (чиханье); въ былинѣ выставленъ удалая голова Василій Буслаевичъ, который не вѣрилъ ни въ сонъ, ни въ чохъ; но это, по убѣжденію слагателя былины, навлекло на него погибель [1]).

Указанныя вѣрованія основаны на представленіи о магическихъ силахъ человѣческихъ свойствъ, духовныхъ (наговоръ, сонъ, вѣдовство) и физіологическихъ (чиханіе), направленныхъ иногда и на предметы внѣшней природы (слѣдъ, огонь, травы). Таинственныя силы самой природы, безъ отношенія къ человѣческимъ дѣйствіямъ, выступаютъ въ страхѣ передъ природой и ея явленіями, результатомъ котораго является ихъ почитаніе. Сюда относятся жертвы водянымъ духамъ: Садко кается въ томъ, что онъ, ѣздивши по морю 12 лѣтъ, не платилъ Морскому царю дани, „хлѣба съ солью не опускивалъ“; отправляясь въ Новгородъ, онъ „отрѣзалъ хлѣба великій сукрой, а и солью насолилъ, его въ Волгу (вмѣсто „Волховъ“) опустилъ“, благодаря рѣку за то, что онъ не видалъ на ней никакого несчастія; Илья Муромецъ, разставаясь съ родной рѣкой, „на прощанье пустилъ корочку хлѣба по Окѣ-рѣкѣ за то, что поила и кормила его“ [2]). Во время бури Садко опускаетъ въ море драгоцѣнные камни и металлы для утишенія моря [3]). Что касается человѣческой жертвы, которой требуетъ Морской царь, то этотъ эпизодъ—международный, повторяемый въ цѣломъ рядѣ сказаній: еврейскомъ (пророкъ Іона), французскомъ (Садокъ), мордовскомъ [4]), въ нѣсколькихъ житіяхъ, указанныхъ проф. *Халанскимъ* [5]) въ нѣсколькихъ великорусскихъ

---

[1]) *Кир.* V, 26, 32. Ср. Бѣлом. был. 272: послѣ ироническаго отзыва о снахъ: „Ай ты (голова) крѣпко спишь—тебѣ все во сняхъ видится!“ Василій упалъ и убился. *Ждановъ*, Русск. был. эп. 384.

[2]) *Кир.* V, 42—3, 47; I, стр. XXXIII.

[3]) Ib. V, 35 = *Рыбн.* III, 242; *Гильф.* № 2, ст. 13; № 70, ст. 327; Бѣлом. был. 136; Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. 1, стр. 62. Впрочемъ, этотъ эпизодъ встрѣчается въ скандинавской сагѣ объ Оддѣ-Стрѣлѣ. На Каспійскомъ морѣ жертва морю существовала въ началѣ XVIII в., по замѣчанію акад. Веселовскаго въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, мартъ, 1.

[4]) *Владиміровъ*, 240.

[5]) Вр. был. К. цикла, 70—1.

Digitized by Google

и бѣлорусскихъ сказкахъ [1]). Въ одной былинѣ о Садкѣ озеро Ялынское (Хвалынское, вм. Ильменя) называется святымъ [2]). Почитаніе воды въ видѣ озеръ, рѣкъ, ручьевъ и колодцевъ извѣстно у насъ въ древнѣйшихъ памятникахъ; но оно продолжалось въ XIII—XVIвв. Житіе Петра и Февроніи муромскихъ говоритъ о жертвахъ рѣкамъ и озерамъ, о поклоненіи потокамъ и колодцамъ и бросаніи въ нихъ денегъ. Въ Тульской губерніи до сихъ поръ мельники и рыбаки для успѣха въ промыслахъ бросаютъ въ даръ водяному барана или баранью голову [3]).

Въ былинахъ не сохранилось ясной памяти о почитаніи рощъ и деревьевъ. Есть только намеки въ былинѣ о князѣ Романѣ [4]), жена котораго во время побѣга изъ плѣна взошла на гору, скинула свое платье и надѣла „на лѣсиночку". Этотъ эпизодъ былъ бы совсѣмъ непонятенъ, если бы его не объясняло указанное выше житіе Петра и Февроніи; здѣсь говорится, что въ Муромской области обвѣшивали вѣтви дуплистыхъ деревьевъ убрусцами (полотенцами) и поклонялись имъ [5]). Слѣдовательно, со стороны жены Романа это была жертва за освобожденіе изъ плѣна. Такой же жертвой, но уже въ христіанскомъ духѣ, было разрѣзаніе на кресты и образа дубовой колоды, которая перевезла княгиню черезъ рѣку. Почитаніе деревьевъ, особенно дуплистыхъ дубовъ, было распространено и въ христіанское время; многіе отшельники, впослѣдствіи признанные святыми, ходили молиться къ дубамъ или даже въ самыя дупла толстыхъ деревьевъ. Память

---

[1]) Труды Этнографич. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. XI, вып. I, 184; Этнографич. Обозр., кн. XXV, 34.

[2]) *Кир.* VII, Доп., 16. Вѣроятно, послѣ почитаніе перешло на одно изъ Палестинскихъ озеръ: изъ Ильменя („Льбина"), святого озера, выпадаетъ Іорданъ Бѣлом. был. 270—1, 275; *Буслаевъ*, Русская хрестоматія, изд. 4, стр. 355. По мнѣнію акад. Веселовскаго (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1890, мартъ, 4—5), Ильмень въ стихѣ о Голубиной книгѣ замѣнило собою гору Ермонъ или озеро Meron = Ирменъ, Ильмерь.

[3]) Этнографич. Обозр., кн. XLII, 26.

[4]) *Кир.* V, 95—6. Покрываніе лѣсовъ бархатомъ, атласомъ повторяется въ цѣломъ рядѣ свадебныхъ пѣсенъ (напр., *Сахаровъ*, Пѣсни русск. народа, III, 75; Пермскій сборникъ, I, отд. II, 85), въ Бѣлорусскихъ купальскихъ пѣсняхъ (Витебскія Губ. Вѣд. 1896, № 87; *Безсоновъ*, Бѣлорусскія пѣсни) и въ знаменитомъ плачѣ Ксеніи Годуновой.

[5]) *Владиміровъ*, 256.

Digitized by Google

объ этомъ сохранилась въ одной сказкѣ [1]), въ которой говорится, что супруги „молиться ходили къ дубу", и въ пословицѣ: „жилъ въ лѣсѣ, молился пнямъ". Въ Новгородской губ. до сихъ поръ почитаются „заповѣданныя" рощи и деревья (особенно *дуплистыя*), около которыхъ ставятъ часовни; тамъ же вѣшаютъ на деревья *полотенца* для покойниковъ [2]).

Въ указанныхъ вѣрованіяхъ ясно обозначается сліяніе двухъ религій, результатомъ котораго былъ особенный конгломератъ, замѣченный старыми проповѣдниками и названный ими двоевѣріемъ. Особенно замѣтны въ былинахъ такія вѣрованія, которыя не шли рѣзко въ разрѣзъ съ христіанствомъ и потому не возбуждали противъ себя гоненій. Сюда относится, напр., вѣра въ судьбу. Судьба отождествляется съ Богомъ, къ чему подали поводъ, вѣроятно, апокрифическія „глубинныя книги", извѣстныя у насъ въ первой четверти XIII в. [3]) и, повидимому, рано переложенныя въ духовный стихъ:

„У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія"; или:
„Что зачался у насъ да все какъ бѣлый свѣтъ,
Отъ судьбы-то всё зачался, отъ Бога, царя небеснаго" [4]).

Такое же представленіе о судьбѣ находимъ и въ былинѣ о Святогорѣ, который говоритъ Ильѣ Муромцу:

„Не тебѣ да вѣдь судьба-то, этотъ гробъ опредѣленъ-то Богомъ-Господомъ,
Не тебѣ, не твоему-то тѣлу въ немъ лежать будетъ" [5]).

Еще въ XII в. выраженіе „судъ Божій" стало употребляться въ болѣе реальномъ слыслѣ, въ смыслѣ смерти, особенно гибели или наказанія за проступки. Сюда относится пословица, приписываемая авторомъ Слова о полку Игоревѣ Бояну: „Ни хытру, ни горазду, ни пытичю горазду суда Божія не минути"; эту же пословицу упоминаетъ Даніилъ Заточникъ, жалуясь на свою участь: „Не процвѣте часть (т. е. участь; отсюда злочастіе) моя.

[1]) Сообщенной Н. Н. Дурново.
[2]) Этнографич. Обозр., кн. XXVII, 124—5.
[3]) *Весселовскій*, Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, 181.
[4]) Бѣлом. был., 274.
[5]) Ib., 310.

Digitized by Google

Повѣдаху ми, яко той есть судъ Божій надъ мною, и суда де Божія ни хитру уму [1]), ни горазву не минути". Ясно виденъ смыслъ суда-смерти въ лѣтописи подъ 1357 г.: „судъ ему (Чанибеку) сотворися", т. е. онъ былъ убитъ [2]). Въ такомъ смыслѣ судьба, Божій судъ нерѣдко употребляются въ былинахъ: когда Садку пришлось опускаться въ море, онъ говоритъ, что его „поискала судьбина" [3]); желая выразить, что Илья Муромецъ не долженъ умереть, былина говоритъ, что ему „не къ суду пришло" [4]); для даннаго частнаго случая это выраженіе имѣетъ тотъ же смыслъ, какой вообще имѣетъ выраженіе, что Ильѣ на бою смерть была не писана. Въ одной былинѣ это выраженіе замѣнено слѣдующими словами, напоминающими вышеприведенныя слова Змѣя Горынича:

„Да неладно у святыхъ отцовъ написано,
Да неладно у апостоловъ удумано,—...
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому" [5]);

Написанное святыми отцами и апостолами исполняется такъ же точно, какъ предсказаніе волхвовъ относительно смерти Змѣя. „Судьбина" въ смыслѣ смерти до сихъ поръ упоминается въ олонецкихъ причитаніяхъ [6]), но „судъ" обыкновенно употребляется въ смыслѣ брака [7]), который, послѣ смерти, является важнѣйшимъ моментомъ въ жизни крестьянина. Въ уста Святогора (какъ „Слово" въ уста Бояна) былина влагаетъ „поговорье", которое потомъ „впередъ пошло", а сказано было имъ по случаю его невольной женитьбы: „суда Божія на добромъ конѣ не объѣхати", иначе: „отъ судьбины своей никуда не уйдешь", или: „судьбину не обойдешь, не объѣдешь" [8]). Былина о Святогорѣ говоритъ также о кузнецѣ, который куетъ „судбину, кому

1) Ошибка при перепискѣ ю.-слав. „хитроуоумоу"?

2) П. С. Р. Л. X, 229. Ср. лат. „complevit fata sua"=умеръ.

3) *Рыбн.* I, 368.

4) *Рыбн.* III, 27; *Гильф.*, № 144, ст. 98.

5) *Кир.* I, 51=IV, 11—2. Ср. *Тих.* и *Милл.* II, 41; *Гильф.* № 57, ст. 75: „Я видала („слышала во церкви") во Божьемъ писаніи".

6) *Барсовъ*, Причитанія сѣв. края, I, 375: Судьбина „добирается до сужепыхъ головъ".

7) *Дашковъ*, Описаніе Олонецкой губерніи, 207.

8) *Рыбн.* I, 41; III, 3; *Миллеръ*, Экскурсы, прилож. 11, прим. 2

Digitized by Google

на комъ жениться“ [1]). Вѣрованіе въ то, что кузнецы (вообще носители таинственныхъ силъ и знаній) куютъ вѣнцы, предназначенные для опредѣленной четы, до сихъ поръ воспѣвается въ подблюдныхъ пѣсняхъ и въ свадебныхъ о Кузьмѣ и Демьянѣ.

Между тѣмъ какъ судъ, судьба были роковыми и большею частью грозными предопредѣленіями, „участь“ (иначе „счастье, таланъ“) представляется предопредѣленіемъ добраго и въ этомъ смыслѣ противополагается „зло(с)частію“:

„По участи было по стараго (Ильи),
По злосчастьицу было поляницыну“ [2]).

И здѣсь предопредѣленіе смѣшивается съ Богомъ: иногда участь героя отождествляется съ Божьей милостью [3]); вмѣсто злочастія является наказаніе за грѣхи [4]); побѣда надъ врагомъ объясняется не участью героя, а оказанною ему „Божьей помощью“ [5]), какъ обычно объясняется она въ старыхъ лѣтописяхъ. иногда замѣняющихъ этимъ выраженіемъ слово „побѣда“. Въ былинахъ отразилось также весьма распространенное вѣрованіе во вліяніе свѣтилъ и времени рожденія на жизнь человѣка. Мать говоритъ Добрынѣ: „Видно ты... зародился въ ту звѣзду, въ ту минуту безсчастную, не въ таланную“ [6]). Это вѣрованіе, пришедшее, вѣроятно, съ апокрифической литературой и замѣнившее собою языческій культъ Рода и рожаницъ, отмѣчено Домостроемъ, который осуждаетъ современныя ему „басни“ „о злыхъ часѣхъ и о нарожденіи человѣчестѣмъ въ которую звѣзду или часъ— добръ или золъ, и получая счастковъ... и долголѣтству житія и скращенія смерти“ [7]).

Извѣстно, кокое огромное вліяніе оказывала апокрифическая литература на міросозерцаніе древней Руси. Вообще первые послѣдователи новой религіи брали изъ нея то, что соотвѣтствовало ихъ неразвитому уму. Почти не воспринявши нравственной

---

1) *Рыбн.* I, 40; III, 3.
2) *Тих.* и *Милл.* II, 110—1; ср. 62, 287; *Кир.* III, 26.
3) *Рыбн.* III, 110; Бѣлом. был., 361, 488, 419.
4) *Гильф.* 1205.
5) *Кир.* III, 115; *Гильф.* № 136, ст. 19; № 147, ст. 45; ср. Бѣл. был., 61.
6) *Рыбн.* III, 85 и друг.
7) Современникъ, т. LXXXIII, отд. I, 530—1, 534—5.

Digitized by Google

стороны христіанства, они глубоко прониклись чудесными вѣрованіями и сказаніями и особенно увлекались апокрифической литературой, которая выставляла ветхозавѣтныя, новозавѣтныя и свято-отеческія лица и событія въ особенно чудесныхъ, живыхъ образахъ. Это влеченіе къ таинственному было свойственно одинаково какъ необразованнымъ классамъ, такъ и духовенству: Авраамій смоленскій читалъ „глубинныя книги" и рисовалъ картины мытарствъ; новгородскій архіепископъ Василій разыскивалъ рай и адъ, даже разспрашивая о нихъ у людей, бывавшихъ на морѣ и видавшихъ всякія чудеса.

Тяготѣніе религіозной мысли къ чудесному ярко отражается въ былинахъ. Богатырямъ въ ихъ битвахъ помогаютъ не только Богъ и Богородица, но и ангелы, спускающіеся съ неба, шепчущіе имъ слова, влагающіе имъ особенныя силы, или разрывающіе ихъ оковы [1]); ангелы же оживляютъ незаслуженно казненнаго атамана каликъ [2]); иногда ангелы являются въ видѣ голубей [3]); такое олицетвореніе встрѣчается и въ западномъ эпосѣ, [4]) и въ малорусской колядкѣ [5]), и въ духовныхъ стихахъ [6]).

Но даже тѣ чудеса, которыя представлялись наивному воображенію религіозно настроенныхъ книжныхъ людей древней Руси, народъ не могъ воспринять въ чистомъ видѣ, и въ его сознаніи они получали еще болѣе фантастическую окраску. Мы уже видѣли (гл. III), что участіе архіепископовъ въ прекращеніи новгородскихъ побоищъ представлено былиной въ такомъ видѣ, что сама Богородица, вышедши изъ монастыря, велѣла унять Василія Буслаевича. Подобную же легенду представляетъ знаменитый запѣвъ былины о Василіи и Батыгѣ, разсказывающій о плачѣ Богородицы, „стѣны-ограды городовой", на кіевской стѣнѣ: она плакала о предстоящей погибели Кіева, вѣдая надъ нимъ невзгоду, какъ въ 1169 г. „плакала на иконахъ св. Богородица, провидѣвши бо мати Божія пагубу, хотящую быти надъ Новымъ-

---

1) *Кир.* VII, Доп., 6; Рыбн. III, 212; *Тих.* и *Милл.* II, 46. Ср. ib., 2, 10; Бѣлом. был. 51, 231, 306.

2) *Гильф.* № 96, ст. 179.

3) *Тих.* и *Милл.* II, 2[illegible]8; *Гильф.* 1174; Бѣлом. был. 421.

4) *Дашкевичъ*, 48, прим.

5) *Головацкій*, Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, II, 2?.

6) Этнограф. Обозр., кн. XXXVIII, 176.

Digitized by Google

городомъ." „Представленіе Богородицы оплотомъ, стѣною, покровомъ", говоритъ акад. *Веселовскій* [1]), „настолько естественно, что народная поэтика легко могла обобщить эпитетъ въ самостоятельный образъ" плача стѣны. Пріуроченіе этой легенды къ Кіеву объясняется мозаическимъ изображеніемъ Богородицы на сводѣ Кіево-Софійскаго собора, называемымъ „Нерушимою стѣною." Названіе стѣной городовой всякаго оплота, защиты, настолько вошло въ употребленіе, что въ былинѣ жена называетъ своего мужа:

„Крѣпкая державушка, стѣна городовая" [2]). Легенды объ испусканіи слезъ иконами Богородицы были очень популярны: разсказы о плачѣ Богородицы передъ какимъ-нибудь несчастіемъ десятки разъ повторяются въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ XII—XIV вв.

Вмѣстѣ съ чудесной стороной христіанскаго ученія въ сознаніе народа проникла его обрядовая сторона. Эта послѣдняя была воспринята самымъ наивнымъ образомъ и смѣшалась съ языческими обрядами. При этомъ религіозные обряды не были отличены отъ простыхъ требованій культурной жизни, принесенныхъ изъ Византіи. Былина влагаетъ въ уста восточнаго царя слѣдующія слова:

„На святой Руси вѣра есть тяжелая:
Съ каждой-то ночи нать (надо) умыть твое лицо,
Помолиться вѣдь нать все Богу-Господу,
Поклониться вѣдь нать да Божьей матери" [3]);

самъ царь, въ отличіе отъ русскихъ богатырей, всегда умывающихся послѣ сна,—

„А не мылъ-то онъ своего лица чернаго,
А не кстилъ-то своего лица поганаго" [4]).

Такое же представленіе объ умываньѣ выражается въ думѣ объ Иванѣ Коновченкѣ, которому говоритъ гетманъ:

„Ой, сыну Коновченьку, треба ся впередъ вмыти
И Богу ся помолити, виттакъ на війну ити" [5]).

---

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв. ч. CCXLII, отд. 2, стр. 186—7; ср. его же Ю.-р. был., гл. VII, 266; *Дашкевичъ*, 57, прим.; *Миллеръ*, Очерки, 314—5.

[2]) *Рыбн.* I, 145.

[3]) Бѣлом. был., 100.

[4]) Ib., 421.

[5]) Отрывокъ приведенъ у *Жданова*, Русск. б. эп., 397.

Digitized by Google

Какое значеніе умыванію придавали даже духовныя лица въ XII в., видно изъ того, что епископъ Нифонтъ, на вопросъ Кирика, можно ли вечеромъ умыться, а утромъ не умывшись начать службу,— велѣлъ уклоняться отъ этого [1]).

Смѣшеніе языческихъ обрядовъ съ христіанскими особенно ярко обнаруживается въ похоронныхъ обычаяхъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно описаніе тризны, которое мы находимъ въ словахъ князя Владимира, утѣшавшаго отца, который потерялъ въ битвѣ своего малолѣтняго сына Михайлу Даниловича:

„А мы похороны справимъ княженецкія:
Созовемъ поповъ съ сорока церквей,
Сорокъ перваго владыку Софійскаго,
(т. е. кіевскаго митрополита)
И честнаго отца Печережскаго;
(т. е. игумена Печерскаго монастыря)
Отпоемъ ему память вѣчную,
Еще тризну мы справимъ шестодневную
Нищей братьѣ на угощеніе,
Честному міру на поминаніе“ [2]).

Поминаніе умершихъ пиромъ и весельемъ сохранилось въ былинѣ о Терентіи: скоморохи говорятъ, что онъ умеръ, и просятъ его жену пустить ихъ къ себѣ „въ гусельки поиграть;—станемъ Терентья поминать“ [3]). Малорусская дума называетъ поминки свадьбой: мать Коновченка,

„Всіхъ казаківъ на хлібъ, на сіль зазывала,
Похороны и весильля Ивасеві одбувала“ [4]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи до сихъ поръ поютъ и играютъ надъ покойниками [5]).

Въ одномъ пересказѣ былины о Потокѣ упоминается весьма древній обычай возить мертвыхъ на саняхъ; замѣчательно, что объ исполненіи этого обычая заботится духовенство: *попы* приказываютъ Потоку привезти къ могилѣ тѣло его жены на саняхъ [6]).

---

[1]) *Хлѣбниковъ*, 344.

[2]) Этнографич. Обозр., кн. XXIX—XXX, 80=*Миллеръ*, Очерки, 420.

[3]) *Рыбн.* III, 253.

[4]) *Ждановъ*, ор. с., 398. Эта дума представляетъ параллель былинѣ о Михайлѣ Даниловичѣ.

[5]) Кіевская Старина 1890 г., № 1, стр. 132.

[6]) *Кир.* IV, 57.

Digitized by Google

Свидѣтельства объ исполненіи этого обычая въ высшемъ обществѣ относятся къ XI вѣку: св. Бориса несли на погребеніе въ саняхъ; князя Изяслава въ 1078 г. сначала везли, а потомъ понесли на рукахъ [1]). Въ крестьянской средѣ обычай отвозить лѣтомъ покойниковъ на кладбище на саняхъ существуетъ до сихъ поръ въ Вологодской губ. и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи [2]). Какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другомъ мѣстѣ былина выставляетъ духовенство поборниками старинныхъ, хотя-бы и нехристіанскихъ обычаевъ. Къ международному сюжету объ опусканіи мужа съ умершей женой въ могилу былина прибавляетъ конфликтъ между духовенствомъ и княземъ. Потыкъ даетъ свое обѣщаніе идти въ могилу вмѣстѣ съ женой, если она умретъ раньше его, въ церкви, при свидѣтеляхъ—членахъ церковнаго причта. Когда она умерла, попы хотѣли класть въ могилу обоихъ супруговъ; но князь вступился за своего дружинника:

„Я не дамъ Михайлушка ложить съ Авдотьей Лиходѣевной;
Повалите вы Авдотью все одну вы въ гробъ,
Положите на Авдотью полосу желѣзную,
Посадите вы Потыка Михайла со добрымъ конемъ,
Положите вы ему да саблю вострую;
Ужъ поставлю я къ могилѣ крѣпкихъ караульщичковъ“.

Послѣднее распоряженіе князя былина называетъ хорошимъ, хитрымъ и мудрымъ [3]). Кромѣ указаннаго пересказа, распоряженіе князя оттѣняетъ лишь одна старая запись, передающая слова Владимира: „Нигдѣ такъ тово не слыхано и не видано, чтобы живыя ложилися съ мертвыми“, и его распоряженіе охранить безопасность Потока въ могилѣ [4]). Наконецъ, одинъ пересказъ заставляетъ князя протестовать противъ самой заповѣди Потока [5]) Эти протесты наиболѣе культурнаго элемента древней Руси, князей, противъ варварскихъ обычаевъ населенія, вѣроятно, основаны на дѣйствительныхъ фактахъ стараго быта.

---

[1]) *Полевой*, II, 51, 128.

[2]) Русская Старина 1887 г., т. 56, Кіевская Старина 1890 г., № 1, стр. 132. Вообще о ѣздѣ на саняхъ лѣтомъ см. Бѣлом. был. 22.

[3]) Бѣлом. был., 76.

[4]) *Тих.* и *Милл.* I, 44; ср. 29, 36.

[5]) *Гильф.* № 6, ст. 245.

Digitized by Google

Я уже указывалъ, что изъ христіанскаго ученія была воспринята преимущественно его чудесная сторона. Теперь я остановлюсь на томъ, что́ вообще вошло въ народное почитаніе и насколько была понята новая религія. Изслѣдователи [1]) отмѣчаютъ формальное пониманіе или непониманіе христіанскаго вѣроученія первыми русскими его адептами. Былины вполнѣ подтверждаютъ такой взглядъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. „Чудный" (чудотворный) стало эпитетомъ всякаго образа; „молитва Исусова" (Отче нашъ) стало обозначать всякую молитву; замѣтимъ, что это выраженіе въ такомъ же смыслѣ употреблено духовнымъ лицомъ въ началѣ XIII в. [2]). Вообще спеціальныя церковныя выраженія употребляются въ былинахъ безъ опредѣленнаго смысла. Если мы встрѣчаемъ въ сказаніи о князѣ Довмонтѣ извѣстіе, что онъ „много трудился за домъ св. Троицы и за домъ св. Софіи", [3]) то намъ понятно, что̀ хотѣлъ сказать лѣтописецъ: церковь Троицы характеризуетъ Псковъ, церковь Софіи—Новгородъ; когда же въ былинѣ мы находимъ просьбу Ильи къ своей дружинѣ заступиться за Кіевъ ради дома Богородицы, вдовъ, сиротъ, бѣдныхъ людей и святой Руси [4]), то мы видимъ полное непониманіе весьма, вѣроятно, употребительнаго выраженія. Слова церковной проповѣди принимались безъ вдумчиваго отношенія; обличеніе „игрищъ" и „плясаній" проникло въ былину о Садкѣ, но не сообщило ей аскетическаго характера: во снѣ ему является старчище (св. Николай) и говоритъ, что море всколебалось отъ его „игръ бѣсовскихъ" и отъ „плясокъ нечестивыхъ". [5]) Въ современныхъ записяхъ этой былины способствуетъ утишенію бури Никола Можайскій, старинный чтимый образъ святого [6]); въ житіи св. Исидора Ростовскаго († 1474), напоминающемъ былину [7]), успокоителемъ моря является этотъ святой. Николай Можайскій въ былинѣ о Потыкѣ является сѣдымъ старцемъ, какъ, въ былинѣ о Садкѣ, но въ видѣ „матерой

---

1) Напр., *П. Н. Милюковъ*, Очерки... русской культуры, т. II, оч. V, гл. I.

2) *Макарій*, Ист. русск. церкви, III, 169.

3) Русскій Временникъ, I, 181; ср. 156.

4) *Рыбн.* III, 210; *Гильф.* 1270.

5) *Рыбн.* I, 369.

6) О немъ см. Душеполезное Чтеніе 1872 г., № 12, стр. 408—411.

7) *Халанскій*, Вр. был. К. ц., 70—1.

Digitized by Google

калики сѣдатой и плѣшатой", такъ что его образъ прямо срисованъ съ иконы. Кромѣ этого святого, въ былинахъ упоминаются Михайло Архангелъ, Егорій Храбрый, Софія Премудрая и однажды Стефанъ Архидьяконъ [1]). Изъ праздниковъ въ былинахъ играетъ роль только одинъ національный праздникъ—Благовѣщеніе [2]), который былъ популяренъ съ самыхъ раннихъ поръ, судя по тому, что еще въ 1037 г. Ярославъ заложилъ въ Кіевѣ церковь Благовѣщенія св. Богородицы. По словамъ проф. *Жданова* [3]), „въ разсказѣ объ отношеніяхъ Чурилы къ женѣ Бермяты былина отмѣчаетъ день ихъ свиданія", канунъ Благовѣщенія имѣвшаго значеніе „дня воздержанія по преимуществу". „Это обстоятельство придаетъ волокитству Чурилы значеніе нечестія, неуваженія къ святой праздничной ночи". Мы видѣли (гл. III), что былина вспоминаетъ Пасху, Николинъ и Петровъ день только потому, что въ эти дни устраивались братчины.

Былины относятся къ той эпохѣ, когда Святая земля привлекала къ себѣ вниманіе всего европейскаго міра. Русскій народъ не настолько проникся приверженностью къ новой религіи, чтобы своею кровью отстаивать ея интересы, какъ было на западѣ; но потокъ всеобщаго увлеченія христіанскою древностью коснулся и древней Руси. Мы знаемъ, что въ XII в. самыми усердными посѣтителями Палестины были жители Новгорода, гдѣ вліяніе западно-европейскихъ идей было особенно сильно. Въ

---

[1]) *Кир*. V, 52.

[2]) До сихъ поръ въ сборникахъ великорусскихъ пѣсенъ не попадалось обрядовыхъ пѣсенъ, поющихся въ Благовѣщеніе; поэтому я приведу свою запись такой пѣсни, сдѣланную въ Гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губ.:

„Благовѣщенье Христово,
Не ночуй за рѣкой,
Не залейся водой,
Приходи скорѣй домой
Хрѣнъ, капустку хлебать,
Бѣлы снѣги провожать,
Тёпло лѣтечко встрѣчать.

Ужъ ты, матушка-весна!
Что жъ ты намъ принесла?
—Я—соху, борону,
Кобылу ворону,
Арьжаной колосокъ
Ребятушкамъ на квасокъ,
А дѣвушкамъ голосокъ.

[3]) Русск. был. эп., 286, прим. 2. Въ Кормчей 1282 г. говорится, что въ день Благовѣщенія „многіе предъ хракпины своими или враты домовъ своихъ пожаръ запаливше, пресвакоютъ по древнему нѣкоему обычаю". *Владиміровъ*, 90. Этотъ обрядъ указываетъ на то, что языческое празднованіе встрѣчи весны съ древнѣйшихъ временъ было пріурочено къ Благовѣщенію.

Digitized by Google

былинахъ сохранилась память о каликахъ [1]) въ весьма яркихъ образахъ. Паломники называются всегда каликами, и только въ былинѣ о боѣ Василія Буслаевича съ новгородцами встрѣчается зап.-европейское названіе „пилигримище“ [2]). Основаніемъ путешествія въ Святую землю былины выставляютъ желаніе „святой святынѣ [3]) помолиться, къ Господнему гробу [4]) приложиться, въ Іорданъ-рѣкѣ окупаться“; иногда прибавляется при этомъ: „на Ѳаворъ-горѣ“ или „въ кипарисномъ деревцѣ осушиться“, „въ своихъ грѣхахъ попрощаться“ (покаяться), „въ плакунъ-травѣ покататься“, „нетлѣнной ризой утереться“. Изъ этихъ мотивовъ три первые давно проникли въ литературу. Въ апокрифической повѣсти о Соломонѣ и царицѣ Южской, послѣдняя идетъ въ Іерусалимъ „святая-святымъ [5]) помолитися, купецъ Василій Гагара, близко подходившій къ простонароднымъ вѣрованіямъ, ходившій въ Палестину въ тридцатыхъ годахъ XVII в , говоритъ, что онъ обѣщался въ Іерусалимъ идти помолиться, у Господняго гроба приложиться, *въ Іерданѣ искупаться* и греческимъ патріархамъ въ грѣхахъ покаяться [7]).

Калики составляли прочно организованную „дружину“, имѣвшую своего атамана и подъатаманья. Ходили они толпами въ 40, 30, 12 человѣкъ (40 каликъ, дружина Василія Буслаевича, повѣсть о 7 богатыряхъ); извѣстно, что наши ранніе паломники ходили съ „дружинами“ въ нѣсколько человѣкъ. Интересно заявленіе каликъ о своихъ правахъ самосуда:

---

[1]) Старинная форма „калигп“, употреблявшаяся въ знач. обуви паломника и потомъ перешедшая на обладателя обуви (ср. обращеніе къ каликѣ: „куда снялся, *сума* переметная?“), до сихъ поръ звучитъ въ сибирскихъ записяхъ былинъ: Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. 1, стр. 45, 51; ср. тамъ же, 75: „калмыгами“, вм. калмыками. Въ одной былинѣ вм. каличище—„клячище“: *Кир.* I, 29.

[2]) Отсюда оно попало въ былины. *Рыбн.* III, 32; I, 232.

[3]) Или „чуднымъ крестамъ“.

[4]) Или „къ святымъ мощамъ“, „къ честнымъ мощамъ причаститься“.

[5]) Это выраженіе, обозначающее часть Іерусалимской скиніи, объясняетъ непонятныя слова былинъ: „святой святынѣ“.

гробу Господню приложитися, мудрости... Соломона извѣдати“ [6]),

[6]) *Ждановъ*, Р. был. эп , 580.

[7]) Ib., 345, прим. 1.

Digitized by Google

„Не ходити намъ подъ царскій судъ,
Ни подъ царскій судъ, ни подъ княжескій“;

если же кто-нибудь провинится,

„Намъ судить *таковаго* своимъ судомъ“ [1]).

По уставамъ XI—XII вв. калика, паломникъ входили въ число лицъ, призрѣваемыхъ церковью, и подлежали церковному суду [2]). Упоминаніе „царскаго суда“ указываетъ, вѣроятно, на то, что калики предусматривали преступленія, которыя они могли совершить на Византійской территоріи. Что касается заявленія каликъ о своей самостоятельности, то оно характеризуетъ именно новгородцевъ (какими дѣйствительно были 40 каликъ) и напоминаетъ лѣтописныя выраженія XIV в. Въ 1391 г., когда митрополитъ Кипріянъ сталъ просить у новгородцевъ мѣсячной платы за судъ, они отвѣчали: „Цѣловали есмя крестъ вси за единъ (v. съ одного)—не зватись намъ къ митрополиту на судъ, и митрополиту насъ не судити (v. не зватися къ митрополиту на Москвѣ на судъ, но судити владыкѣ (т. е. архіепископу) по Манакунуну, а посаднику и тысячкому *судити свои суды*). И грамоты есмя пописали и попечатали, и души запечатали (v. и грамоту списали *промежи себе* [3]) крестную“ [4]).

Передъ отправленіемъ въ Іерусалимъ калики кладутъ между собой заповѣдь не воровать, не упадывать на женскую прелесть и не плутовать (лгать); виновнаго въ этихъ проступкахъ ждетъ жестокое наказаніе: у него вытягиваютъ языкъ, вырѣзаютъ глаза, отсѣкаютъ руки и ноги, ломаютъ ребра, жгутъ на груди селитру, наконецъ, вырѣзаютъ сердце и отрубаютъ голову. Эта жестокость легко объясняется тѣмъ, что калики, какъ люди, подлежащіе

---

1) Бѣлом. был., 139—40, 445, 494, 524; *Тих.* и Милл. II, 255.

2) *Макарій*, Ист. русск. церкви, I, 268; II, 361. Въ привиллегіи одному Полоцкому монастырю (до XV в.) „судити и рядити“ старцевъ, живущихъ на монастырской землѣ, предоставляется только игумену; по мнѣнію г. *Данилевича* (Очеркъ исторіи Полоцкой земли, 214—5), здѣсь разумѣются старики, не имѣвшіе возможности зарабатывать пропитаніе, напр., калѣки.

3) Ср. въ былинѣ: „клали заповѣдь промежу собой“.

4) Русскій Временникъ, I, 323; П. С. Р. Л. IV, 91, 99; XI, 126. Краткія извѣстія о томъ же въ лѣтописяхъ: Софійской I, Новгородской I; ср. подобное выраженіе въ Рукописаніи Магнуша, 1352 г. Соф. Временникъ, I, 335.

Digitized by Google

церковному суду, расправляются съ виновными по византійскому Номоканону, который церковь употребляла по отношенію къ своимъ людямъ. По византійскимъ законамъ, виновный въ прелюбодѣяніи съ черницей или въ связи съ замужней женщиной наказывался отрѣзаніемъ носа. О томъ, что предписанія Номоканона дѣйствительно выполнялись, свидѣтельствуютъ факты, отмѣченные лѣтописью: въ 1056 г. за клевету на епископа его рабъ былъ наказанъ отрѣзаніемъ носа и отсѣченіемъ рукъ [1]); Майковъ [2]) справедливо указалъ на то, что постановленіе каликъ напоминаетъ казнь еретика, ростовскаго епископа Ѳеодора, которому въ 1169 г., по приговору кіевскаго митрополита, отрѣзали языкъ и правую руку, выкололи глаза и наконецъ отсѣкли голову.

Путь каликъ въ былинахъ описывается согласно съ извѣстіями старыхъ паломниковъ. Такъ же какъ эти послѣднія, былины не упоминаютъ о пути отъ Кіева до Царьграда, но послѣдній городъ упоминается постоянно: на вопросъ богатырей, откуда идутъ калики, они отвѣчаютъ всегда: „изъ Царьграда"; извѣстно, какую роль играютъ богатыри, переодѣтые каликами, въ Царьградѣ. Какъ старые паломники, такъ и былина о Василіи Буслаевичѣ подробно описываютъ только самую Святую землю и на пути интересуются однимъ только Константинополемъ. Во время своихъ странствій калики встрѣчали разноплеменныхъ паломниковъ, которые пѣли священныя пѣсни и разсказывали преданія, большею частью основанныя на апокрифахъ; отъ такихъ лицъ калики заимствовали преданія и пѣсни, положившія основу русскимъ духовнымъ стихамъ. Любопытное свѣдѣніе объ этомъ дастъ былина о 40 каликахъ, которые поютъ „Еленскій стихъ" князю и княгинѣ [3]) и за свое пѣніе получаютъ отъ нихъ пищу, ночлегъ и щедрое подаяніе. Въ духовной литературѣ XI—XV вв. нерѣдко

---

[1]) *Хлѣбниковъ*, 355, 359—60. Подобныя жестокости практиковались и въ свѣтскомъ обществѣ: въ 1215 г. новгородцы отрѣзали носъ, уста и уши у одного боярина: П. С. Р. Л. X, 68.

[2]) О был. Вл. ц., 92. По византійскому установленію, принятому въ древней Руси, люди, производившіе церковный мятежъ, слѣдовательно, и еретики, наказывались *сожженіемъ*. *Бѣляевъ*, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 335.

[3]) *Тих.* и *Милл.* II, 256; Бѣлом. был., 140, 446, 491, 524.

Digitized by Google

встрѣчается слово „елиньскый“ [1]) для обозначенія греческаго въ одномъ позднемъ лѣтописцѣ (по рук. XVII в.) находимъ и нашу форму „Еленскій“ [2]). Слѣд., калики пѣли духовный стихъ; перенятый у грековъ. Вѣроятно, они перенимали и у другихъ народовъ; по крайней мѣрѣ, былина (также новгородская) о Ставрѣ упоминаетъ о томъ, что онъ пѣлъ Еврейскій стихъ [3]). Вѣроятно, подобныя поэтическія произведенія лежатъ въ основѣ упоминаемыхъ былинами сыгрышей отъ Царяграда (эллинскихъ) и напѣвокъ (топцовъ) отъ Іерусалима (еврейскихъ [4]).

Вліяніе византійскихъ и з.-европейскихъ паломниковъ отразилось и на одеждѣ каликъ, принадлежностью которой (какъ я указалъ выше, гл. II) является „гуня сорочинская“; этому названію въ старинномъ сказаніи о Соломонѣ соотвѣтствуетъ „каличейское платье“—„свита срацынская“ [5]); шляпа земли Греческой характеризуетъ путь каликъ черезъ Византію.

Паломничество въ Палестину у насъ имѣло такое же значеніе, какое въ Западной Европѣ имѣли крестовые походы. Конечно, вліянія арабско-греческой культуры на Западъ и на Россію не могутъ идти въ сравненіе по силѣ: первое было широко и интенсивно, тогда какъ второе ограничивалось областью церкви и литературы и самое большее, что̀ могло сдѣлать, это—подготовить интенсивныя литературныя связи съ Балканскимъ полуостровомъ, обнаружившіяся въ XV в. Но и это было большою заслугой русскихъ паломниковъ, которая вполнѣ оправдываетъ ихъ жизнь на чужой счетъ. Познанія и свѣдѣнія о разныхъ странахъ, которыя имѣли калики, цѣнились и въ старину. Въ 1283 г. въ Курской области татары захватили паломниковъ-переходниковъ (ср. „калики *перехожіе* “) „иже ходятъ по землямъ милостыни просяще“; баскакъ Ахматъ не только отпустилъ ихъ, но еще далъ имъ одежду избитыхъ имъ бояръ, сказавши, чтобы они рас-

---

1) *Срезневскій*, v. s.

2) *Ждановъ*, Р. был. эп., 605 (легенда объ апост. Андреѣ). О значеніи слова „Еленскій“ догадывался еще г. Квашнинъ-Самаринъ: Труды Этнографич. Отдѣла, кн. V, в. II, 9.

3) *Кир.* IV, 67=*Тих.* и *Милл.* II, 203.

4) Ср. *Весселовскій*, Разысканія въ области русск. дух. стих. VI—X. СПБ 1883, стр. 216—7; *Миллеръ*, Очерки, 60—1.

5) *Пыпинъ*, Памятники стар. русск. лит. III, 68.

Digitized by Google

пространяли „по землямъ“ вѣсти о правахъ баскаковъ [1]). Въ былинахъ калики обыкновенно передаютъ вѣсти: о смерти героевъ, о вражескомъ войскѣ, положеніи дѣлъ въ Царьградѣ и т. п. Насколько уважались калики, видно изъ того, что въ ихъ видѣ являются св. Николай, Михайло Архангелъ и даже „самъ Исусъ Христосъ, два апостола“ [2]). Припомнимъ, что прозвище Калики носили такія уважаемыя лица, какъ новгородскій архіепископъ Василій (ок. 1330 г.) и псковскій воевода Карпъ Даниловичъ (1341 г.).

О паломничествѣ былины даютъ весьма богатый матеріалъ, на который давно было обращено вниманіе изслѣдователей древнерусской культуры (Срезневскій, акад. Веселовскій). Эти яркіе образы каликъ въ былинахъ и роль, которую они играютъ въ жизни героевъ русскаго эпоса, невольно вызываютъ предположеніе, что калики перехожіе сами участвовали въ сложеніи и распространеніи былинъ серіознаго содержанія; ихъ идеализація (образы святыхъ), а особенно яркая картина всей организаціи паломничества въ былинѣ о сорока каликахъ со каликою свидѣтельствуютъ о томъ, что, по крайней мѣрѣ, эта послѣдняя былина возникла въ средѣ, которую она описываетъ.

Заканчивая свою статью, я долженъ выяснить, насколько весь ходъ ея подтверждаетъ мысли, высказанныя въ ея началѣ. Я указывалъ на поэтическій характеръ матеріала, изъ котораго я хотѣлъ построить историко-культурную картину. Трудность такого построенія, конечно, сказалась въ моей работѣ, въ которой много сомнительнаго, недосказаннаго и даже предположительнаго; пришлось не разъ оговорить свое утвержденіе, что такая-то черта отвѣчаетъ дѣйствительному быту, предположеніемъ о ея поэтическомъ характерѣ или иностранномъ заимствованіи; историческія свидѣтельства иногда брались мною изъ времени болѣе поздняго, чѣмъ опредѣленная мною эпоха сложенія былинъ— XII—XV вв. Что касается самой эпохи появленія русскаго эпоса, то думаю, что мои историческія ссылки въ общемъ подтвердили высказанное мною мнѣніе, хотя вполнѣ точно обосновать его

---

[1]) Воскресенская лѣт (*Срезневскій*, сл. „баскакъ“); *Майковъ*, Матеріалы по стар. русск. лит. I, 41.

[2]) *Кир.* I, 1.

Digitized by Google

нельзя вслѣдствіе бѣдности древней литературы. Думаю, что приведенныя параллели былиннымъ даннымъ нѣсколько подтверждаютъ и географическій очеркъ района ихъ возникновенія; по крайней мѣрѣ, я старался отмѣтить разницу экономическихъ и соціальныхъ явленій сѣверо-восточной и юго-западной Руси.

Объясненіе сокращеній при сноскахъ.

Аристовъ.—Аристовъ, Промышленность древней Руси. СПБ. 1866.

Буслаевъ, Нар. п.—Буслаевъ, Народная поэзія.

Буслаевъ, Русск. хрест.—Буслаевъ, Русская хрестоматія, четвертое изданіе. М. 1888.

Бѣлом. был.—Бѣломорскія былины, записанныя А. Марковымъ. М. 1901.

Веселовскій, Ю.-р. был.—Веселовскій, Южно-русскія былины.

Владиміровъ.—Владиміровъ, Введеніе въ Исторію Русской Словесности. Кіевъ. 1896.

Гильф.—Гильфердингъ, Онежскія былины; сноски сдѣланы или на нумера былинъ, или на столбцы перваго изданія.

Дашкевичъ.—Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца, книга III, отдѣлъ II. Дашкевичъ, Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси.

Ждановъ, Р. был. эп.—Ждановъ, Русскій былевой эпосъ. СПБ. 1895.

Журн. Мин. Нар. Просв.—Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Забѣлинъ, II.—Забѣлинъ, Исторія русской жизни, томъ II.

Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. А. Наукъ.—Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Кир.—Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ.

Лобода.—Лобода, Русскій богатырскій эпосъ. Кіевъ. 1896 (изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій за 1896 годъ).

Майковъ.—Майковъ, Л. Н., О былинахъ Владимірова цикла. СПБ. 1863.

Миллеръ, Очерки.—Миллеръ, В. Ѳ. Очерки русской народной словесности. Былины. I—XVI. М. 1897.

Миллеръ, Экскурсы.—Миллеръ, В. Ѳ., Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892.

Милюковъ, Очерки русск. культ.—Милюковъ, П. Н., Краткіе очерки по исторіи русской культуры, первое изданіе.

Полевой, II.—Полевой, П., Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта, выпускъ II. СПБ. 1880.

П. С. Р. Л.—Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей.

Рускій Врем.—Рускій Времянникъ, сирѣчь Лѣтописецъ. М. 1820.

Digitized by Google

Рыбн.—Рыбниковъ. Пѣсни, народныя былины, старины и побывальщины

Современникъ, т. LXXX и LXXXIII.—Современникъ 1860 г. Костомаровъ, Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Соловьевъ, I.—Исторія Россіи с древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе Сергѣя Михайловича Соловьева, книга первая, томъ I—V. Второе изданіе. СПБ.

Срезневскій.—Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ, томъ I. СПБ. 1893; томъ II, выпуски I и II (1893 г., кончая словомъ „пакость").

Тих. и *Милл.*—Русскія былины старой и новой записи. Подъ редакціей акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера. М. 1894.

Халанскій, Вр. былины.—Халанскій, Великорусскія былины Кіевскаго цикла.

Халанскій, Крал. Марко.—Халанскій, Южно-славянскія сказанія о Королевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса.

Хлѣбниковъ.—Хлѣбниковъ, Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи. СПБ. 1872.

Этногр. Обозр., кн.—Этнографическое Обозрѣніе, книга (такая-то).

А. Марковъ.

Digitized by Google

Сказка съ двѣнадцатью персонажами [1]).

IV.

Двѣнадцать азовъ.

Теперь я приступаю къ разсмотрѣнію четвертой модификаціи сюжета о двѣнадцати объединенныхъ тайной персонажахъ. Я подразумѣваю легенду о Бальдрѣ и двѣнадцати азахъ, какъ она изложена въ Снорри-Эддѣ, т. е. въ записи Снорри Стурмзона. Бальдръ, сынъ Одина, предупрежденъ во снѣ, что ему угрожаетъ смертельная опасность, и разсказалъ свой сонъ азамъ. Азы посовѣтовали его матери заклясть всѣ деревья, камни и другіе предметы на землѣ, чтобы они не вредили тѣлу Бальдра. Такъ и сдѣлала мать Бальдра: обошла землю, закляла всѣ деревья и камни, пропустила одну омелу, о которой подумала, что этотъ нѣжный стебель и такъ, безъ заклятія, не можетъ повредить. Азы придумали воспользоваться созданнымъ положеніемъ для забавы; они предложили Бальдру встать на мѣсто мишени, а они будутъ въ него стрѣлять; вѣдь стрѣлы не повредятъ ему, потому что деревья, изъ которыхъ онѣ созданы, закляты. Азы окружили Бальдра и пускаютъ въ него стрѣлы, и бросаютъ каменья, но ничто—ни стрѣлы, ни каменья—не вредятъ Бальдру. Злой Локи, тоже одинъ изъ азовъ, переодѣвается женщиной, идетъ къ матери Бальдра и вывѣдываетъ отъ нея тайну неуязвимости Бальдра, потомъ срываетъ вѣтвь омелы, даетъ ее въ руки слѣпого Гедри, брата Бальдра, стоявшаго внѣ круга стрѣлявшихъ азовъ, и уговариваетъ его наложить вѣтвь омелы на тетиву лука, вмѣсто стрѣлы, и выстрѣлить, а самъ направляетъ

---

[1]) См. „Этнографическое Обозрѣніе“, книги: LVI, LVII и LVIII.

Digitized by Google

руку слѣпого. Омела попала Бальдру въ грудь, и окровавленный богъ упалъ.

Професоръ университета въ Христіаніи Sophus Bugge въ своей книгѣ „О происхожденіи сѣверныхъ сагъ (Studien über die Enstehung der nordischen Götter und Heldensagen, überstz. v. Oscar Brenner, München, 1889) высказалъ свой оригинальный взглядъ на происхожденіе этой легенды. По его мнѣнію, это не народная легенда, она книжнаго происхожденія. Если-бъ она была народная, если-бъ она была произведеніемъ древне-германскаго творчества, то въ нѣмецкомъ народѣ уцѣлѣли бы какіе нибудь отрывки изъ нея, но ихъ нигдѣ въ Германіи не усматривается. Датскій лѣтописецъ Саксо Грамматикъ разсказываетъ легенду о Бальдерѣ, но въ ней нѣтъ ничего общаго съ легендой Снорри Стурмзона, кромѣ именъ. Правда, у Саксо Бальдеръ также сынъ Одина (Отина), какъ и Бальдръ; его соперникъ называется Готерусъ; тамъ Гедри убиваетъ Бальдра, здѣсь Готеръ убиваетъ Бальдера; въ обѣихъ легендахъ находится женщина Нанна; въ скандинавской сагѣ это жена Бальдра, въ датской это жена Готера. Но содержаніе легенды не имѣетъ сходства со скандинавской. Готеръ полюбилъ Нанну, дочь Гевара, и проситъ ея руку, но Геваръ говоритъ, что Бальдеръ сынъ бога Отина и потому могучъ и въ борьбѣ непобѣдимъ, но что если Готеръ надѣется на себя, то пусть беретъ Нанну на свой страхъ. Готеръ женится на ней, а Бальдеръ начинаетъ отбивать ее. Готеръ все терпитъ пораженія, хотя у него въ рукахъ мечъ, которымъ только однимъ можно было убить Бальдера; легенда почему-то этимъ мечемъ не воспользовалась. Готеръ пришелъ въ отчаяніе отъ пораженій и рѣшился бросить свое царство и удалиться въ пустыню. Утромъ жители пошли къ холму, на которомъ Готеръ обыкновенно судилъ народъ; и не нашли его на холмѣ. Готеръ ушелъ по непроходимой тропинкѣ и тамъ въ лѣсу нашелъ трехъ фей, а потомъ подъ видомъ арфиста онъ входитъ въ домъ другихъ трехъ женщинъ. Здѣсь онъ получаетъ чудодѣйственный поясъ, и какъ только послѣ этого онъ вступилъ въ поединокъ съ Бальдеромъ, онъ убилъ его.

Этой датской легендѣ Бугге также приписываетъ книжное, искусственное происхожденіе; онъ думаетъ, что она создана подъ вліяніемъ Иліады Гомера. Бальдеръ, уязвимый только

Digitized by Google

при помощи пояса, это Ахиллесъ, уязвимый только въ пятку; Готеръ, женившійся на Наннѣ, засватанной Бальдеромъ, это Парисъ, увезшій Елену.

Скандинавской сагѣ о Бальдрѣ Бугге приписываетъ происхожденіе изъ христіанскихъ и древне-еврейскихъ легендъ. Она сложилась, по его мнѣнію, во 1-хъ, изъ отрывка изъ легенды, помѣщенной въ еврейской книгѣ Tole-doth, во вторыхъ, изъ апокрифической легенды о слѣпомъ Лонгинѣ. Евреи связали Христа и хотѣли побить его камнями и распять, но камни минуютъ его тѣло, дерево, на какое его ни повѣсятъ, распадается на части. Тогда Іуда объясняетъ имъ это чудо: Христосъ благословилъ всѣ камни и деревья, чтобы они не вредили ему. Но у него въ огородѣ есть кочерыжка, на ней нужно попробовать распять Христа. И, дѣйствительно, онъ былъ распятъ на этой кочерыжкѣ. Бугге думаетъ, что Христосъ рукою исландскаго писателя былъ замѣщенъ Бальдромъ, Іуда—Злымъ Локи, евреи замѣнены азами, кочерыжка омелой. Легенда о Лонгинѣ разсказываетъ, что палачи, желая убѣдиться, живъ или уже умеръ Христосъ, висящій на крестѣ, привели слѣпого Лонгина, дали ему въ руки копье и предложили ему нанести ударъ въ тѣло Христа; онъ сказалъ имъ, что онъ слѣпой, а потому проситъ не винить его, если ударъ будетъ невѣрный, но палачи направили его руку и копье сдѣлало рану въ боку Христа. Въ скандинавской легендѣ Лонгинъ явился подъ видомъ Гедри.

Если такъ, если дѣйствительно обѣ саги были сочинены независимо одна отъ другой, одна въ исландскомъ кабинетѣ, другая въ датскомъ, если онѣ не имѣютъ общаго корня въ народныхъ преданіяхъ, значитъ: нечего въ народныхъ преданіяхъ искать образцовъ, въ которыхъ были бы слиты части и изъ исландской и изъ датской саги. И, напротивъ, если такіе образцы въ народныхъ преданіяхъ будутъ указаны, это поколеблетъ гипотезу Бугге, въ особенности если эти образцы будутъ имѣть видъ цѣльныхъ комбинацій, части которыхъ не будутъ казаться посторонними включеніями.

Я приведу мѣсто изъ ордынскихъ народныхъ преданій, которыя, мнѣ кажется, говорятъ не въ пользу гипотезы Бугге. Датская сага есть варіантъ очень распространенной сказки о двухъ соперникахъ изъ-за женщины; этому сюжету я посвятилъ

Digitized by Google

нѣсколько страницъ въ своей книгѣ: „Восточные мотивы въ средне-вѣковомъ европейскомъ эпосѣ.“ (М. 1899) [1]) Сходная тема послужила содержаніемъ русской былинѣ о богатырѣ Иванѣ Годиновичѣ; смерть богатыря въ былинѣ замѣнена привязываніемъ его къ дереву. Начало былины сходно съ датской сагой: Иванъ Годиновичъ сватается за дочь черниговскаго купца, тотъ говоритъ, что дѣвица уже просватана за царя Вахрамея, и онъ боится его, но если Иванъ Годиновичъ надѣется на свою силу, то онъ можетъ увезти его дочь насильно, т. е. на свой страхъ; отвѣтъ тотъ же, что и отвѣтъ Гевара Готеру.

Одна версія сюжета о двухъ соперникахъ имѣетъ такой видъ: одинъ изъ соперниковъ убиваетъ другого при помощи женщины-измѣнницы; три дѣвицы, которыхъ убитый соперникъ при жизни какъ-то однажды наѣхалъ въ полѣ, воскрешаютъ его; онъ является въ домъ соперника въ видѣ гусляра и убиваетъ его. Въ датской сагѣ женщины измѣнницы нѣтъ, но въ нѣкоторыхъ деталяхъ какъ будто замѣчается вліяніе этой версіи. Готеръ встрѣчаетъ въ полѣ трехъ фей, которыя выказываютъ ему свое доброжелательство, помогаютъ ему совѣтами. Смерть въ датской сагѣ замѣнена удаленіемъ изъ человѣческаго общества въ пустыню; здѣсь Готеръ вновь встрѣчаетъ тѣхъ же трехъ фей; это глухой намекъ на прежнюю редакцію, въ которой три дѣвицы воскресили убитаго героя. Затѣмъ Готеръ приходитъ съ станъ Бальдера съ арфой, заходитъ въ домъ, гдѣ готовится пища для Бальдера, и находитъ тутъ женщину, каторая обнаруживаетъ симпатію къ Бальдеру; Готеръ играетъ на арфѣ, отъ двухъ другихъ женщинъ получаетъ поясъ убійственный для Бальдера, выходитъ изъ дома, встрѣчаетъ Бальдера и убиваетъ его. Все это намекаетъ на разсказъ объ убитомъ, но воскресшемъ соперникѣ; воскрешенный тремя дѣвами герой идетъ въ домъ своего соперника, и находитъ тамъ женщину-измѣнницу; ея другъ, которому она помогала въ убійствѣ, отлучился изъ дома; онъ въ полѣ, на охотѣ; гость играетъ на арфѣ или на гусляхъ; женщина, которая въ датской сагѣ готовитъ пищу для Бальдера, можетъ быть жена Бальдера, которую гусляръ нашелъ въ домѣ въ отсутствіе ея мужа; это, повидимому, Нанна, которую Бальдеръ успѣлъ увезти отъ Готера.

---

[1]) Глава XXVII, стр. 660.

Digitized by Google

Затѣмъ Готеръ выходитъ въ поле, встрѣчаетъ Бальдера и убиваетъ его. Въ той же XXVII главѣ своей книги [1]) я указалъ на киргизскую сказку, въ основѣ которой также лежитъ разсказъ о двухъ соперникахъ. Козу-Курпешъ любитъ красавицу Баянъ-слу, которая обручена съ нимъ еще до ея рожденія, но за нее сватается Кодаръ-кулъ. Козу-Курпешъ находитъ опаснымъ для себя оставаться въ домѣ отца Баянъ-слу, у котораго онъ служитъ пастухомъ, удаляется и прячется въ тополевомъ лѣсу. Но у Баянъ-слу есть злая тетка; она вывѣдываетъ тайну, гдѣ спрятался Козу-Курпешъ [2]) и сообщаетъ ее Кодару. Кодаръ уговариваетъ своего будущаго тестя ѣхать отыскивать Козу-Курпеша. Цѣлая компанія въѣзжаетъ въ лѣсъ, отецъ красавицы видитъ Козу-Курпеша, сидящаго на деревѣ, и находитъ его достойнымъ получить Баянъ-слу въ жены, но Кодаръ пускаетъ стрѣлу и смертельно ранитъ Козу-Курпеша [3]). Въ этой киргизской сказкѣ такая же вражда двухъ соперниковъ изъ-за женщины, какъ и въ датской сагѣ. Нанна это Баянъ-слу; Козу-Курпешъ—Бальдеръ; Кодаръ убиваетъ Козу-Курпеша подобно тому, какъ Готеръ убиваетъ Бальдера.

Перечисленныя совпаденія пока не выходятъ за предѣлы датской саги, но тетка, вывѣдывающая отъ жаворонка тайну, гдѣ скрывается Козу-Курпешъ, и передающая ее Кодару, это мотивъ изъ скандинавской саги; это Локи, вывѣдывающій отъ женщины

---

[1]) Стр. 674.

[2]) Тайну эту тетка вывѣдываетъ отъ жаворонка, выщипывая изъ него перья. Жаворонокъ носилъ извѣстія отъ Баянъ-слу къ скрывавшемуся въ лѣсу Козу-Курпешу и обратно. Я предполагаю, что подъ видомъ жаворонка была душа матери Козу-Курпеша; мотивъ матери, покровительствующей своему сыну, нерѣдко встрѣчается въ народныхъ преданіяхъ. Въ монголо-тибетскомъ преданіи мать подъ видомъ лисицы и сороки доставляетъ свѣдѣнія своему сыну Гэсэру о его женѣ, съ которой онъ въ разлукѣ. Въ русской былинѣ этотъ мотивъ связанъ съ именемъ Добрыни Никитича.

[3]) Сюжетъ этотъ, повидимому, былъ знакомъ и горцамъ сѣвернаго Кавказа. Въ одномъ кавказскомъ преданіи какой-то князь сосваталъ княжну, но Баркимъ обманомъ увезъ ее; въ дорогѣ они ночуютъ; у нихъ есть уже сынъ и дочь. Княжна подпоила Баркима и призвала князя. Князь съ 12 узденями наѣхалъ и связалъ Баркима, а княжну сдѣлалъ своей женой. Баркимъ проситъ дочь подать ему шашку. Та говоритъ: „Не подамъ, мать будетъ ругать“ (отвѣтъ тотъ же, какъ въ русскомъ преданіи о Рафтѣ). Сынъ подалъ и Баркимъ убилъ князя. (Этногр. Обозр. XLVIII, 54—57).

Digitized by Google

Фригги роковую для Бальдра тайну и подбивающій Гедри стрѣлять въ Бальдра.

Въ киргизской сказкѣ есть еще и другіе мотивы, которые намекаютъ на скандинавскую сагу. Азы отправили посла къ Гелѣ, царицѣ мертвыхъ, съ просьбой отпустить Бальдра изъ царства мертвыхъ; Гела согласилась подъ условіемъ, если все живое на землѣ оплачетъ Бальдра; азы разсылаютъ гонцовъ повсюду упрашивать всѣхъ плакать по Бальдру. Въ киргизской сказкѣ Баянъ-слу говоритъ, что, прежде чѣмъ выйти замужъ за Кодара, она должна оплакать своего прежняго любу; она беретъ съ собой сорокъ дѣвицъ, сорокъ кобылицъ только что ожеребившихся, сорокъ такихъ же верблюдицъ, сорокъ такихъ же коровъ и сорокъ такихъ же овецъ, жеребятъ, верблюжатъ, телятъ и ягнятъ оставляетъ въ загородкѣ, а матокъ гонитъ къ мѣсту, гдѣ лежитъ мертвое тѣло Козу-Курпеша; она сама плачетъ о смерти любы, ей вторятъ дѣвицы, вторятъ и животныя. Такимъ образомъ Козу-Купешъ былъ оплаканъ и человѣческимъ голосомъ, и голосомъ животныхъ.

Въ датской сагѣ, когда Нанна увидѣла тѣло своего мужа Бальдра на кострѣ, сердце ея разорвалось отъ печали, она упала на тѣло Бальдра; она была сожжена вмѣстѣ съ Бальдромъ. Баянъ-слу приставила ножъ къ тѣлу Козу-Курпеша и упала на ножъ; она умерла на тѣлѣ своего милаго. Ее похоронили въ одной могилѣ съ Козу-Курпешемъ [1]).

Въ „Восточныхъ мотивахъ" я указалъ на признаки того же сюжета, во 1-хъ, въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ, во 2-хъ, въ тибетской легендѣ о построеніи храма въ Лассѣ. Въ основѣ ласской легенды, по моему мнѣнію, лежитъ фабула извѣстнаго древ-

---

[1]) Та же смерть въ кавказскомъ преданіи о Бороганѣ. Бороганъ пасъ скотъ (какъ и Козу-Курпешъ). Княжна Ахлова (на мѣстѣ Баянъ-слу) выходила на холмъ и любовалась имъ, а онъ ею. Однажды на его скотъ напала шайка чеченцевъ, но Бороганъ одержалъ верхъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, всѣхъ перебилъ и гонится за послѣднимъ, но тотъ обернулся и говоритъ: „не гонись, иначе моя пуля непремѣнно убьетъ тебя, такъ какъ мое ружье изъ ружей Пяси-Лача". Бороганъ не отсталъ и былъ убитъ. Княжна Ахлова выстроила мавзолей, поставила кинжалъ ручкой на грудь Борогана, налегла грудью на конецъ кинжала и умерла. (Этногр. Обозр., XLVIII, стр. 52—54). Можно подозрѣвать, что пуля изъ ружья Пяси-Лача была единственной пулей, которая могла сразить Борогана.

Digitized by Google

няго египетскаго романа о двухъ братьяхъ. Старшій братъ Анпу подозрѣваетъ младшаго Бату въ связи съ своей женой и гонится за нимъ съ намѣреніемъ убить; внезапно появившаяся рѣка разъединяетъ братьевъ. Бату имѣетъ жену, но фараонъ отнимаетъ ее у него; люди фараона убили Бату, но онъ воскресъ, возродился въ видѣ быка и мститъ своей женѣ, которая оказалась измѣнницей. Въ тибетской легендѣ Сронцзанъ Гамбо подозрѣваетъ Гари, что тотъ хотѣлъ присвоить его невѣсту; Гамбо отвѣчаетъ старшему брату Анпу, Гари младшему Бату [1]). Погони старшаго брата за младшимъ нѣтъ, но Гамбо изгоняетъ Гари въ ссылку; внезапно появившаяся рѣка можетъ быть отразилась въ наводненіи, которое совершилось, когда Гари выдалъ секретъ о постройкѣ храма въ Лассѣ. Какъ и въ египетскомъ романѣ, въ ласской легендѣ появляется быкъ мститель; разница въ египетскомъ романѣ и ласской легендѣ состоитъ въ томъ, что въ первомъ обиженный человѣкъ возрождается въ видѣ быка, въ ласской легендѣ наоборотъ—обиженный быкъ возрождается человѣкомъ и въ качествѣ царя мститъ за обиду. Впрочемъ и въ египетскомъ романѣ быкъ осуществляетъ месть не въ бычьемъ видѣ, а, прошедши рядъ возрожденій, родится наконецъ царевичемъ, который и изобличаетъ свою прежнюю жену и становится царемъ. Египетскій романъ, такимъ образомъ, не кончается рожденіемъ быка, исторія еще немного продолжается и кончается наконецъ мстителемъ-юношей. И ласская легенда на быкѣ не останавливается; далѣе слѣдуетъ разсказъ о Балъ-дорчжи, который убиваетъ нечестиваго царя, воцарившагося подъ видомъ быка.

Тема о соперникахъ изъ-за женщины яснѣе въ повѣсти о Гэсэрѣ. См. объ этомъ въ „Восточныхъ мотивахъ“ стр. 276; въ пер-

[1]) Отголоски сюжета египетскаго романа можно найти въ кавказскомъ и киргизскомъ фольклорѣ, наприм., въ осетинскомъ преданіи объ Асаго (Вс. Ѳ. Миллеръ, Осет. сказ., стр. 21); тутъ съ инцидентомъ изъ монгольской сказки о Масангѣ (человѣкѣ съ бычьей головой) связаны мотивы: волоса женщины, снесенные рѣкой, служанка, которая подучаетъ женщину узнать, гдѣ смерть ея сожителя (два раза онъ даетъ ложные отвѣты и только въ третій говоритъ правду), знаменіе (изъ горъ потечетъ кровь), которое дастъ тремъ ея братьямъ вѣсть о томъ, что онъ погибъ, и пр. Отголоски египетскаго романа у киргизъ см. въ сборникѣ г. Радлова, Proben, IV, 221: волосы, упавшіе въ рѣку; ханъ, отнимающій женщину.

Digitized by Google

воначальной редакціи, мнѣ кажется, тутъ стояли два соперника— Чотонъ и Гэсэръ. Съ одной стороны, въ этой повѣсти встрѣчаются детали изъ сказки о женщинѣ-измѣнницѣ, съ другой-детали изъ египетскаго романа, наприм. унесенные волосы, подающіе мысль царю овладѣть красавицей, которой эти волосы принадлежали, а также построеніе храма, который, какъ и храмъ въ ласской легендѣ, строится подъ водой.

Въ ласской легендѣ, какъ и въ киргизской сказкѣ, Козу, мы находимъ сліяніе мотивовъ и изъ скандинавской и изъ датской сагъ. Съ датской она сближается мотивомъ о двухъ соперникахъ изъ-за женщины; хотя въ ней этотъ мотивъ и не такъ ясенъ, какъ въ киргизской сказкѣ, но ласская легенда имѣетъ большія соприкосновенія съ повѣстью о Гэсэрѣ, гдѣ этотъ мотивъ ясенъ. Съ другой стороны, въ ласской легендѣ мы находимъ слѣдующіе скандинавскіе мотивы.

Въ ласской легендѣ двадцать одна дѣвица (вмѣсто двѣнадцати, какъ въ русской сказкѣ); Гари отъ женщины вывѣдываетъ тайну. Въ скандинавской сагѣ двѣнадцать азовъ; Локи вывѣдываетъ тайну также отъ женщины.

Въ скандинавской сагѣ всѣ деревья были закляты, но омела была забыта. Въ ласской легендѣ на всѣхъ участниковъ въ постройкѣ храма было призвано благословеніе боговъ, но быкъ былъ забытъ. Забвеніе омелы было отомщено тѣмъ, что она послужила орудіемъ смерти для Бальдра; быкъ также не остался не отомщеннымъ, только въ ласской легендѣ смертельный выстрѣлъ отдѣлился отъ быка; въ скандинавской сагѣ свѣтлый богъ Бальдръ убитъ выстрѣломъ, въ ласской наоборотъ — Балъ-Дорчжи (вѣроятно свѣтлый богъ) стрѣляетъ по нечестивому царю.

Въ ласской легендѣ для святыни строится храмъ, но что выстроятъ за день, ночью разрушается. Пришлось прибѣгнуть къ совѣту мудраго человѣка Гари; оказалось, что нужно было возить матеріалъ на сивомъ быкѣ; совѣтъ приняли и постройка была доведена до конца.

Скандинавская сага разсказываетъ, какъ азы строили Валгаллу; хотя эта сага разсказана независимо отъ саги о Бальдрѣ, но она объединяется съ нею тѣмъ, что и здѣсь, какъ тамъ, дѣйствующимъ лицомъ является коварный Локи. Gilfaginning разсказываетъ,

Digitized by Google

какъ къ азамъ пришелъ smidr (строитель) и предложилъ построить для нихъ городъ въ три полугода; за это они должны отдать ему Фрейю и солнце съ луной. Если городъ не будетъ готовъ къ первому лѣтнему дню, строитель теряетъ плату, но онъ выговариваетъ себѣ право пользоваться своимъ конемъ Svadilfari. По совѣту Локи предложеніе принято. Строитель по ночамъ возитъ на конѣ камни и городъ растетъ. Осталось три дня, городъ почти готовъ; боги совѣтуются, какъ быть, приходится отдавать Фрейю въ Іотунгеймъ и остаться безъ солнца и луны. Всѣ согласились, что только Локи можетъ дать совѣтъ, какимъ образомъ оставить строителя безъ платы. Въ тотъ же день вечеромъ, когда строитель на конѣ поѣхалъ за камнями, выскочила на встрѣчу ему кобыла. Жеребецъ вырвался изъ рукъ строителя и убѣжалъ за кобылой въ лѣсъ. Всю ночь работа стояла, и на слѣдующую ночь тоже. Тогда строитель увидалъ, что онъ не кончитъ; азы знали, что онъ великанъ, а потому призвали Глора; тотъ въ мигъ явился и расплатился съ великаномъ ударомъ Mjollnir'a и разбилъ черепъ великана. Какъ въ ласской легендѣ успѣхъ постройки зависитъ отъ содѣйствія сиваго быка, такъ въ скандинавской отъ коня Svadilfari; употребленіе коня рекомендуетъ Локи. Скандинавскій Локи и тибетскій Гари совпадаютъ въ слѣдующихъ пунктахъ: Гари сватаетъ Дару; въ приданое увозитъ солнце и луну (вырѣзанныя изъ бумаги); Локи совѣтуетъ отдать за строителемъ Фрейю; въ приданое должны отдать солнце и луну. Локи является совѣтникомъ при постройкѣ Валгаллы и выговариваетъ право употреблять коня Svadilfari; Гари выступаетъ совѣтникомъ при постройкѣ храма въ Лассѣ и совѣтуетъ возить камни на сивомъ быкѣ [1]). Въ разсказѣ о Гари быкъ, забытый и оставленный безъ благословенія; въ разсказѣ о Локи омела, оставленная безъ заклятія. Конецъ Локи описывается въ Снорри-Эддѣ. Локи понялъ, что азы догадаются, кто истинный виновникъ смерти Бальдра, и потому бѣжалъ и спрятался, онъ обратился въ лосося, плавающаго въ потокѣ. Азы связали сѣть и поймали лосося. Они придумали слѣдующую казнь для Локи: они поставили три камня, положили на нихъ тѣло Локи и привязали ремнями, надъ тѣломъ Локи подвѣ-

---

[1]) Торъ убиваетъ строителя чорта: Балъ-Дорджи убиваетъ царя, подъ видомъ котораго возродился быкъ строитель.

Digitized by Google

сили змѣю, изъ рта которой началъ капать ядъ на тѣло Локи: когда капля такого яда падала на тѣло Локи, онъ нестерпимо страдалъ и корчился. Чтобы избавить его отъ мученій, жена его сидитъ при немъ неотлучно и подъ капающими каплями поддерживаетъ чашу; только когда чаша наполнится, она отходитъ, чтобы выплеснуть жидкость; въ это время нѣсколько капель попадаютъ на тѣло Локи, онъ корчится и оттого бываютъ землетрясенія. Въ тибетской или ласской легендѣ женщина, выдающяя Гари тайну, маскируется предварительно; въ своей книгѣ „Тангутотибетская окраина Китая", II, 221, я высказалъ подозрѣніе, что въ этой маскировкѣ заключается загадка о винокуренномъ снарядѣ. Не намекъ ли на тотъ-же снарядъ и казнь Локи? Три камня, подложенные подъ тѣло Локи, это три камня, на которыхъ кочевники обыкновенно устанавливаютъ котелъ; чаша, подставленная подъ капли яда, — это сосудъ, подставленый подъ капли вина, вытекающія изъ снаряда; змѣя, висящая надъ тѣломъ Локи—такъ называемая по монгольски *царго*, кривая труба, по которой винные пары изъ котла идутъ въ холодильникъ.

Совпаденія съ восточными образцами дѣлаютъ сомнительнымъ книжное происхожденіе датской и скандинавской сагъ независимо одна отъ другой. Приведенныя данныя показываютъ, что мотивы и той и другой саги сливались въ одномъ и томъ же преданіи, поэтому появленіе однихъ и тѣхъ же именъ въ двухъ сагахъ объясняется не случайностью, не капризомъ составителей сагъ, а тѣмъ, что въ первоначальномъ народномъ преданіи съ именемъ Бальдра связывались и сюжетъ исландской саги, и сюжетъ датской саги. По той же причинѣ въ датской сагѣ попадаются и нѣкоторыя детали, напоминающія скандинавскую, наприм.,—поясъ, который одинъ только можетъ причинить смерть Бальдеру, какъ Бальдру въ скандинавской сагѣ одна только омела.

Въ скандинавской сагѣ Бальдръ во снѣ получаетъ предостереженіе объ угрожающей ему смертельной опасности; въ повѣсти о ворѣ Basin'ѣ Карлъ Великій тоже во снѣ получаетъ подобное же предостереженіе. И это тоже вѣроятно вслѣдствіе древняго эпическаго сродства обоихъ сказаній—разсказъ о двѣнадцати азахъ и о тайнѣ, имъ извѣстной, это только модификація сказанія о двѣнадцати князьяхъ заговорщикахъ, хранящихъ тайну о заговорѣ.

Digitized by Google

Для гипотезы Бугге о происхожденіи скандинавской саги о Бальдрѣ, сказки, составившія предметъ предыдущаго разбора, не существуютъ, а между тѣмъ скандинавская сага есть, повидимому, только новая переработка содержанія этихъ сказокъ. Какъ и въ разобранныхъ сказкахъ, въ сагѣ двѣнадцать персонажей; тамъ это двѣнадцать учениковъ злого учителя, двѣнадцать дочерей морского царя, двѣнадцать заговорщиковъ; здѣсь двѣнадцать азовъ. Какъ тамъ эти двѣнадцать персонажей имѣютъ какую нибудь тайну, которую постороннее лицо домогается вывѣдать, такъ и здѣсь азы знаютъ тайну, какое единственное средство убить Бальдра. Во всѣхъ тѣхъ сказкахъ одинъ персонажъ изображается злымъ; это или злой учитель, или морской царь; здѣсь это Локи. Затѣмъ, во всѣхъ почти образцахъ описывается бѣгство и погоня, которыя кончаются часто у рѣки; и здѣсь есть бѣгство и погоня; Локи бѣжитъ, а азы его преслѣдуютъ. Въ сказкѣ о двѣнадцати ученикахъ бѣжавшій ученикъ превращается въ ерша, плавающаго въ морѣ, здѣсь Локи плаваетъ въ потокѣ подъ видомъ лосося.

Сказки о двѣнадцати ученикахъ, о двѣнадцати дочеряхъ морского царя и о двѣнадцати заговорщикахъ распространены въ Европѣ и первыя двѣ очень популярны и теперь разсказываются во многихъ варіантахъ. Въ виду большого сродства схемы скандинавской саги со схемою этихъ трехъ сказокъ, едва ли не будетъ разумнѣе искать происхожденіе саги въ народномъ преданіи и предположить, что, вмѣстѣ съ тѣми тремя обработками схемы, одновременно произошла и четвертая о двѣнадцати азахъ. Правда, нѣкоторое одиночество той формы, въ которую вылилась схема скандинавской саги, можетъ склонять въ пользу предположенія, что она составилась независимо и искусственно, но эта бѣдность варіантами въ Европѣ возмѣщается параллелями въ ласской легендѣ на дальнемъ востокѣ.

Злой характеръ въ сказкахъ придается учителю или морскому царю, въ нѣкоторыхъ образцахъ злостный оттѣнокъ появляется у того лица, которое выдало тайну. Такъ, въ ласской легендѣ женщина, выдающая признаки подлинной царевны, изображается предательницей; еще рѣзче предательскій характеръ выступаетъ въ лицѣ князя, выдавшаго заговоръ Шидырвана. Въ скандинавской сагѣ тайну выдаетъ мать Бальдра, сохраняющая къ нему

Digitized by Google

материнское чувство, поэтому злой характеръ перенесенъ на Локи, вывѣдавшаго тайну и сдѣлавшаго изъ нея злое употребленіе. Бугге думаетъ, что на Локи перенесены представленія съ Іуды, но Toledoth не могла придать злой характеръ, потому что въ этой книгѣ Іуда изображенъ въ сочувственномъ свѣтѣ. Приходится представлять себѣ ходъ работы исландскаго книжника въ такомъ порядкѣ: онъ взялъ изъ книги Toledoth разсказы о кочерыжкѣ, затѣмъ имя Іуды замѣнилъ именемъ Локи и, подъ вліяніемъ христіанскихъ представленій о предателѣ, придалъ азу Локи вѣроломный характеръ. Такимъ образомъ, вывѣдываніе тайны объ омелѣ у матери и переодѣваніе Локи женщиной—это выдумка книжника; въ книгѣ Toledoth этого нѣтъ. Между тѣмъ, вывѣдываніе тайны постоянный мотивъ въ сказкахъ о двѣнадцати ученикахъ или двѣнадцати дочеряхъ морского царя, и я предполагаю, что этотъ мотивъ явился въ сагѣ потому, что она представляетъ переработку схемы этихъ сказокъ. Можетъ быть переодѣванье женщиной явилось тутъ какъ память о томъ, что въ вывѣдываніи тайны въ сказкѣ часто принимаетъ участіе женщина. Такъ, въ ласской легендѣ женщина выдаетъ тайну, которая дѣвица—царевна; въ киргизской сказкѣ женщина открываетъ убѣжище, гдѣ спрятался Козу-Курпешъ; въ сказкѣ объ Идыге женщина открываетъ Тохтамышу, что ему грозитъ опасность отъ Идыге. Въ ласской легендѣ есть и переодѣванье; для того, чтобы вывѣдать тайну, послы царя Гамбо одѣваются пилигримами, нищими, ламами, чтобы узнать тайну у Гари. Еврейская книга не могла также дать сагѣ матеріалъ для описанія бѣгства Локи и превращенія его въ лосося, а между тѣмъ этотъ мотивъ мы находимъ въ сказкѣ о двѣнадцати ученикахъ, изъ которыхъ одинъ, спасаясь бѣгствомъ, обращается въ рыбу. Въ еврейской книгѣ также есть бѣгство и преслѣдованіе, но убѣгающій персонажъ не отвѣчаетъ Локи. Въ еврейской книгѣ симпатіи редакціи распредѣлены такъ, что злому Локи отвѣчаетъ не Іуда, а Христосъ; Іуда выдается за мудреца, обладающаго обширнымъ знаніемъ закона. Христосъ тайно проникъ въ храмъ и похитилъ имя Божіе, это дало ему возможность творить чудеса и летать по воздуху; Іуда преслѣдуетъ его не только по землѣ, но и по воздуху, въ родѣ того, какъ Охъ, или Чудо-Юдо гонится за своимъ учени-

Digitized by Google

комъ, получившимъ отъ него вѣщее знаніе и убѣжавшимъ, т.-е. похитившимъ это знаніе [1]).

Отношенія, усматриваемыя между сказкой, скандинавской сагой и еврейской легендой, ведутъ къ заключенію о происхожденіи саги не изъ еврейской легенды, а отъ сказки, отъ которой происходитъ и сама легенда.

Мнѣ кажется естественнымъ слѣдующій ходъ эволюціи: наблюденіе надъ какимъ-то явленіемъ, совершающимся надъ какими-то реальностями (движеніе по небесному своду одного созвѣздія за другимъ) дало поводъ къ созданію разсказа объ убѣгающемъ персонажѣ и о другомъ, его преслѣдующемъ; для этого дѣйствія потребовалось объясненіе, которое найдено въ представленіи о томъ, что впереди двигающаяся реальность что-то похитила, а двигающаяся сзади желаетъ отнять похищенное. Отсюда возникла сказка объ Охѣ, гонящемся за ученикомъ, похитившимъ у него вѣщее знаніе, сказка о морскомъ царѣ, преслѣдующемъ свою дочь, одаренную вѣщимъ знаніемъ и убѣгающую со своимъ мужемъ (морской царь не хочетъ, чтобы дочь вынесла вѣщее знаніе вонъ изъ его дворца) и преданіе о двѣнадцати заговорщикахъ,—гдѣ также, кажется, былъ эпизодъ о погонѣ, а также и еврейская легенда объ Іудѣ, летающемъ въ погонѣ за похитителемъ имени Господа. Отсюда же сказка о дѣтяхъ, отсуленныхъ морскому чудовищу или Змѣю; эта послѣдняя сказка составляется изъ двухъ частей: въ первой разсказъ о дѣтяхъ (о братѣ и сестрѣ), убѣгающихъ на бычкѣ, и о трехъ талисманахъ, изъ которыхъ одинъ обращается въ море или въ рѣку; преслѣдователь (змѣй) или тонетъ въ этой рѣкѣ или только прекращаетъ у рѣки свое преслѣдованіе. Вторая половина сказки передаетъ, какъ Змѣй, преслѣдовавшій дѣтей, обращается въ красиваго юношу,

---

[1]) Можетъ быть и другіе бѣглецы представлялись въ первоначальныхъ редакціяхъ похитителями вѣщаго знанія, какъ, напр., Шидургу, Идыге. Здѣсь мимоходомъ укажу на параллель къ Гедыге въ исторіи Митридата Ксистора. Идыге убѣгаетъ отъ Тохтамыша съ семью товарищами, или, можетъ быть, самъ семь, предупрежденный о заговорѣ Тохтамыша не словами своего друга, а жестами; когда Антигонъ вздумалъ освободиться отъ сына, другъ дѣтства Митридата Demetrios Polyorketes отвелъ его въ сторону и копьемъ написалъ на пескѣ: „Бѣги, Митридатъ“, и тотъ бѣжалъ съ шестью товарищами верхомъ на лошадяхъ въ горы. Reinach, Mythridat Eupatorius, 17.

Digitized by Google

переправляется черезъ воду, соблазняетъ сестру, убѣжавшую отъ него съ братомъ, и въ союзѣ съ ней убиваетъ ея брата, но потомъ братъ воскресаетъ и убиваетъ Змѣя и казнитъ сестру; въ этой второй половинѣ мы имѣемъ сюжетъ, который становится самостоятельной сказкой о двухъ соперникахъ изъ-за женщины въ родѣ киргизской о Козу-Курпешъ и Кодарѣ. Во всѣхъ этихъ сказкахъ, я думаю, дѣло идетъ объ однѣхъ и тѣхъ же реальностяхъ, потому-то сюжетъ о двухъ соперникахъ и сплетается мѣстами со сказкой о двѣнадцати персонажахъ, какъ, наприм., въ ласской легендѣ. Не случайно поэтому и то, что въ Сѣверной Европѣ двѣ, кажущіяся независимыми, саги, датская и скандинавская, объединены одними и тѣми же именами Бальдръ и Гедри (Бальдеръ и Готеръ). Въ русской сказкѣ о дочеряхъ морского царя мы иногда встрѣчаемъ вставочный разсказъ о церкви, дворцѣ, или мостѣ, который строитъ вѣщая дочь морского царя; въ ласскую легенду также вставленъ эпизодъ о постройкѣ храма; поэтому можно думать, что разсказъ о построеніи Валгаллы также плотно примыкаетъ къ скандинавской сагѣ, какъ въ русской сказкѣ и ласской легендѣ разсказъ о постройкѣ, и что въ Сѣверной Европѣ мы имѣемъ распавшіяся части легенды цѣльнаго преданія: сага о Бальдрѣ и Омелѣ, сага о Бальдерѣ и Готерѣ, и разсказъ о Валгаллѣ были нѣкогда слиты въ одно цѣлое, какъ въ ласской легендѣ вмѣстѣ слиты: недоразумѣніе между Сронцзаномъ Гамбо и Гари изъ-за Дары, построеніе храма и эпизодъ о быкѣ — царѣ и Балъ-Дорчжи (обойденный благословеніемъ и выстрѣлъ).

Конецъ ласской легенды, т.-е. разсказъ о томъ, какъ Балъ-Дорчжи вышелъ плясать на площадь со спрятанными въ рукавахъ лукомъ и стрѣлами и потомъ убилъ нечестиваго царя съ бычьими рогами, я сближалъ во 1-хъ) съ послѣдней главой Гомбоевскаго „Шиддикура“, 2) съ концомъ монгольской сказки о хитромъ Балынъ-сэнгэ, сѣвшемъ на престолъ Ерлика, котораго онъ бросилъ въ адъ и 3) съ концомъ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ. Въ „Шиддикурѣ“ юноша живетъ съ дѣвицей у рѣки; ея волосы, вычесанные съ головы, снесены внизъ по рѣкѣ; по нимъ живущій внизу царь узнаетъ о существованіи красавицы и отнимаетъ ее у юноши; юноша въ какомъ-то сорочьемъ яргакѣ танцуетъ и привлекаетъ на себя вниманіе царя; царь мѣняется съ

Digitized by Google

нимъ платьемъ; по приказанію царицы царь убитъ, а ея прежній люба сталъ царемъ и ея мужемъ. Отъ этого брака родится Гэсэръ. Въ повѣсти о Гэсэрѣ самъ Гэсэръ, кажется, стоялъ на мѣстѣ этого узурпатора. У Гэсэровой жены Рогмо-гоа упали волосы, когда она чесала ихъ, и птицей снесены къ царю; царь увозитъ жену Гэсэра во время его отсутствія; Гэсэръ идетъ возвращать жену, подходитъ къ царской ставкѣ, переодѣтый нищимъ-ламою, и убиваетъ царя; въ тибетскомъ варіантѣ, который я записалъ въ Амдо, Гэсэръ возвращается съ Рогмо и дорогой слѣпнетъ; когда ему нужно было убить оленя на пищу, Рогмо направляетъ его руку. Мнѣ кажется, инцидентъ этотъ сдвинутъ съ мѣста; онъ, можетъ быть, составлялъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы Гэсэра съ насильникомъ царемъ.

Рогмо въ Гэсэріадѣ не представлена вѣрной женой, какъ женщина въ „Шиддикурѣ", а измѣнницей, вродѣ женщины въ египетскомъ романѣ о двухъ братьяхъ, или вродѣ жены Ивана Годиновича въ русской былинѣ; она раскрываетъ царю, что подъ видомъ нищаго пришелъ Гэсэръ, совѣтуетъ убить его и содѣйствуетъ царю въ попыткѣ исполнить этотъ совѣтъ. Но, можетъ быть, эпизодъ имѣлъ и такой видъ: Рогмо осталась вѣрной Гэсэру, какъ женщина въ „Шиддикурѣ", и когда слѣпой Гэсэръ явился во дворецъ царя, полонившаго ее, она помогла Гэсеру, направивъ его руку; можетъ быть, этому же царю приписывалось и ослѣпленіе Гэсэра; Гари, заподозрѣнный тибетскимъ царемъ въ намѣреніи присвоить царскую невѣсту, въ родѣ того, какъ въ египетскомъ романѣ Анну подозрѣваетъ своего младшаго брата въ связи съ женой, былъ, по приказанію тибетскаго царя, ослѣпленъ [1]).

Толпы людей, стрѣлявшихъ въ одного, здѣсь нѣтъ, но подобная сцена въ ордынскихъ сказкахъ есть, хотя и не въ связи съ мотивомъ о слѣпомъ стрѣлкѣ. Выше была приведена сказка о двѣнадцати зайсангахъ Тарнега, въ которой мотивъ о толпѣ стрѣлковъ соединенъ съ мотивомъ объ открытіи тайны. Стрѣлки

---

[1]) Параллели къ ласской легендѣ въ миѳѣ о Дедалѣ: Гари открываетъ секретъ, какъ построить ласскій лабранъ (дворецъ); Дедалъ строитъ лабиринтъ; солнце выжигаетъ глаза у Гари; солнце растопляетъ крылья у Дедала; въ озеро, гдѣ жилъ Гари, падаетъ съ неба камень и обращается въ островъ; Дедалъ падаетъ въ море и обращается въ каменистый островъ. См. Танг.-тиб. окраина Китая II, стр. 218.

Digitized by Google

монгольскаго хана окружили зайсанговъ, чтобы открыть, который изъ нихъ Таско-матырь. Въ сказкѣ Черневыхъ татаръ сорокъ богатырей стрѣляютъ въ Алтынъ-Кока, но стрѣлы, не сдѣлавъ ему вреда, возвращаются назадъ и убиваютъ сорокъ богатырей (мои Очерки Сѣв.-Зап. Монг., IV, 563).

Я не думаю, чтобъ эти мотивы были обязаны книжной буддійской легендѣ о Буддѣ, въ котораго стрѣляетъ толпа маровъ, безвредно для его тѣла; стрѣлы на лету превращаются въ цвѣты и падаютъ, не долетая до его тѣла. Этотъ инцидентъ могъ возникнуть въ сѣверной Азіи безъ книжнаго буддійскаго воздѣйствія, на почвѣ мѣстныхъ обрядовъ, именно тѣхъ, которые извѣстны подъ именемъ „медвѣжьихъ праздниковъ". Такіе „медвѣжьи праздники" были распространены, повидимому, по всей Сибири. Вогуличи убитаго медвѣдя приставляли къ стѣнѣ и, собравшись вокругъ него толпой, пускали въ него стрѣлы. Гиляки имѣютъ обыкновеніе откармливать медвѣдей для „праздника". Въ назначенный день медвѣдя ведутъ въ поле и привязываютъ къ столбу; цѣлый день всѣ жители деревни приходятъ къ нему и оплакиваютъ его; женщины причитаютъ и рыдаютъ. Потомъ опытный стрѣлокъ старикъ пускаетъ ему въ сердце стрѣлу и сразу убиваетъ. Можно апріористически утверждать, что повѣрья о медвѣдѣ и культѣ его должны были отразиться въ эпосѣ сѣверной Азіи, населеніе которой признавало его за сына неба, опустившагося на землю.

Допуская образованіе этого инцидента на почвѣ мѣстныхъ обрядовъ, сюда же можно отнести и происхожденіе эпизода въ Шахъ-Намэ о Исфендіарѣ, котораго не можетъ никакая стрѣла убить, кромѣ стрѣлы изъ дерева, растущаго на чинскомъ морѣ. Птица Симургъ приноситъ дерево Рустему и онъ убиваетъ Исфендіара. Исфендіаръ—это Бальдръ скандинавской саги; Рустемъ—Гедри; птица Симургъ—Локи; дерево, растущее на чинскомъ морѣ—омела. Такъ какъ инциденты, связанные съ именемъ Исфендіара только повтореніе инцидентовъ, стоящихъ при имени Рустема, то можно предположить, что на мѣстѣ Исфендіара, уязвимаго только стрѣлою изъ дерева, растущаго на чинскомъ морѣ, стоялъ въ другомъ варіантѣ Рустемъ. И финскій Лемминкейненъ, уязвленный только змѣей, которую его мать забыла заклясть, могъ явиться въ финскомъ эпосѣ безъ вліянія скандинавской саги.

Въ датской сагѣ у Сакю упоминается сынъ Готера Roricus

Digitized by Google

Slingenbond, который получилъ свое прозвище за то, что бросилъ кольцо съ такою силой, что оно улетѣло въ море. Бугге сопоставляетъ этого Roricus'а съ Hrókr'омъ Hrólfsag'а и Kraka и съ исландскимъ Hrocrekr'омъ Slongvanbaugi, т. е. перстнеметателемъ (Studien, S. 171).

Этотъ перстень можетъ быть тоже зашелъ въ сагу изъ сказки. Нѣкоторыя сказки кончаются разсказомъ о перстнѣ; убѣжавшій ученикъ Оха обращается въ перстень, попадаетъ въ ведро царской служанки, а изъ ведра на руку царевны; она *бросаетъ* его на полъ; онъ разсыпается жемчугомъ или горохомъ [1]). Въ сказкѣ о дочеряхъ морского царя эпизода о перстнѣ нѣтъ; вмѣсто него стоитъ эпизодъ о голубяхъ, запеченныхъ въ пирогъ и напоминающихъ о забытой любѣ; мотивъ этотъ въ иныхъ сказкахъ соединенъ съ перстнемъ; мужъ ищетъ удалившуюся жену и кидаетъ въ ведро перстень; когда она будетъ умываться и перстень упадетъ ей въ руки, она вспомнитъ своего любу; слѣдовательно, голуби исполнили ту же службу, какъ и перстень. Изъ ласской легенды перстень также не исключенъ, только онъ вставленъ не въ соотвѣтствующій эпизодъ: Дара бросаетъ перстень на полъ, чтобы убѣдить царя, что блестящая поверхность, которую онъ принялъ за воду, не вода, а стекло.

Бугге сближаетъ съ скандиновской сагой о Бальдрѣ сагу о Vikar'ѣ. Vikar отплылъ на корабляхъ въ Гордаландъ, въ его войскѣ находится Starkadr, который трехлѣтнимъ мальчикомъ достался, какъ военная добыча, нѣкоему Grani или Rossbaargrani, былъ увезенъ имъ въ свой домъ и воспитывался у него въ теченіе девяти лѣтъ, а потомъ поступилъ въ войско Викара. Флотъ Викара долженъ былъ остановиться изъ-за противнаго вѣтра. Спросили боговъ, что нужно сдѣлать, чтобы подулъ попутный вѣтеръ; оказалось, что нужно принести въ жертву человѣка, который будетъ указанъ жребіемъ. Кинули жребій; онъ упалъ на самого предводителя Викара. Всѣ были огорчены и не знали, что дѣлать. Въ это время Grani беретъ Starkadr'а, везетъ его въ лодкѣ на островъ и тамъ входитъ въ лѣсъ; среди лѣса было приготовленное мѣсто; тутъ сидѣло одиннадцать человѣкъ на стульяхъ, двѣнадцатый стулъ былъ пустой. Grani сѣлъ на неза-

---

[1]) Въ бійской сказкѣ царевна падаетъ въ море и обращается въ перстень.

Digitized by Google

пятый стулъ; тотчасъ же всѣ сидѣвшіе отдали ему честь, какъ Одину. Grani предложилъ одарить Starkadr'a дарами. Затѣмъ отвезъ его назадъ, сдѣлавъ наставленіе, какъ поступать и давъ ему копье, о которомъ сказалъ, что оно будетъ казаться стеблемъ. Вернувшись въ станъ Викара, Starkadr пригнулъ вѣтви сосны, сдѣлалъ на ней петлю изъ кишекъ только что убитаго теленка и предложилъ Викару вложить въ петлю свою голову; Викаръ повиновался; потомъ Starkadr уперъ трость или стебель въ грудь Викара, произнося: „Отдаю тебя въ руки Одина!" и отпустилъ вѣтвь. Стебель превратился въ желѣзо и пронзилъ Викара, а отпущенная вѣтвь вскинула его кверху, послѣ чего онъ упалъ мертвый.

Бугге говоритъ, что Викаръ соотвѣтствуетъ Бальдру; онъ также довѣрчиво вставляетъ свою голову въ петлю, какъ Бальдръ довѣрчиво выставилъ свое тѣло мишенью для стрѣляющихъ боговъ; оба они не подозрѣвали смертельной опасности. Grani отвѣчаетъ Локи, Starkadr Гедри. (Бугге думаетъ, что Starkadr или Starkudr можетъ быть stark Гедри) и трость или стебель (Röhrstengel) омелѣ [1]).

Омела, по мнѣнію Бугге, это кочерыжка еврейской легенды; значеніе ея для Бальдра такое же роковое, какъ значеніе кочерыжки для Христа; примѣненіе ея, однако, другое; кочерыжка висѣлица или крестъ, на которомъ евреи вѣшаютъ Христа, а омела стрѣла и отвѣчаетъ не кресту въ орудіяхъ страстей Христа, а копью Лонгина, но переходъ креста-кочерыжки въ омелу былъ облегченъ народнымъ вѣрованьемъ, на которое указываетъ Бугге; въ Англіи существуетъ преданіе, что крестъ Христа былъ сдѣланъ изъ омелы (engl. misteltoe agl. misteltâ), которая прежде была деревомъ, но была проклята и стала чужеяднымъ; тоже повѣрье, говоритъ Бугге, было и въ Германіи, это видно изъ того, что въ Германіи viscum album называлось Kreuzholz [2]). Странный ходъ превращеній. Прямое превращеніе крестнаго дерева въ омелу невозможно; древесный стволъ, необходимый для того, чтобы повѣсить на немъ человѣческое тѣло, не могъ безъ насилія надъ логическимъ теченіемъ творчества

---

[1]) Studien, 340, 341.

[2]) Ibid, 50.

Digitized by Google

обратиться въ мелкое растеніе. Дѣло какъ бы шло въ такомъ порядкѣ: сначала орудіемъ смерти Христа было крестное дерево, потомъ кочерыжка встала на мѣстѣ крестнаго дерева, омела замѣнила кочерыжку и превратилась въ стрѣлу, потомъ возникаетъ повѣрье о деревѣ омелѣ (опять значитъ крестное дерево). Не ясно, какъ могъ изъ разсказа о кочерыжкѣ,—крестномъ деревѣ выработаться разсказъ объ омелѣ-стрѣлѣ, хотя бы и при посредствѣ копья Лонгина. Логически сначала должно явиться повѣрье, что омела нанесла вредъ Христу, а потомъ уже могло возникнуть повѣрье объ омелѣ, какъ о большомъ деревѣ. Но Бугге не говоритъ, чтобы существовало предварительное повѣрье о вредномъ свойствѣ омелы, и если крестное дерево не прямо преобразилось въ омелу, а подъ вліяніемъ еврейской легенды, то снова является трудно разрѣшимый вопросъ, какъ оно могло обратиться въ кочерыжку. Мнѣ кажется, мы меньше встрѣтимъ затрудненій въ уясненіи этихъ отношеній, если сдѣлаемъ такое предположеніе. Легендамъ о кочерыжкѣ, крестномъ деревѣ и омелѣ предшествовали древнія дохристіанскія преданія о гоненіи какого-то живого существа, которому придавался незначительный ростъ; потомъ эти преданія перешли на Христа, можетъ быть, по созвучію имени. На существованіе такихъ преданій указываютъ русскія названія растеній христохоронка и христопрятка, подъ листьями которыхъ будто-бы прятался, преслѣдуемый жидами, Христосъ. Если гонимый персонажъ въ еврейской легендѣ имѣлъ такой-же незначительный ростъ, какъ и персонажъ, прятавшійся подъ траву, то невысокая кочерыжка легко могла найти мѣсто въ преданіи. Въ другихъ преданіяхъ тотъ же персонажъ могъ являться подъ другими именами, наприм. подъ именемъ Бальдра, и скандинавская сага не передѣлка изъ преданія о повѣшенномъ на кочерыжкѣ, а сохранившаяся древняя редакція, удержавшая и древнее имя. Бальдръ принадлежитъ къ типу героевъ, тѣло которыхъ неуязвимо, но не безусловно, иногда въ тѣлѣ героя есть мѣсто, которое одно только уязвимо, иногда есть только одно орудіе, которымъ можно убить героя. Бугге указываетъ на Зигфрида.

Въ русскихъ сказкахъ неуязвимымъ выставляется Кощей безсмертный, но чувствительное мѣсто находится не на тѣлѣ, а внѣ его тѣла: въ *морѣ* есть яйцо, заключающее въ себѣ его

Digitized by Google

смерть. Слѣдовательно, неуязвимость его обставлена въ томъ же родѣ, какъ у младшаго брата въ египетскомъ романѣ о двухъ братьяхъ. Кощей, какъ въ сказкахъ, такъ и въ былинѣ, является въ сюжетѣ о двухъ соперникахъ изъ-за женщины; онъ увозитъ женщину, убиваетъ ея друга, но тотъ воскресаетъ и наконецъ одерживаетъ верхъ надъ своимъ врагомъ; онъ узнаетъ секретъ, гдѣ смертельная точка у Кощея; этотъ секретъ у самого Кощея вывѣдываетъ женщина, увезенная имъ; она передаетъ секретъ своему прежнему другу и тотъ убиваетъ Кощея. Вотъ откуда, должно быть, происходитъ мотивъ, связанный съ Бальдромъ въ скандинавской сагѣ [1]).

Въ тюркомонгольскихъ сказкахъ на мѣстѣ Кощея стоитъ Монгысъ или Мангушъ. Въ монгольской сказкѣ объ Иринъ-Сайнѣ душа Мангыша спрятана въ двѣнадцати пташкахъ, которыя заключены въ два ящика; ящики находятся въ черномъ трехлѣтнемъ быкѣ, быкъ въ двухъ мѣдныхъ фанзахъ (домахъ), фанзы на ледяной горѣ, а гора находится на серединѣ Соленаго моря, одного изъ трехъ морей [2]).

Въ тюркской сказкѣ изъ Тобольск. губ. Акъ-Кобокъ не можетъ никакими веревками связать Мангыша, пока ему не было сказано, что нужно употребить ремни изъ человѣческой кожи [3]) и убить его онъ могъ только мечемъ самого Мангыша. Шидургу Чингисъ-ханъ не можетъ убить ничѣмъ, кромѣ пестрой веревки, втрое свернутой и находившейся въ подошвѣ его сапога [4]); по бурятскому преданію шамана Гурте могли убить только тогда, когда его голову обернули подкладкой изъ унтовъ, т.-е. сапоговъ [5]). Эта веревка и подкладка изъ унтовъ, а также ремни, которыми вяжутъ Мангыса, близки къ поясу датской саги, который представлялъ единственное смертельное орудіе для Бальдера. Чѣмъ этотъ поясъ пригодился Готеру во время его поединка, сага не говоритъ;

---

[1]) Въ русской сказкѣ о Кощеѣ находятся элементы и изъ исландской саги и изъ датской; изъ исландской—скрытая смерть; изъ датской—соперничество двухъ мужчинъ изъ-за женщины.

[2]) Очерки с. з. Монголіи, IV, 460.

[3]) И въ монгольской Иринъ-Сайнъ не можетъ побороть Мангыса, пока конь не даетъ ему несомнѣнно спеціальнаго ремня; связавъ имъ Мангыса, Иринъ-Сайнъ отправляется на Соленое море за его смертью.

[4]) Алтанъ Тобчи, 27 (въ Зап. Археол. общ., XIV).

[5]) Сказанія бурятъ, Иркутскъ. 189[illegible], стр. 111.

Digitized by Google

убитъ былъ Бальдеръ ударомъ копья. Можетъ быть тутъ боролись двѣ редакціи; по одной Бальдеръ былъ убитъ стрѣлой или копьемъ, по другой—удавленъ поясомъ. Или, можетъ быть, какъ въ монгольской сказкѣ объ Принъ-Сайнѣ, поясъ понадобился, чтобы предварительно связать неодолимаго противника.

Бугге говоритъ, что въ преданіяхъ встрѣчаются мечи, какъ единственныя смертельныя орудія для извѣстныхъ персонажей; кромѣ того, встрѣчаются мечи самосѣки. Въ тюркской сказкѣ изъ Тобольск. губ., указанной уже выше, Акъ-Кобокъ убиваетъ Мангыша, кажется, такимъ самосѣкомъ. Вѣтвь или стебель растенія, превращающійся въ желѣзное копье, въ своемъ родѣ самосѣкъ. Легко представить себѣ, что въ киргизской сказкѣ стрѣла Кодара, которою онъ убилъ Козу-Курпеша, была не простая стрѣла и если бы ея смертельная натура была указана Кодару злою теткой дѣвицы Баянъ-слу, то въ этой сказкѣ мы имѣли-бы скандинавскую сагу, вставленную въ датскую [1]).

Въ скандинавской сагѣ растительный стебель (омела, Rohrstengel) превращается въ колющее орудіе; въ русской ботанической терминологіи подобнаго случая нѣтъ, но стрѣла или копье все-таки ставятся въ нѣкоторое отношеніе къ растенію. Напримѣръ, есть такія русскія народныя названья, какъ Егорьево копье, Христово копье. Выше было указано на имена травъ христохоронка или христопродавка (aconitum); въ легендахъ, связанныхъ съ этими травами, копье или стрѣла не совпадаютъ съ растеніемъ, какъ въ именахъ Христово или Егорьево копье. Копье дѣлаетъ наколы или раны на листьяхъ или корняхъ христохоронки. Такое же отношеніе стрѣлы или копья въ легендѣ о травѣ прострѣлъ; подъ листьями растенія прятался чортъ; архангелъ Михаилъ пустилъ въ чорта стрѣлу и она попала въ верхушку стебля, прошла черезъ его сердцевину и сдѣлала стебель голымъ. Русско-сибирское преданіе объ этой травѣ (pulsatilla patens), будто она была за что-то проклята Богородицей, даетъ поводъ предполагать, что вмѣсто чорта въ ней стоялъ Христосъ и проклятіе можетъ быть послѣдовало за то, что трава не схоронила Христа, не прикрыла [2]), можетъ быть, къ

[1]) Ср. со сказаннымъ выше о пулѣ изъ ружья Пяси-Лача.

[2]) У травы прострѣлъ и омелы одинаковая судьба, обѣ проклятъ Богородицей.

Digitized by Google

ней прилагалось имя христохоронка, какъ и къ акониту, съ которымъ она сходна листьями и съ которымъ вмѣстѣ принадлежитъ къ одному семейству лютиковыхъ. Въ ордынской терминологіи я могу указать только на одно растеніе, имѣющее отношеніе къ стрѣльбѣ: это вьющійся аконитъ (aconitum volubile), который по-сойотски называется Кайраканъ-крижи (тетива Кайракана), что можно перевести или тетива медвѣдя или тетива бога громовника.

Въ нѣкоторыхъ повѣрьяхъ травы сопоставляются съ змѣями; макъ въ русской загадкѣ загадывается: „Дренъ Дреновичъ сквозь землю прошелъ, на головѣ огонь пронесъ". Въ другомъ случаѣ та же загадка: „Дронъ Дронычъ сквозь воду проходитъ, на себѣ огонь проноситъ" отгадывается уже не „макъ", а „ужъ" [1]).

О молніяхъ въ новгородск. губ. Борович. у. думаютъ, что онѣ входятъ въ землю, а на зарѣ входятъ въ растеніе „заря" и оно вслѣдствіе того расцвѣтаетъ [2]). Образованію такого повѣрья могло отчасти содѣйствовать наблюденіе надъ „громовыми стрѣлами", т.-е. каменными орудіями, которыя и принимаются за стрѣлы, падающія съ неба, сохраняются въ почвѣ, время отъ времени выпахиваются. О змѣяхъ есть повѣрье, если онѣ семь лѣтъ не видѣли міра (скрывались въ землѣ?) ils allongent comme des pieds de mare [3]). По валашскому повѣрью, змѣя, если ее семь лѣтъ человѣкъ не видѣлъ, превращается въ smok'a [4]). По повѣрью въ Sologne'и, когда змѣи достигаютъ семилѣтняго возраста, они получаютъ крылья и улетаютъ въ Вавилонъ [5]). По румынскому повѣрью, [6]) змѣя, которая девять лѣтъ была скрыта отъ лучей солнца и глазъ человѣка, обращается въ дракона, balauri, на

---

[1]) Садовниковъ, Загадки русскаго народа, С. Пет., 1876 г., №№ 816 и 1610 (стр. 99 и 198).

[2]) Очерки с. з. Монголіи, IV, 772.

[3]) Jagič, Archiv. VIII, 329, Sébillot, Traditions et superstitions de la haute Bretagne, II, 212.

[4]) Jagič, Archiv f. sl. Phyl., XVI, 316. Въ русской сказкѣ (Афанас. II, стр. 168) царевна обращена Кощеемъ въ змѣю; казакъ долженъ носить ее семь лѣтъ на шеѣ; по истеченіи этого времени околдованное состояніе царевны прекращается.

[5]) Ibid., VIII, 329; Maury, Essai, 142.

[6]) Jagič, Archiv, VII, 284.

Digitized by Google

которомъ ѣздитъ шоломонаръ и который производитъ грозу, т. е. сыплетъ на землю громовыя стрѣлы.

Если мы обобщимъ выше приведенныя повѣрья, если повѣрья о змѣяхъ, скрывающихся въ землѣ и въ извѣстный срокъ выходящихъ на дневной свѣтъ, свяжемъ съ загадками, объединяющими ужа съ макомъ, вырастающимъ изъ земли, а также свяжемъ съ повѣрьями о молніяхъ и громовыхъ стрѣлахъ, то нашему воображенію немного останется дополнить, чтобы въ немъ явилось представленіе о стрѣлахъ, которыя, погрузившись въ землю, вновь изъ нея выходятъ въ видѣ стрѣлъ же, или цвѣтовъ,—представленіе совершенно совпадающее съ буддійскимъ о стрѣлахъ маровъ, которыя, не долетая до Будды, превращались въ цвѣты [1]).

Въ Норвегіи, Даніи и сѣверной Англіи въ честь Бальдра нѣкоторыя растенія назывались Baldersbraa, „рѣсницы Бальдра"; по Бугге это имя придавалось растеніямъ anthemis cotula и matricaria inodora; это сложноцвѣтныя съ желтымъ середышемъ и бѣлыми лучами. Уже въ Gilfaginning говорится, что бѣлые цвѣты сравниваютъ съ рѣсницами Бальдра и что это свидѣтельствуетъ какіе онъ имѣлъ красивые волосы и красивое тѣло: Бугге выводитъ изъ окраски цвѣтка, что Бальдру приписывалось бѣлое тѣло и золотистые волосы [2]). Въ Германіи нѣтъ растеній съ именемъ Бальдра; по крайней мѣрѣ Бугге ихъ не указываетъ, но здѣсь встрѣчается имя Baldrian, которое прилагается къ растенію Valeriana officinalis; латинское имя производятъ отъ латинскаго valere—„быть здоровымъ". Имя Valeriana составлено, кажется, въ средніе вѣка, такъ какъ римляне и греки знали растеніе подъ именемъ nardus. По-польски валеріана наз. bieldrzan, у лужичанъ baldrijan, у чеховъ baldrian, paldran; латыш. baldrini, baldrians baldarjahni, baldariani; у русскихъ въ западной части европейской Россіи: *бальдріанъ*, *балдырьянъ*, *булдырьянъ*. Можно подумать, конечно, что нѣмецкое baldrian, испорченное изъ появившагося въ средневѣковой латыни valeriana (при этомъ необходимо допустить вставку *д*), распространилось на востокъ къ полякамъ, литовцамъ и русскимъ. Въ Казанск. губ. имена *балдранъ* и *бодранъ*

---

[1]) Bugge, S. 35, 295.

[2]) Такую же окраску, какъ цвѣты матрикаріи, имѣетъ и chryzanthemum leucanthemum, которое по-русски называется попы, поповникъ; попами называется и одуванчикъ, taraxacum officinale.

Digitized by Google

придаются не къ валеріанѣ, а къ зонтичному heracleum sibiricum et sphondilum; въ сосѣднемъ краѣ башкиры и татары то же растеніе называютъ *балтирганъ*. И эту послѣднюю форму можно отнести на счетъ нѣмецкаго вліянія; нѣмецкое baldrian, можно было-бы думать, въ восточной Россіи на Волгѣ перескочило съ валеріаны на зонтичное; башкиры и татары переняли это имя у русскихъ. Но широкое распространеніе этой формы еще далѣе на востокъ, не даетъ мѣста этому предположенію. У сойотовъ (тува) мною было записано для heracleum sibiricum названія *балтырганъ*, у тункинскихъ бурятъ *балтырганъ*, *бальджирганъ*, у аларскихъ бурятъ *бальчиргана*, у дархатовъ *бальчирганъ* [1]). У киргизъ именемъ *балдырганъ* называется растеніе, которое русскіе въ Сибири зовутъ пучка, т. е. heracleum sibiricum [2]). Вѣроятно къ этому же зонтичному относятся тангоутское *балчиргана* и сойотское (кокчулутунъ) *балдыргана*, оставшіяся безъ опредѣленій [3]). Другіе зонтичные: angelica officinalis у сойотовъ назыв. *аю-булдырганъ* [4]), т. е. „медвѣжій булдырганъ", angelica sylvestris у сойотовъ (тува) *ирей балдырганы* „медвѣжій балтырганъ" [5]) И у русскихъ есть *медвѣжая пучка*. Оказывается, что эта форма имѣетъ сплошное распространеніе отъ Волги до Байкала среди тюркскихъ и монгольскихъ племенъ, т. е. такое, какимъ рѣдко обладаютъ другіе термины въ тюркомонгольскомъ мірѣ. Такъ далеко нѣмецкое имя не могло разселиться, поэтому не слѣдуетъ-ли переставить пріоритетъ на востокъ, т. е. предположить, что тюркомонгольское болтырганъ или бальдирганъ было въ Поволжьѣ усвоено русскими отъ татаръ и передано на западъ литовцамъ, полякамъ и наконецъ нѣмцамъ; въ западной Россіи названіе перенесено съ зонтичнаго растенія на валеріану вслѣдствіе сходнаго габитуса [6]).

---

[1]) Потанинъ, Очерки с. з. Монг., IV, 148, 149.

[2]) Оч. с. з. Монг., IV, 155. Киргизы хвалятъ женщинъ: *балдыргандой майисканъ*, „гибка, какъ дягиль".

[3]) Оч. с. з. Монг. II, 136.

[4]) Оч. с. з. Монг. II, 129.

[5]) Оч. с. з. Монг. IV, 146.

[6]) Народъ могъ смѣшивать валеріану съ зонтичными растеніями, потому что это также высокоствольное растеніе и кончается зонтикомъ цвѣтовъ. На подобное смѣшеніе указываетъ и то, что имена дягиль, дудэль обыкновенно придаваемыя зонтичнымъ (angelica, heracleum, aegopodium podagraria) прилагаются и къ валеріанѣ.

Digitized by Google

и въ этомъ пріуроченіи усвоено западными сосѣдями; имя же валеріана передѣлано въ средніе вѣка изъ baldrian медиками-латинистами, желавшими осмыслить его по-латыни. Если нѣмецкое имя baldrian архаическое и не обязано своимъ происхожденіемъ латыни, то можетъ быть это такая же память о Бальдрѣ, какъ имя Baldrsbra, и такимъ образомъ оно пополняетъ этотъ пробѣлъ, на который указано выше.

По поводу именъ аю-бульдырганъ и ирей-бальтырганы вкрадывается въ голову подозрѣніе, не парныя-ли это тавтологіи, въ родѣ *сарисынъ-баабагай*, „летучая мышь" и т. п., то есть *аю*, *ирей* можетъ быть слѣдуетъ принять не за прилагательныя „медвѣжій, а за существительныя „медвѣдь", и что балтырганъ имя звѣря. Между именами медвѣдя мнѣ не встрѣтилось сходнаго, но между сойотскими именами волка мною были записаны: *бол-трэкъ*, *бултрукъ* [1]). Монголы имѣютъ обыкновеніе дѣлать усѣченія, наприм. *булыгъ* вм. *булыганъ*, „соболь", *тарбыгъ* вм. *тарбаганъ* „сурокъ"; „бальтрекъ" и „бултрукъ" можетъ быть подобныя-же усѣченія отъ балтырганъ или бултырганъ. Не въ этой-ли тюркомонгольской терминологіи слѣдуетъ искать начала имени тибетскаго Балъ-Дорчжи? Можетъ быть тибетское Балъ-доръ есть тюркское балтыръ или булдуръ (*ганъ* окончаніе многихъ названій звѣрей); это было, можетъ быть, именемъ центральной фигуры древняго ордынскаго культа, повѣрья и преданья о которомъ перешли изъ Монголіи въ сѣверный Тибетъ и оттуда распространились до Лассы; усвоивъ этотъ культъ, тибетцы осмыслили чуждое имя и изъ Балдоръ сдѣлали двойное: Балги-дорчжи [2]).

Grani даетъ въ руки Starkadr'y Rohrstengel, т. е. такой стебель, которому русскіе даютъ имя „трость" или „дудка". Не былъ ли это стебель дягиля или валеріаны? Стебель оказывается коварнымъ. Въ одной сойотской сказкѣ о дѣтяхъ, убѣгающихъ отъ злого существа Джельбаги, коварную роль сыгралъ стебель дягиля; когда Джельбага подбѣжалъ къ водѣ и сталъ просить перевоза, перевозчикъ бобръ (кундузъ) посовѣтовалъ ему плыть

---

[1]) Очерки с. з. Монг. IV, 157.

[2]) Тибетцы иногда отбрасываютъ вторые слоги; такъ Бѣлая Дара по тибетски Долма-гарву, часто называется Дол-гаръ; Зеленая Дара, Долма-чжангу — Дол-чжанъ; богъ Чакна-Дорчжи чаще называется Чакдоръ.

Digitized by Google

черезъ воду, наполнивъ пазуху камнями и взявъ въ руки стебель балтиргана (дягиля); стебель на серединѣ воды переломился, камни потянули ко дну и Джельбага утонулъ [1]). По-якутски angelica sylvestris, по Сѣрошевскому, называется *абасы таяха*, „посохъ дьявола“ [2]); у Анненкова, по Мейнсхаузену, abaghy-tanagha (стр. 36; второй членъ опечатка). Западнѣе къ этому растенію слово „посохъ“ не прилагается, но есть другія растенія, называемыя „посохами“. Христовымъ посохомъ въ Костромск. губ. называется campanula cervicaria, въ Вологодск. campanula glomerata, въ Кишиневѣ (Христовъ посошокъ) phlomis tuberosa. Campanula cervicaria въ Екатеринославск. губ. еще называется Петровъ батожокъ, а въ Костромск. Христовъ застѣнъ, а campanula Trachelium въ Нижегородск. губ. царскій посохъ. Имя батоги, Петровы батоги, Петровъ батогъ придается растеніямъ cichorium intibus, centaurea cyanus, plantago media (петровъ батыжокъ), ranunculus polyanthemus; боговъ батожокъ betonica vulgaris; батожки galium verum (въ Кіевск. губ.) и veronica spicata (Бессараб. обл.) По кавказскому преданію, въ горѣ Казбекъ въ пещерѣ закованъ Амиранъ; онъ будетъ сидѣть здѣсь до скончанія міра, какъ и Локи, прикованный къ тремъ камнямъ. Онъ прикованъ Христомъ при такихъ обстоятельствахъ: Амиранъ сталъ настаивать, чтобы Христосъ вступилъ съ нимъ въ единоборство, но Христосъ воткнулъ свой посохъ въ землю и сказалъ Амирану, что онъ будетъ съ нимъ бороться только въ томъ случаѣ, если Амиранъ вырветъ изъ земли воткнутый въ нее посохъ. Затѣмъ онъ благословилъ посохъ, и тотъ обратился въ живое дерево, которое пустило глубокіе корни и укрѣпилось въ землѣ; Амиранъ не могъ его раскачать. Тогда Христосъ приковалъ его къ этому укоренившемуся посоху. Вотъ, думается, объясненіе русскому названію растенія Христовъ посохъ. Онъ для Амирана оказался также губительнымъ, какъ омела для Бальдра, какъ Rohrstengel для Vikar'a. Только въ скандинавской сагѣ омела обойдена благословеніемъ; и отъ этого благословенія, какъ Rohrstengel отъ фразы Starkadr'a, которою онъ предавалъ Викара Одину, посохъ превратился для Амирана въ ору-

---

[1]) Очерки с. з. Монг. IV, 342.

[2]) Сѣрошевскій, Якуты, Спб. 1896, 319.

Digitized by Google

діе казни [1]). Бугге говоритъ, что въ Kalmar'ѣ и на Oland'ѣ имя Baldersbra дается растенію cichorium intibus и прибавляетъ, что вначалѣ это имя не могло прилагаться къ этому растенію, потому что цвѣты его синіе, а не бѣлые. Но въ помѣщенномъ выше перечнѣ „посоховъ" половина съ синими цвѣтами: campanula cervicaria, campanula glomerata, centaurea cyanus и veronica spicata, поэтому, мнѣ кажется, сомнѣнія Бугге излишни. И если имя Baldersbraa придавалось къ одному изъ посоховъ (cichorium intibus), то не значитъ ли это, что и подъ Baldersbraa съ бѣлыми лепестками иногда, можетъ быть, понимали эквивалентъ омелы, т. е. стрѣлу или копье, которыми былъ убитъ Бальдръ.

Г. Потанинъ.

---

[1]) Имя Егорьево копье въ Иркут. губ. прилагается къ растенію heranium sylvaticum, въ Вологодск губ. (около Тотьмы) къ aconitum excelsum. Егорьево не будетъ ли Vikar'ово? Viscum album въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи называется „вихорево гнѣздо" (Анненковъ, Ботан. слов., 382); въ Сибири „вихоревымъ гнѣздомъ" называется неправильное запутанное развѣтвленіе на деревьяхъ, приписываемое народомъ крутящему вѣтви дѣйствію вѣтровъ. Но если это народный домыселъ и если тутъ кроется архаическій терминъ, то не будетъ ли это значить, что сюжетъ о Бальдрѣ подъ формой Vikar жилъ нѣкогда въ Росіи.

Digitized by Google

Свадебные обычаи и причитанья населенія Терскаго берега Бѣлаго моря.

Вступленіе въ бракъ считается на Терскомъ берегу Бѣлаго моря (какъ и во всемъ Кольскомъ, нынѣ Александровскомъ уѣздѣ) необходимымъ для каждаго крестьянина, достигшаго опредѣленнаго возраста. Обычный возрастъ брачущихся мужчинъ 20—25 лѣтъ, дѣвицъ 16, но въ силу экономическихъ причинъ нерѣдко семья побуждаетъ сына жениться и ранѣе призывного года, дабы имѣть лишнюю рабочую силу. Общій взглядъ на женатыхъ гораздо лучше, чѣмъ на холостыхъ, ибо на первыхъ смотрятъ какъ на людей степенныхъ, хозяйственныхъ. Случаи, когда долго не женятся, весьма рѣдки, происходятъ или по матеріальной необезпеченности, или по физическимъ недостаткамъ. Хотя на безбрачниковъ и не смотрятъ предосудительно, однако они не избѣгаютъ насмѣшекъ. Точно также подвергаются насмѣшкамъ живущіе не вѣнчанными, хотя въ общемъ такіе случаи и терпимы вообще, но, въ частности, осуждаются людьми религіозными. Про живущихъ внѣ брака обычно говорятъ, что „они Бога не боятся, людей не стыдятся и на страшномъ судѣ имъ будетъ мука вѣчная". Непростительнымъ грѣхомъ считается жить съ кумой или даже отдаленной родственницею. Сожительство при законномъ бракѣ не пользуется осужденіемъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстно, что бракъ заключенъ противъ своей воли, хотя въ такихъ случаяхъ на мужчинъ смотрятъ болѣе снисходительно, чѣмъ на женщинъ. Взаимная невѣрность супруговъ нерѣдко имѣетъ мѣсто на Терскомъ берегу, что объясняется съ одной стороны легкостью взглядовъ на половыя отношенія, а съ другой—продолжительными отъѣздами мужского населенія на звѣриные промысла и въ плаваніе.

Digitized by Google

Главными качествами при выборѣ невѣсты считается красота, хорошій характеръ, умѣніе хозяйничать и физическая сила; играетъ роль также и приданое невѣсты. Въ частности, отъ жениха требуется, чтобъ онъ былъ не гулящій и красивый; подъ красотой разумѣется высокій ростъ, бѣлое лицо и свѣтло-бѣлыя кудри. Подъ красотой невѣсты—средній или даже высокій ростъ, длинныя косы, маленькій носъ, средняя полнота, бѣлое румяное лицо. Про хозяйство невѣсты говорятъ: „не гляди на нее, какова у обѣдни, а какова у обредни", т. е. по хозяйству; надо, чтобы жена въ домъ вносила, а не изъ дома уносила, чтобы дома сидѣла, а не рыскала по гостямъ. На богатой невѣстѣ не считается предосудительнымъ жениться, если она и свыше 23 лѣтъ, съ какого времени невѣстъ считаютъ старыми дѣвами. Старыхъ дѣвъ рѣдко можно встрѣтить, а если и остаются такія, то или по физическимъ недостаткамъ, или по крайне сварливому характеру; про послѣднихъ обычно говорятъ: „какъ ими можно владѣть, коли въ своей семьѣ они грызутся хуже цѣпной собаки". Если невѣста съ хорошимъ характеромъ и хорошая работница, то даже прижитый ею до брака ребенокъ не служитъ особеннымъ препятствіемъ ко вступленію въ бракъ. Чаще наблюдаются случаи, когда со старой дѣвой или дѣвушкой, прижившей ребенка, вступаютъ въ бракъ вдовцы, имѣющіе своихъ дѣтей. Случаи, когда родители обрекаютъ свою дочь на безбрачіе, на Терскомъ берегу не наблюдаются, въ селахъ же Кемскаго уѣзда, гдѣ развитъ расколъ, такіе случаи добровольнаго обреченія на безбрачіе въ старину были весьма часто, встрѣчаются и въ данное время. Такія безбрачницы пользуются большимъ уваженіемъ и про нихъ говорятъ, что „на томъ свѣтѣ онѣ будутъ одѣты въ бѣлыя одежды".

Въ брачныхъ дѣлахъ все дѣло сводится къ судьбѣ: „безъ судьбы не уйдешь", „суженаго конемъ не объѣдешь; „вѣрно на роду судьбой написано жениться на такой-то, или выйти замужъ за такого-то",—вотъ тѣ обычныя слова, которыя говорятъ при заключеніи браковъ. Для того чтобы узнать суженаго, существуютъ на святкахъ гаданія. Распространенныя повсемѣстно гаданія, какъ: смотрѣнье въ зеркало, литье воска или олова, смотрѣнье въ чашу (или котелъ) съ водой, гдѣ должно находиться чье-либо обручальное кольцо,—существуютъ и на Терскомъ берегу. Въ большомъ ходу изъ другихъ гаданій спрашиваніе именъ

Digitized by Google

у встрѣчныхъ, слушанье подъ окнами, у прорубей, у розстани [1]) я у церковныхъ дверей; къ послѣднему, впрочемъ, боятся прибѣгать. Какъ на особенность при спрашиваніи имени, слѣдуетъ указать, что предварительно въ новый годъ или въ Крещенье берутъ первую выпеченную шаньгу и идутъ съ нею по селу, и имя перваго встрѣчнаго будетъ означать имя суженаго. Кромѣ этихъ гаданій, существуютъ въ теченіе года особые дни, когда дѣвушкамъ-невѣстамъ слѣдуетъ обращаться съ молитвою о дарованіи суженаго. Такими днями считаются праздникъ Покрова Богородицы и день памяти Параскевы.

Въ день Покрова дѣвушки должны быть въ церкви, разодѣты въ лучшія одежды; онѣ ставятъ передъ иконою свѣчи и обращаются со словами: „Покровъ Пресвятой Богородицы, покрой мою голову золотымъ кокошникомъ;“ а въ день св. Параскевы— со словами: „Пятница, Параскевея, пошли мнѣ жениха поскорѣе“. Случаи браковъ въ пожиломъ возрастѣ весьма рѣдки на Терскомъ берегу, и позже 40 лѣтъ считается уже грѣхомъ жениться. Весьма часто бываютъ случаи браковъ въ пожиломъ возрастѣ среди лопарей, которые здѣсь вѣнчаются, какъ приписные къ приходамъ Терскаго берега; у нихъ браки наблюдаются съ тою особенностью, что женихъ большею частью моложе невѣсты нерѣдко на 10—15 лѣтъ и рѣже наоборотъ. По объясненію самихъ лопарей, они женятся на пожилыхъ невѣстахъ или вдовахъ, въ надеждѣ получить хорошее за ними приданое, т. е. большое количество оленей и денегъ. Эту увѣренность невѣсты усиленно поддерживаютъ, не жалѣя на угощеніе жениха (б. ч. водкой) денегъ, и только послѣ брака оказывается, что деньги были только на угощеніе, да и оленей оказалось скромное количество. Однако отъ такого разочарованія не страдаетъ семейная жизнь лопаря, который живетъ всегда согласно со своей женой, служащей ему вѣрной помощницей не только въ хозяйственныхъ дѣлахъ, но и такихъ, гдѣ исключительно нужны мужскія руки. Согласная жизнь лопаря съ женой еще болѣе закрѣпляется, когда у нихъ появляются дѣти, къ которымъ лопари питаютъ самую нѣжную и трогательную привязанность, что, полагаю, бросалось въ глаза каждому наблюдателю ихъ жизни.

---

[1]) Мѣсто расхожденія дороги.

Digitized by Google

Въ былое время въ дѣлѣ выбора невѣсты самая главная роль принадлежала родителямъ. Въ настоящее время распространенъ свободный выборъ, при которомъ нерѣдко браки заключаются и противъ желанія родителей, хотя, по существующему повѣрью, такіе браки считаются несчастными, а браки по насилью счастливыми. Разсказы о томъ, что въ былое время родители просватывали своихъ дѣтей еще въ младенчествѣ, сохранились и до настоящаго времени; такого рода сговоры родителей съ обѣщаньемъ передъ иконою держать свое слово—въ настящее время вывелись изъ употребленія. Точно также отошли въ область преданій и такіе случаи, когда, при отсутствіи дѣтей мужского пола, брался въ домъ на воспитаніе сирота, который по достиженіи возраста вступалъ въ бракъ съ дочерью воспитателя. Что касается случаевъ похищенія невѣстъ, то они въ Кольскомъ уѣздѣ не встрѣчаются, имѣютъ мѣсто лишь въ Кемскомъ, нынѣ Александровскомъ, уѣздѣ, гдѣ развитъ расколъ и родители добровольно не отдаютъ своихъ дочерей православнымъ.

При вступленіи въ бракъ считается необходимымъ имѣть благословеніе родителей, а если ихъ нѣтъ, то старшихъ родственниковъ: старшаго брата, дяди, крестнаго отца или матери. Бываютъ случаи браковъ и безъ согласія родителей, но такихъ брачущихся осыпаютъ родственники упреками, бранью и угрозами проклятья; послѣднимъ, впрочемъ, пользуются въ исключительныхъ случаяхъ, да и то, какъ говорятъ, „безумные родители". Вліяніе родителей въ брачныхъ дѣлахъ стало ослабѣвать лѣтъ съ 20 назадъ; сами крестьяне справедливо объясняютъ это тѣмъ, что „теперь народъ сталъ другой, чаще бываетъ въ отлучкѣ и перенимаетъ отъ другихъ много и непутеваго".

Когда въ семьѣ нѣсколько дѣвицъ, то родители стараются напередъ выдать замужъ старшихъ, давая за ними больше приданаго. Само собой разумѣется, что порядокъ этотъ нерѣдко нарушается. При добровольномъ согласіи невѣсты выдти замужъ, она должна отвѣчать родителямъ: „ваша воля, вы меня поили и кормили, я изъ родительской воли не выйду"; при несогласіи, кланяется въ ноги и со слезами упрашиваетъ, чтобы не отдавали за немилаго и постылаго.

По всему Терскому берегу, а также и Поморью, весьма распространенъ между женихомъ и невѣстой обычай давать предва-

Digitized by Google

рительно передъ сватаніемъ другъ другу залоги. Не вѣря или сомнѣваясь въ словесномъ обѣщаніи дѣвушки, особенно изъ зажиточной семьи, выдти за него замужъ, парень, чтобы ему не было стыдно при отказѣ, проситъ обмѣняться залогами, причемъ даетъ кольцо, а дѣвушка платокъ или сарафанъ. Давши секретно отъ другихъ залоги, уговариваются о времени самаго сватанія. Сватами служатъ исключительно мужчины—крестный отецъ жениха и его старшій братъ. Сваты должны приходить засватывать утромъ; по приходѣ, сваты молятся Богу и все время стоятъ, не переходя матицы, ведутъ разговоръ издалека и много времени спустя уже переходятъ къ цѣли посѣщенія. При согласіи родителей отдать дочь, дѣло быстро налаживается; при упорномъ несогласіи сваты, имѣя залоги, предъявляютъ родителямъ невѣсты, объясняя, что они пришли „по полой дорогѣ“ (открытой). При залогахъ, подтвержденныхъ словами невѣсты, родители скорѣе даютъ согласіе, послѣ чего зажигаютъ лампаду или свѣчку, молятся Богу и родители невѣсты даютъ руку сватамъ со словами—„быть въ надеждѣ“; тогда сватъ надѣваетъ невѣстѣ жениховó кольцо, а та вручаетъ сватамъ по платку, изъ которыхъ одинъ для вѣрности согласія предназначается жениху. Вся эта процедура носитъ названіе „рукобитье“. Уговорившись о днѣ свадьбы, получивъ угощеніе, сваты уходятъ къ жениху и объявляютъ ему, что „желаемое получилось“, послѣ чего женихъ ихъ долженъ угощать.

Въ тотъ же день вечеромъ невѣста собираетъ всѣхъ знакомыхъ дѣвицъ. Обыкновенно 3—4 дѣвушки, болѣе близкія подруги невѣсты, живутъ у невѣсты до дня свадьбы, шьютъ на нее приданое. По приходѣ къ невѣстѣ, дѣвицы расчесываютъ ей голову, заплетаютъ косу, надѣваютъ ей на голову сшитую парчевую повязку и устраиваютъ игры. Невѣста все время должна стоять въ ожиданіи жениха, по приходѣ котораго садится рядомъ съ нимъ и играетъ исключительно съ однимъ женихомъ. Женихъ долженъ угощать невѣсту и дѣвицъ какими-либо гостинцами. На другой день обыкновенно бываютъ смотрины въ домѣ невѣсты (или, какъ говорятъ, „Смотрѣнье“). На смотрины собирается вся родня жениха, невѣсты и много посторонней публики. Для почетныхъ гостей и родни накрываются столы, и подается угощеніе; вначалѣ невѣста находится въ другой комнатѣ, а по-

Digitized by Google

томъ уже выходитъ къ собравшимся. Дѣвушки поютъ свадебныя и плясовыя пѣсни. Женихъ, приходя на смотрины, приноситъ невѣстѣ обычные подарки—матерію на сарафанъ, башмаки, чулки, гребень, зеркало, мыло и духи, а дѣвицамъ—орѣхи и конфекты. Дѣвицы поютъ свадебныя пѣсни, припѣвая жениху его невѣсту и наоборотъ.

По уходѣ жениха, приходятъ плачеи и начинаютъ причитать, оплакивать дѣвью красоту. Безъ плачей дѣло не обходится, такъ какъ невѣсты сами не знаютъ причитаній, а вторятъ лишь словамъ плачей. За свой трудъ плачеи получаютъ подарки—передникъ или рукава—и, кромѣ того, угощеніе. Причитанія, которымъ вторитъ невѣста, слѣдующія:

Благослови, Боже Господи, Спасъ, Пресвятая Богородица,
Распустить мнѣ, сизой касатой голубушкѣ,
Свой неумѣлый зыченъ голосъ
По родительскому витому теплому гнѣздышку.
Вы послушайте меня, свѣты-желанные родители,
Вы отдать-то меня поневолили, сизу касату голубушку,
За сизаго, младого, полетнаго ясна сокола.
На что кинулись, обзарились?
На его имѣніе, на богачество, на его-ли многу злату казну,
На его-ли деньги лежалыя, на его-ли хлѣбъ годовалый,
На его-ли на желты кудри, на его-ли молодецкія?

Вторя словамъ плачей, невѣста должна поднимать руки и ударять одна о другую; во время плача она стоитъ и время отъ времени кланяется по сторонамъ. Обращаясь къ родителямъ, невѣста причитаетъ:

Стану я на свои рѣзвыя ножки,
Вы не гнитесь, не ломитесь подо мной,
Сизой касатой голубушкой, ножки рѣзвыя.
Отмахну я ручку бѣлую отъ своего лица бѣлаго,
Осмотрю я родительское витое, теплое гнѣздышко,
Гдѣ сидятъ мои свѣты желанные родители.
Ужъ пойду я, сиза касата голубушка,
По той бѣлой дубовой мостинкѣ,
Посмотрю я на своихъ свѣты желанныхъ родителей,
Гдѣ сидятъ мои свѣты желанные родители.
На единой-ли они сидятъ брусовой лавочкѣ,
Подъ однимъ-ли они сидятъ окошечкомъ косятчатымъ,
Да едину-ли они думу крѣпку думаютъ.

Digitized by Google

Смѣю-ли я подойти, сизо касата голубушка,
Ко своимъ свѣты желаннымъ родителямъ?
Вы послушайте мои свѣты желанные родители,
Вы съ чего же вздумали меня отдать за чужого, млада полетна ясна сокола?
Становились-ли вы передъ матушкой Пресвятой Богородицей?
Молили-ли за меня Бога о счастьѣ великомъ?
Вы послушайте мои, свѣты желанные родители,
Какое мнѣ падетъ житье неиздачное,
Не кладу я на васъ судьбы жалобы:
Сама пошла, поизволила во сильну неволю великую,
Изъ дѣвья житья, изъ привольнаго.
Вспомяните меня, сизу касату голубушку,
Мои свѣты желанные родители,
Развѣ не трудница вамъ была, не работница?
Чѣмъ озлобила, чѣмъ одосадила?
Развѣ не замѣняла васъ, свѣты желанные родители?
Чего озлились, чего разсердились на меня, свѣты желанные родители?
Развѣ кто васъ укорилъ мной, сизой касатой голубушкой,
Чужи-ли сосѣдушки, или мои милыя подруги полюбовныя?

Послѣ родителей невѣста поочередно причитаетъ передъ другими родственниками и дѣвицами.

Въ день свадьбы (чаще на 3-й день), рано утромъ, невѣсту будитъ мать; невѣста проситъ подругъ истопить ей баню, обращаясь со слѣдующими словами:

Вы послушайте меня, любезныя подруженьки,
Затопите мнѣ баенку жаркую,
Вы сходите на Дунай быстру рѣку,
Вы принесите ключевой свѣжей воды.
Вы перву струю воды пропустите—не черпайте,
Другу пропустите—не черпайте,
Съ третьей струи зачерпните золотымъ ковшомъ,
Вы принесите ключевой воды въ ту мыльну парну баенку,
Вы, милыя подруженьки любезныя,
Сослужите еще службу великую,
Вы сходите во темны лѣса,
Вы повыдерните березу кудреватую,
Чтобъ на той березѣ кудреватой не сидѣла горька бѣдна кукушечка,
Не горевала, не ронила своихъ горькихъ слезъ на ту березу кудреватую.
Вы нарѣжьте мнѣ, сизой касатой голубушкѣ, вѣничекъ,
Принесите его въ ту баенку парную.

Подруги невѣсты уходятъ приготовлять баню, а затѣмъ, когда все готово, невѣста со своими подругами идетъ въ баню. Какъ

Digitized by Google

разъ къ этому времени должна быть приглашена старуха, умѣющая невѣсту „отпущать", т. е. предохранять ее отъ порчи.

Суевѣрія весьма развиты на Терскомъ берегу, и свадьбу считаютъ удобнымъ моментомъ для вмѣшательства нечистой силы, а потому особенно надо оберегать новобрачныхъ. Въ каждомъ селѣ, деревнѣ есть бабушки, которыя умѣютъ отпущать, и безъ ихъ участья ни одна свадьба не обходится. По приходѣ въ баню бабушка вывaрачиваетъ всю одежду невѣсты на лѣвую сторону, кладетъ въ правый башмакъ соль и втыкаетъ въ подолъ одежды 2—3 булавки и одну безъ уха иголку.

Кромѣ невѣсты, бабушка должна сдѣлать въ тотъ же день „отпускъ" и жениху; ему она опоясываетъ голое тѣло поясомъ и прикрѣпляетъ воскъ къ шейному кресту. Во время этихъ процедуръ надъ женихомъ и невѣстой, бабушки произносятъ заговоры, узнать которые мнѣ не удалось.

По выходѣ изъ бани, невѣста причитаетъ у бани:

Раскатитесь вы, сѣры сыпучи камешки,
Въ той парной мыльной баенкѣ!
Развались ты, мыльна баенка, со верхняго бревна до нижняго
Послѣ меня, сизой касатой голубушки!

По приходѣ въ домъ, невѣсту встрѣчаетъ мать, покрываетъ одѣялами и вводитъ въ комнату, гдѣ уже собралась съ подарками для невѣсты ея родня. Невѣста съ подругами садится за столы и принимаетъ отъ родни подарки; дѣвицы поютъ невѣстѣ пѣсни, припѣвая ей жениха.

Нѣкоторыя изъ болѣе досельныхъ, т. е. старинныхъ пѣсенъ мнѣ удалось записать, вотъ эти пѣсни:

Обсѣли-то голуби кругомъ новой-то горницы,
Кругомъ новой-то свѣтлицы.
Это все сидять не голуби, это сидять сватовья,
Сватовья-то (имя жениха), поѣзжане (отчество жениха)
Не знала я, не вѣдала (имя, отчество невѣсты),
Когда столько увидѣла, стала жалобно плакать,
Жалобно причитати, ко столу приговарити:
У меня у красной дѣвушки есть грозенъ батюшка съ матушкой,
Я съ ними разставаюся, какъ съ водой разливаюся,
Отдаетъ меня батюшка на вѣки (имя и отч. жениха)
Съ молодцемъ этимъ вѣкъ вѣковать.

Digitized by Google

Другая пѣсня:

Во теремѣ гусли лежали, во высокомъ въ звончатыя возгудали.
Еще некому въ гусли играти, въ звончатыя возгудати,
Еще нѣтъ (имя и отчество жениха), дома не случилось:
Онъ тамо у тестя, у ласковой тещи
За дубовыми столами, за верчатыми скатертями
Сахарну яству воскушаетъ,
Свою душу (имя и отчество невѣсты) вспоминаетъ:
Безъ нея безъ младой, мнѣ хлѣбъ, соль не ѣстся,
Сладкое пиво не пьется.
Зять со двора отъ тещи уѣзжаетъ
И теща-та зятю наказуетъ:
Ужъ ты, зять, ты мой зять любимый, богоданный,
Ты садись на коня, не качайся,
Пріѣдешь ко двору не хлюпайся.
Мое-то дитя молодое, молодое, да ласковое,
Она съ бражниками не живала,
Она бражниковъ въ очи не видала,
Она увидала лишь (имя отч. жениха).

Дѣвушки поютъ много пѣсенъ; послѣ каждой пѣсни невѣста встаетъ, кланяется, молча благодаритъ ихъ за пѣсни. Въ это время является съ фонаремъ и пирогами отъ жениха дружка и, становясь съ фонаремъ передъ невѣстой, говоритъ: „Здравствуй, бачка, здравствуй мачка, здравствуй княгиня первобрачна съ отцемъ, матерью, родомъ-племенемъ, со сватьюшкой—крестовой матушкой, съ сестрицами родными, съ красными дѣвицами пирожницами, съ мастерицами горшечными палубницами. Нашъ князь (имя и отчество жениха) остался въ чистомъ полѣ, стоитъ подъ бѣлымъ шатромъ, подперся острымъ копьемъ, насъ послалъ про твое здоровье спросить, про свое сказать и пожелалъ бы васъ въ очи видѣть“. Невѣста должна выслушать „здравствованіе“ стоя и, въ свою очередь, послать своего дружка съ фонаремъ „здравствовать жениха“. По приходѣ къ жениху, который тоже со своей родней сидитъ за столомъ, дружка невѣсты произноситъ то же привѣтствіе съ нѣкоторымъ измѣненіемъ послѣ словъ: „съ крестной матерью, дружками молодыми ясными соколами, со всѣмъ княжескимъ поѣздомъ. Наша (имя и отчество невѣсты) княгиня первобрачна осталась на тихой заводи плавать лебедью, насъ послала къ вамъ сѣрыми гусями, велѣла стоять предъ вашими

Digitized by Google

добрыми молодцами, про ваше здоровье спросить и про свое сказать и желала-бъ васъ въ очи видѣть". Послѣ „здравствованія" дружка уходитъ къ невѣстѣ, у которой происходитъ усиленный плачъ. Прося у своихъ родителей благословенія, невѣста обращается къ нимъ со слѣдующими словами:

Вы послушайте меня, сизу касату голубушку, свѣты желанные родители,
Наложите на меня благословеніе родительское,
И я пойду, сиза касата голубушка, ко тѣмъ столамъ бѣлодубовымъ.

Далѣе невѣста обращается къ своей крестной матери и проситъ ее, когда придетъ чужой младъ ясенъ соколъ банкетовать, чтобы она пошла съ нею рядомъ къ столамъ бѣлодубовымъ. Потомъ, обращаясь къ своимъ любезнымъ подругамъ, невѣста проситъ ихъ посмотрѣть: „задрожатъ ли у меня, сизой касатой голубушки, ножки рѣзвыя, ручки бѣлыя, поблекнетъ ли у меня лицо бѣлое у того стола бѣлодубоваго". Въ заключеніи невѣста обращается къ своему брату (женатому, если нѣтъ—то холостому, а то ближайшему родственнику), благодаритъ его за то, что онъ отпускаетъ ее ко столамъ бѣлодубовымъ.

Во время всѣхъ этихъ обращеній и послѣ ихъ, когда мать невѣсты снимаетъ съ нея парчевую повязку, невѣста плачетъ до утомленія, прощаясь съ родственниками, подругами и своей дѣвичьей красой. По окончаніи прощанія, невѣсту одѣваютъ въ вѣнчальныя одежды, садятся за столы и ожидаютъ прихода жениха.

При входѣ жениха невѣста обходитъ кругомъ столъ, становится въ уголъ и оттуда незамѣтно слѣдитъ за видомъ жениха, т. е. если онъ войдетъ веселымъ, то и жизнь замужняя будетъ веселая, а если грустнымъ, то жизнь не будетъ хорошая.

По приходѣ жениха, его усаживаютъ за столъ и угощаютъ. Въ это время двѣ женщины (б. ч. ближайшія родственницы невѣсты), такъ называемыя „выводницы", выводятъ невѣсту изъ угла, ставятъ позади себя, молятся вмѣстѣ съ невѣстой Богу и раскланиваются со всѣми. Женихъ долженъ встать, а невѣста произноситъ:

Не стой, младъ чужой ясенъ соколъ,
Передо мной, сизой касатой голубушкой:
Не довлѣетъ тебѣ стоять:
Я призадлилась, призамѣшкалась у своихъ свѣты желанныхъ родителей.

Digitized by Google

Не подучили меня, сизу касату голубушку, мои свѣты желанные родители,
Тебя, млада ясна сокола, на широкихъ полыхъ дубовыхъ сѣняхъ встрѣчать.

Дружки въ это время наливаютъ всей роднѣ жениха и невѣсты вина, послѣднюю рюмку наливаютъ жениху и невѣстѣ. Женихъ всю рюмку выпиваетъ, кладетъ въ нее кольцо, которое надѣваетъ невѣстѣ на руку, невѣста слегка лишь касается рюмки, которую уже допиваетъ ея дружка. Послѣ этой церемоніи невѣсту уводятъ въ другую комнату, или въ уголъ, гдѣ ее родители благословляютъ: отецъ—иконой, а мать—хлѣбомъ-солью; невѣста усиленно плачетъ, прощаясь съ родителями. Оставшемуся одному жениху дѣвушки поютъ пѣсни, пропѣвая ему невѣсту.

По окончаніи прощанія съ родными, отецъ невѣсты подводитъ ее закрытою въ покрывало къ жениху, который ее долженъ взять не голой рукой, а въ перчаткѣ. Тысяцкій долженъ пріоткрыть покрывало, дабы посмотрѣть, ту-ли невѣсту привели; въ это время дѣвушки хоромъ кричатъ: ту, ту... и вслѣдъ за этимъ слѣдуютъ пѣсни:

Ужъ ты (имя жениха) свѣтъ (отч. ж.),
Ты почто рано женишься,
На себя берешь печаль большую?
Ты печаль берешь немалую,
Какъ ты будешь поить-кормить,
Какъ ты будешь началъ вести?
Ужъ вы, подружки голубушки,
Не кладите судьбы-жалобы
Ни на батюшку, ни на матушку,
Положите судьбу-жалобу
(обращаясь къ свату) На свата на большаго,
На измѣнщика родительскаго.
Ходилъ онъ и высватывалъ
Не путемъ, не дорогою,
Все заулками, переулками.

Вслѣдъ за этимъ поютъ пѣсни ругательныя по адресу сватовъ, при чемъ такого содержанія, что для печати онѣ совершенно неудобны. Всюду раздается смѣхъ, а сватовья обычно лишь ухмыляются, ни мало не обижаясь за пѣсни, изъ которыхъ какъ здѣсь говорятъ, слова не выкинешь. Привожу одну изъ ругательныхъ пѣсенъ по адресу сватовъ, какъ болѣе приличную:

Digitized by Google

Кабы тебѣ, свату большему,
На ступень ступить—ногу сломить,
На другую ступить—другу сломить,
На третью ступить—вихлецъ (ступня) сломить:
Все тебѣ, да свату большему,
Измѣнщику дѣвочьему,
Подговорщику родительскому.
Трясло бы тебя, да повытрясло
На печи бы тебя, да подъ шубами,
Да подъ тремя бы тебя тулупами,
А подъ четвертымъ одѣялышкомъ.
Сквозь печь бы тебѣ да провалитися,
Въ мясныхъ щахъ бы заваритися,
Киселемъ бы захлебнутися:
Все тебѣ, да свату большему,
Измѣнщику дѣвочьему.
Пирогомъ бы тебѣ да подавитися,
Волкомъ бы да навоятися,
Собакой бы да налаятися.
Отъ двора бы тебѣ отъѣхати,
А къ другому не пріѣхати:
Все тебѣ, да свату большему,
Измѣнщику дѣвочьему.

Послѣ пѣсенъ женихъ съ невѣстой обходятъ кругомъ всѣхъ столовъ и отправляются въ церковь. Во время обхода столовъ невѣста должна загибать скатерть, куда тысяцкій незамѣтно кладетъ деньги, символъ платы за родительскую хлѣбъ-соль для невѣсты. Въ церковь идутъ въ такомъ видѣ: впереди дружки, изъ которыхъ одинъ (дружка жениха) несетъ на головѣ хлѣбъ, зашитый въ бѣлый платокъ. Этотъ хлѣбъ называется „баяшникомъ". Другой дружка несетъ икону невѣсты, тысяцкій—икону жениха, и кто-либо узелъ пироговъ съ крупой, которые послѣ вѣнца въ церкви раздаются подросткамъ. Невѣста рядомъ съ женихомъ идетъ закрытая въ покрывало и всю дорогу кланяется. Во время пути въ церковь родственницы и сама невѣста должны строго слѣдить, чтобы всѣ пороги переступать правой ногой и не задѣвать одеждой пороговъ, иначе, по повѣрью, могутъ открыться вереда (чирьи), въ церкви стать на подножье (подножьемъ у богатыхъ служитъ шелковый, а у бѣдныхъ—простой платокъ) не всей ногой, а одними носками. Во время вѣнчанія родственники замѣчаютъ, что если въ свѣчкахъ жениха и невѣсты огонь ров-

Digitized by Google

ный, то жизнь будетъ ровная, если одна изъ свѣчекъ больше сгоритъ—тотъ скорѣе умретъ, если лица жениха и невѣсты покрываются красными пятнами, то они испорчены и „отпускъ“ былъ плохой. Вслѣдъ за вѣнчаніемъ служатъ молебенъ храмовому празднику, послѣ чего невѣсту „крутятъ“, т.-е. заплетаютъ ей волосы на двѣ косы (по женски) и на голову одѣваютъ новойникъ.

Изъ церкви отправляются въ домъ жениха къ такъ называемому „приводному столу“. При входѣ въ домъ мать и отецъ жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ и солью, благословляютъ иконой и обсыпаютъ овсяной мукой; новобрачные должны слегка прикусить благословляемый хлѣбъ, который затѣмъ подается къ столу. Невѣста въ первое время сидитъ за столомъ закрытой, когда же соберутся всѣ родственники, тысяцкій долженъ открыть покрывало. Обыкновенно дружки съ фонарями приглашаютъ къ приводному столу всѣхъ родственниковъ жениха и невѣсты; за столъ садятся всѣ, кромѣ дѣвушекъ. Угощеніе заключается въ обильной ѣдѣ, питьѣ чая, что все чередуется съ подносимой дружками водкой; въ концѣ ужина новобрачные должны разносить всей приглашенной роднѣ рюмки съ виномъ, куда кладутъ деньги.

Во время пированія дѣвицы поютъ свадебныя пѣсни новобрачнымъ, при чемъ за первыя три пѣсни деньги не платятъ, а за дальнѣйшія платитъ женихъ и тѣ изъ гостей, къ которымъ обращена пѣсня. По окончаніи пированія слѣдуетъ раздача подарковъ всей роднѣ жениха отъ невѣсты, которая, поднося подарки, должна кланяться. Обыкновенно дарятъ матеріи на сарафанъ, рубашки, новойники, платки, косынки. Послѣ раздачи подарковъ всѣ расходятся, остается лишь ближайшая родня на „маленькую ужинку“, которая вновь состоитъ изъ питья чаю и вина и легкаго ужина.

Въ заключеніе новобрачнымъ приготовляютъ постель въ нежилой комнатѣ или же кладовой, которую и запираютъ. По приходѣ въ отведенную комнату, „молода“ (такъ называютъ новобрачную не менѣе года) должна снять у мужа сапоги, въ которые заранѣе кладутъ деньги для молодой, и проситься съ нимъ спать. Будятъ молодыхъ сватовья и отправляются на блины къ тещѣ. Здѣсь опять собираются всѣ родственники и происходятъ угощенія. На третій день новобрачные визитируютъ къ сватовьямъ,

Digitized by Google

тысяцкому, дружкамъ и другимъ родственникамъ, справляя свадьбу въ теченіе всей недѣли.

Если невѣста окажется цѣломудренной, то женихъ долженъ благодарить подарками ея родителей, въ противномъ случаѣ— слѣдуютъ упреки и битье жены. Въ виду того, что уровень нравственности на Терскомъ берегу не высокъ (какъ и по всему побережью Бѣлаго моря) и потеря невинности—явленіе обычное и большею частію происходитъ съ тѣмъ же молодымъ человѣкомъ, за котораго дѣвица старается выдти замужъ, то большею частью рѣдко поженившійся имѣетъ какія-либо претензіи на свою жену.

И. Н. Шмаковъ.

Digitized by Google

Деревенскія посидѣлки и современныя народныя пѣсни-частушки [1]).

I.

Современныя деревенскія пѣсни назвали „частушкою". Трудно утверждать, чтобы это названіе сложилось въ народѣ. Въ народѣ чаще всего не знаютъ этого слова, а называютъ частушки просто „деревенскими пѣснями". Поются частушки теперь всюду: и въ Петербургѣ—на народныхъ гуляньяхъ и Семеновскомъ плацу, и въ Москвѣ—на Дѣвичьемъ полѣ, и въ уѣздныхъ городахъ, и въ самыхъ захолустныхъ деревняхъ сѣвернаго края. Вездѣ ихъ поютъ и *складываютъ* дѣвицы и парни одинаково. Поютъ ихъ и на посидѣлкахъ, и дома за работой, и въ полѣ—идя за бороной, и въ огородѣ—копаясь въ грядахъ. Въ частушкахъ изливается и горе, и радость, и обида, и восторгъ, и многія другія чувства современной крестьянской молодежи.

Любимая атмосфера частушки—посидѣлки въ деревнѣ. О нихъ мы и скажемъ прежде всего нѣсколько словъ.

Посидѣлки—главное развлеченіе деревенской молодежи. Онѣ воспѣты и въ народныхъ пѣсняхъ:

Тятька вѣкъ свой переживши,
Ничего въ жизни не зналъ:
Вѣкъ на посѣдки не хаживалъ,—
Любови не видалъ.

---

[1]) Авторъ печатаемой статьи—уроженецъ деревни Звадъ, Лужскаго уѣзда, Петербургской губерніи (род. въ 1877 г.) По условіямъ своей жизни онъ близко познакомился съ жизнью деревни этой и сосѣднихъ губерній, съ посидѣлками, съ жизнью описываемыхъ ниже „казенныхъ дѣтей", а равно и съ жизнью сиротъ, пастушковъ и тому подобныхъ деревенскихъ неудачниковъ. *Ред.*

Digitized by Google

Или:

Мы привыкли съ этимъ жить—
Всегда на пóсѣдку ходить;
Всегда на пóсѣдку ходить—
Красныхъ дѣвушекъ любить.

Или дѣвушка поетъ:

Меня маменька ласкаетъ,—
На бесѣду [1]) не пускаетъ:
Дочка, избалуешься,
Съ засухой [2]) поцѣлуешься!

Ежедневныя посидѣлки вывелись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а именно, гдѣ не занимаются отдѣлкою льна и пряжею для домашняго холста. Въ Петербургской и Новгородской губерніяхъ онѣ сохранились. Посидѣлки отличаются отъ парадныхъ „гуляній" тѣмъ, что на нихъ приходятъ съ работою. Кромѣ того, гулянья бываютъ только въ большіе праздники, и собирается на нихъ не только своя деревенская молодежь, но и гости изъ другихъ деревень. Дѣвушки одѣваются въ такихъ случаяхъ въ самыя дорогія, изъ своего состоянія, платья. Вы здѣсь увидите и шерстяные, и шелковые наряды, сдѣланные чуть-ли не по послѣдней модной картинкѣ; на болѣе богатыхъ дѣвушкахъ замѣтите и корсетъ.

Обстановка посидѣлокъ проще „гулянья". Посидѣлки происходятъ въ простой избѣ, освѣщенной небольшой лампочкой; по лавкамъ разсѣлись съ пряжами дѣвицы. Парней пока еще нѣтъ, и дѣвушки скучаютъ. Но вотъ послышался звукъ „тальянки", и всѣ бросились къ окну, посмотрѣть: кто идетъ? куда?—„Къ намъ, къ намъ!"—въ восторгѣ вскрикиваютъ дѣвушки, и садятся по мѣстамъ.

Мѣста на посидѣлкахъ играютъ большую роль. Еще идя на посидѣлку, одна дѣвица обыкновенно спрашиваетъ у другой: „Ты, Фенька, гдѣ сядешь сегодня?"—„Въ переднемъ углу,"—отвѣчаетъ та.—„А ты, Дунька, гдѣ?"—„Я у печки,"—недовольно отвѣчаетъ первая.—У печки самыя послѣднія мѣста, и потому сюда садятся дѣвушки не совсѣмъ охотно. Но приходится сидѣть всѣмъ и на

[1]) То же что „посѣдка"
[2]) Милый.

Digitized by Google

хорошихъ и на худыхъ мѣстахъ. Для этого идетъ очередная, то есть дѣвушки мѣняются мѣстами каждый вечеръ по порядку.

Итакъ, всѣ усѣлись на мѣста и завертѣли веретенами. Парни идутъ по сѣнямъ и стучатъ сапогами, встряхивая снѣгъ. Дѣвушки оправляются и ждутъ появленія „ребятъ". Парни вошли въ избу. Они поснимали шапки, помолились на иконы, здороваются общимъ привѣтствіемъ со всѣми дѣвушками, и садятся на скамейки. Ихъ пришло нѣсколько человѣкъ; у одного подъ мышкой гармоника.

На первый случай всегда обѣ стороны отмалчиваются или, проще сказать, играютъ въ молчки. Но, вотъ, одна бойкая дѣвица нарушаетъ тишину:

— „Ну, что-то будетъ! Наши ребята, вѣрно, богатыхъ полюбили: съ нами и говорить не хотятъ!"

— „Да что вы и въ правду",—говоритъ другая,—„дремлете-то? Мишка, сыграй! Скука-то намъ и безъ васъ надоѣла!"

Но Мишка не можетъ прійти въ себя, и потому медлитъ, не начинаетъ. Просьбы дѣвушекъ посыпались и съ другихъ сторонъ. Но Мишка ломается; говоритъ, что у него палецъ заболѣлъ, не даетъ играть. Дѣвушки не вѣрятъ, такъ какъ знаютъ, что за натура Мишка, и не отстаютъ. Мишка, наконецъ, продѣлъ свой палецъ въ ушко ручки „тальянки" и заигралъ. Одна изъ дѣвицъ запѣла:

Сыграй-ка, Мишечка, въ тальяночку,
Я пѣсенку спою:
Свое я горюшко развѣю
И тебя развеселю!
Пѣсни пой, душа моя,
Меня за пѣсенки бранятъ,
Меня за пѣсенки бранятъ,
Что про миленка пою я.
Что хотите говорите,
А по вашему не быть:
Что по вашему не быть,
Не брошу милаго любить!

Гармонистъ продолжаетъ играть; дѣвица не перестаетъ пѣть. Къ ней присоединяются другой и третій голоса, и звуки сливаются въ общій несовсѣмъ стройный концертъ, несовсѣмъ стройный, потому что часто случается такъ: запоютъ пять или шесть голосовъ, и всѣ—разныя пѣсни, каждый—свое. Это уже ясно,

Digitized by Google

почему. У каждаго свои чувства и свои настроенія, которыя и изливаются подъ одну общую музыку. Въ одномъ углу слышится:

Ты, родимая маменька,
Въ могилу не ложись,—
Ты сама про это знаешь:
Сиротамъ какая жизнь [1]).

Въ другомъ углу:

Не пиши, засуха, писемъ,
Не теряй напрасно словъ;
Я давно тебѣ сказала,
Что прикончена любовь.

Въ третьемъ углу:

Лучше ты бы, мой хорошенькій,
Любить не начиналъ,
Мому бѣдному сердечушку
Досады не давалъ.

И такъ поютъ, пока гармонистъ не перестанетъ играть. Гармонистъ остановился,—и все смолкло. Пауза продолжается недолго. Скоро дѣвушки опять стали просить гармониста сыграть „на пѣсни". На этотъ разъ онъ не заставилъ себя долго ждать: всталъ съ мѣста и, заигравъ гораздо протяжнѣе, началъ ходить кругомъ по избѣ. Дѣвушки поютъ:

Разступитесь-ка, народъ,
Заведемъ мы караводъ,
Заведемъ мы караводъ:
Парень дѣвицу беретъ.

Гармонистъ подходитъ къ дѣвушкѣ и поклономъ приглашаетъ ее въ хороводъ. Дѣвушка идетъ за парнемъ; ей поютъ:

Посмотрите-ко на насъ,
Какая пара собралась:
Парочка по прежнему,—
Выбирай любезнаго.

---

[1]) Произносится: жись.

Digitized by Google

Потомъ дѣвица, въ свою очередь, такимъ же образомъ, приглашаетъ въ хороводъ другого парня, тотъ опять дѣвицу, и такъ далѣе. Наконецъ, всѣ дѣвушки оставили свои прялки и образовали вмѣстѣ съ парнями одинъ большой кругъ. Остановились и запѣли:

Выду-ль я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю и т. д.,

но гораздо протяжнѣе обыкновеннаго мотива этой пѣсни. Гармонистъ, продолжая играть, идетъ въ середину круга, кланяется своей дѣвушкѣ и опять возвращается на старое мѣсто. За нимъ выходитъ его пара, кланяется слѣдующему „кавалеру", а тотъ—своей „дамѣ" и такъ далѣе. Такъ обходятъ нѣсколько разъ и, пропѣвъ двѣ-три пѣсни, въ концѣ благодарятъ за руку другъ друга.

Послѣ этого хоровода парни садятся уже рядомъ со своими „барышнями"—дѣвушками, за которыми они ухаживаютъ иногда по нѣскольку лѣтъ,—и начинаютъ нашептывать имъ любовныя рѣчи. Никѣмъ не занятыя дѣвушки поютъ, если гармонистъ играетъ, и завистливо посматриваютъ на парочки влюбленныхъ,—а тѣ уже успѣли обняться и упиваться страстными поцѣлуями. Изрѣдка только слышенъ шопотъ дѣвушки: „ну, пусти, довольно... надо прясть!.." Этимъ послѣднимъ часто влюбленныя парочки вызываютъ со стороны поющихъ, никѣмъ не занятыхъ дѣвушекъ, такія пѣсни:

Погасите, дѣвки, лампу,
Что-бы свѣту не было;
Разведите эту пару,
Что-бы смѣху не было.

Или:

Погасите, дѣвки, лампу,
Она безъ пользы здѣсь горитъ;
Разведите эту пару,
Она безъ совѣсти сидитъ.

Кстати замѣтимъ, что ухаживающій такимъ образомъ за дѣвушкою, часто нѣсколько лѣтъ подрядъ, парень въ концѣ-концовъ женится на ней, когда оба уже сильно привыкнутъ другъ къ другу.

Digitized by Google

Если во время посидѣлки придетъ другая партія парней, то дѣвушки заводятъ съ ними новый хороводъ, въ который приглашаются и усѣвшіеся парочками влюбленные.

Продолжаются посидѣлки до двухъ или трехъ часовъ ночи. Но когда въ деревнѣ нѣтъ парней, то наскучивши сидѣть однѣ, дѣвушки расходятся иногда и въ десять часовъ вечера и даже раньше.

Съ посидѣлокъ всегда провожаетъ домой дѣвицу парень, ухаживающій за нею. Часто бываетъ, что провожаетъ парень дѣвицу и не изъ-за взаимной любви, а просто изъ уваженія, и дѣвицы сложили въ благодарность за это парнямъ пѣсню:

Лучше Пети нѣтъ на свѣтѣ,
Уважительный какой:
Уважаетъ, провожаетъ
Меня съ посѣдокъ домой.

Проводивши свою „барышню,“ парень всегда къ себѣ домой возвращается съ пѣсней. Если онъ гармонистъ, то по дорогѣ играетъ и вполголоса поетъ:

Ты играй, моя тальяночка,
Идемъ съ тобей домой:
Проводилъ свою бѣляночку,—
Теперь и на покой.

У воротъ дома, куда провожаетъ парень дѣвушку, влюбленная парочка еще постоитъ съ полчаса, причемъ „кавалеръ“ добьется нѣсколькихъ страстныхъ поцѣлуевъ.

Что касается процесса творчества новыхъ пѣсенъ, какъ на этихъ посидѣлкахъ, такъ и при другихъ обстоятельствахъ, а равно и содержанія этихъ пѣсенъ, то здѣсь многое зависитъ и отъ личности авторовъ пѣсенъ, и отъ условій ихъ жизни, и отъ минуты ихъ настроенія.

Мнѣ лично пришлось, лѣтъ пятнадцать тому назадъ (въ Лужскомъ уѣздѣ), слышать, какъ одна крестьянская неграмотная дѣвица, придя на посидѣлку, хвасталась своимъ подругамъ, что она „выдумала“ пѣсню. Припомнивъ слова, она запѣла:

Ты, родимая мамашенька,
Въ могилу не ложись,—
Ты сама про это знаешь:
Сиротамъ, какая жизнь!

Digitized by Google

Вотъ что заставило ее „выдумать“ эту пѣсню.—У нея заболѣла мать; волновавшія по этому поводу душу дѣвушки чувства, ея страхъ за свою будущую участь и вылилась въ этомъ безыскусственномъ четверостишіи.

Такъ и каждая другая пѣсня появляется или повторяется при извѣстныхъ побужденіяхъ съ извѣстнымъ назначеніемъ. Все это выливается отъ прилива чувствъ мгновенно и гдѣ пришлось: на посидѣлкахъ, на гуляньяхъ и въ полѣ за работой. Стоитъ только сложиться въ головѣ дѣвушки первому двухстишію, какъ ужъ второе двухстишіе явится немедленно и будетъ, если не дополненіемъ высказанной мысли, то, по крайней мѣрѣ, сравненіемъ; послѣднее ставится впереди или сзади, въ четверостишіи, смотря по рифмѣ,—рифма въ частушкахъ необходима.

Чаще всего частушка представляетъ собой четверостишіе, но есть и двухстишія. Напримѣръ, парень, слегка подвыпившій, идетъ по деревнѣ и почему-то захотѣлъ хвастнуть, что онъ въ долгъ беретъ вино у кабатчика, и запѣлъ:

Не на деньги пьемъ гуляемъ,—
Подъ росписочку беремъ!

Я это тоже лично слышалъ и наблюдалъ, что у этого парня никогда не было пѣсенъ въ четверостишіяхъ. Если отъ него перехватывали другіе „ребята“ подобныя пѣсни-двухстишія, то дополняли ихъ вторымъ двухстишіемъ, потому что, по ихъ мнѣнію, не четверостишная частушка—не цѣльная пѣсня.

Отъ этого-же парня я слышалъ въ другой разъ слѣдующую пѣсню:

Я мальчишко пьяный, пьяный,
На ногахъ не устоять!

Потому-ли что бо́льшей частью является къ намъ въ деревню „подъ хмелькомъ“ или просто онъ ужъ не могъ составить частушку вполнѣ по обычаю, но отъ него пѣсни были слышны всегда въ такомъ „вкусѣ“, т. е. двухстишныя.

Выше сказано, что стоитъ только отъ прилива чувствъ сложиться въ головѣ дѣвушки двухстишію, какъ ужъ она найдетъ что поставить вторымъ двухстишіемъ или, наоборотъ, подыскавъ второе, поставитъ его впереди, а сложившіеся въ головѣ два стиха—

Digitized by Google

въ конецъ. Такимъ образомъ, получается четверостишіе: изъ двухъ стиховъ, вылившихся изъ глубины души, и изъ другихъ двухъ сочиненныхъ по правиламъ современнаго народнаго стихосложенія.

Вотъ подобныя пѣсни:

Будетъ, рожь, тебѣ рости:
Время колоситься;
Полно, миленькій дружокъ,
На меня сердиться.

Или:

Въ небѣ ясно, въ небѣ красно,
Въ небѣ звѣздочка горитъ;
Не по прежнему мой миленькій
Со мною говоритъ.

Или:

Съ неба звѣздочка упала
Точно серебриночка;
Знаетъ Богъ и добры люди,
Что я сиротиночка!

Во всѣхъ трехъ, приведенныхъ мною пѣсняхъ чувство вылилось только въ послѣднихъ двухъ стихахъ, а первые служатъ лишь для пополненія пѣсни или; какъ выражаются сами „авторы", „для складу". Но бываетъ, что пѣсня выливается цѣликомъ въ четверостишіи. Таковыхъ-то больше всего въ собранныхъ мною пѣсняхъ.

Возвратившійся изъ службы солдатъ поетъ:

Пожилъ, пожилъ подъ неволей
Теперь вольный казачокъ:
Я у своей родимой маменьки—
Поѣлъ, да на бочекъ.

Кто стоялъ близко къ этому чувству солдата и видѣлъ, какое вліяніе производитъ эта пѣсня на послѣдняго,—тотъ найдетъ въ ней и смыслъ, и поэзію.

Гуляя по деревнѣ и проходя мимо своего дома, дѣвица благодаритъ въ пѣснѣ своего брата:

Спасибо брату моему:
Одежду ладитъ по уму—
По уму и разуму:
Гулять хожу наряжена!

Digitized by Google

Совсѣмъ другимъ тономъ высказывается по тому же поводу другая дѣвушка:

Сколько брату ни работай,
Ему домъ не наживешь;
Свою силушку положишь,—
Во чужи люди пойдешь!

Подчасъ эти пѣсенки и художественны. Напримѣръ, парень идетъ вечеромъ на посидѣлку и, залюбовавшись на вечернюю зарю, поетъ:

Ты играй, гармонь моя,
Сегодня тихая заря,—
Сегодня тихая заря:
Придетъ бѣляночка моя!

Его „бѣляночка", очевидно, также любитъ вечеръ „при тихой зарѣ".

Особеннымъ чувствомъ грустно проникнуты пѣсни такъ называемыхъ „воспитанниковъ" (№№ 232—258), которыми такъ богата Петербургская губернія. Кто не знаетъ слова „воспитанникъ",—на этотъ вопросъ лучше всего отвѣтитъ тому слѣдующая пѣсня:

Меня маменька родила,
На панельку бросила;
Добры люди подняли,
Въ казенный домикъ отдали.

Не завидна участь этихъ питомцевъ Воспитательнаго дома. Растутъ они среди вѣчныхъ попрековъ, упрековъ и насмѣшекъ. Каково, напримѣръ, ребенку слышать такую насмѣшку: „Эй, ты, выб....къ!.." или: „твоя матка въ Питерѣ въ кабакѣ бочки лижетъ, у порога валяется съ мужикомъ". А они, хоть и съ прискорбіемъ, но слушаютъ... ничего не подѣлаешь, приходится мириться и съ насмѣшками.

Продержавъ воспитанника до пяти-шести лѣтъ, крестьянинъ считаетъ невыгоднымъ держать его дальше у себя за маленькую плату, присылаемую изъ Воспитательнаго дома, и отвозитъ его въ мѣстный лазаретъ. Оттуда беретъ его другой крестьянинъ, благодаря-ли своей бездѣтности или по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ.

Digitized by Google

Не уживется почему-нибудь ребенокъ и здѣсь,—и его опять отвозятъ въ лазаретъ. Не находится больше мѣста въ своемъ округѣ,—воспитанника переводятъ въ другой уѣздъ. И такъ скитаются эти несчастные до двадцати-двухъ-лѣтняго возраста, когда ихъ приписываютъ въ мѣщане и даютъ на руки паспортъ и полную свободу.

И у этихъ несчастныхъ и бѣдныхъ дѣтей есть своя поэзія, въ которой они поютъ о своемъ несчастіи и горѣ. Есть, впрочемъ, и радостныя черты. Такова—ихъ память о матери.

Скоро мнѣ—дивчонкѣ воля:
Вольной паспортъ получу,—
Я къ своей родимой маменькѣ
На крыльяхъ полечу!

О какой „маменькѣ" поетъ здѣсь воспитанница?—Конечно о той, которая ее „бросила на панель", которая, можетъ быть, умерла давно или живетъ „знатной барыней" и никогда не приметъ своей дочери, потому что ей не позволитъ ложный стыдъ, потому что прежній „грѣшокъ" всплыветъ на чистую воду.

Но такъ какъ этого нельзя сдѣлать, то воспитанники и не стремятся искать свою „родимую маменьку". Они знаютъ, что, если при отдачѣ въ Воспитательный домъ, мать не „призналась", то ее никогда и не отыщешь; развѣ только сама захочетъ розыскать „свое дитятко",—это возможно. Такъ что стремленіе къ „родимой маменькѣ", въ вышеприведенной пѣснѣ, остается только „въ мечтахъ".

Пѣсни „казенныхъ дѣтей" (такъ называютъ ихъ въ деревнѣ), поются обыкновенно особымъ мотивомъ—гораздо болѣе протяжнымъ, по сравненію съ обычнымъ мотивомъ частушки. Этотъ протяжный напѣвъ вообще господствуетъ въ Лужскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ.—Замѣчательно также, что здѣсь почти не знаютъ „романсовъ". Напротивъ, въ губерніяхъ Московской, Тверской и Ярославской очень часто слышатся: „Закинувъ плащъ", „Тройка почтовая", „Бродяга" и другіе романсы. (Въ скобкахъ замѣтимъ, что „Чудный мѣсяцъ", „Разлука", „Безумная", „Мой костеръ", господствовавшіе среди народа лѣтъ десять подрядъ, уже порядкомъ понадоѣли и больше не поются какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ).

Digitized by Google

Въ губерніяхъ Новгородской и Петербургской (гдѣ романсы почти неизвѣстны) въ послѣднее время можно иногда слышать, что одну пѣсню поютъ „по-луцки", а другую „по-псковскому",— то-есть одинъ стихъ поется протяжно, причемъ пѣвецъ принимаетъ на лицѣ грустное выраженіе и пѣсню подбираетъ съ подходящимъ смысломъ, а другую—„повеселѣе" и почаще. Точно также играетъ и гармонистъ.

Въ губерніяхъ Петербургской, Новгородской и Псковской (гдѣ еще не дошли въ отношеніи „цивилизаціи" до Московской и нѣкоторыхъ другихъ губерній) молодежь вообще предпочитаетъ частушку „романсамъ".

Мнѣ приходилось въ упомянутыхъ губерніяхъ наблюдать на деревенскихъ гуляньяхъ и посидѣлкахъ такую картину: какой-нибудь пріѣхавшій на побывку „петербуржецъ" запѣвалъ романсъ, съ очевиднымъ разсчетомъ блеснуть своимъ пѣніемъ „по-городскому" среди деревенщины. Но при первомъ же куплетѣ его перебиваетъ „тальянка", за ней полилось нѣсколько голосовъ, запѣвшихъ частушку,—и „петербуржецъ" долженъ умолкнуть.

Правда, здѣшніе старики и вообще пожилые люди любятъ слушать городскіе романсы. Иногда, подъ окномъ какого-нибудь дома въ деревнѣ пріѣзжій изъ города заиграетъ на гитарѣ и запоетъ романсъ. Соберется народъ и слушаетъ. Старики слушаютъ съ удовольствіемъ до конца, соблюдая тишину и выражая на лицѣ свое удовольствіе улыбками, хотя бы и были сами въ молодости поклонниками деревенской пѣсни. По окончаніи романса, они просятъ повторить или спѣть другой романсъ. Напротивъ, молодежь и тутъ невнимательна, разговариваетъ, даже смѣется надъ пожилыми, что тѣ такъ увлекаются „городскими пѣснями" и гитарой. Зато стоитъ только послышаться гдѣ-нибудь „тальянкѣ", какъ молодежь бросается къ ней, оставивъ гитариста старикамъ.

Печатаемыя ниже частушки записаны мною въ губерніяхъ: Петербургской, Новгородской, Московской, Тверской и Ярославской. Главная масса пѣсенъ записана въ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, въ селѣ Новомъ на Волгѣ. Отмѣтить ихъ по мѣсту записи мнѣ не удалось въ свое время; но и въ такомъ видѣ онѣ будутъ ярко иллюстрировать ту картину и то настрое-

Digitized by Google

ніе современной деревни, которыя я пытался охарактеризовать въ своемъ краткомъ очеркѣ.

II.

1.

Боронила я на парѣ,
А мой милый на одной;
Укажи, милый, полоску,
Я проѣду разъ, другой.

2.

Я коси́ла, ко́сила,
Косеночку забросила,
Косеночку подъ елочку,
Сама пошла къ миленочку.

3.

Я косила у пруда,
Не даетъ косить вода;
Платочкомъ бѣленькимъ махала,—
Поди, миленькій, сюда.

4.

Шла я по тропиночкѣ,
Рвала я по травиночкѣ;
Вянетъ, вянетъ алый цвѣтъ,
Мому засухѣ счастья нѣтъ.

5.

Я работала, потѣла,
Заслужить брату хотѣла;
А теперя это что!..
Моя работа ни во что.

6.

Какая я была гулёна,
Какая я отчаянна;
Меня съ милымъ разлучили,
Я того не чаяла.

7.

Золото́ мое колечко
Навсегда какъ жаръ горитъ;
О хорошенькомъ засухѣ
Навсегда сердце болитъ.

8.

Сѣлъ засуха на колѣни,
Началъ уговаривать,
А я плюнула, сказала:
На кой чортъ обманывать!

9.

Ты женись, бери другую,
Меня этимъ не доймешь;
Я одинъ денекъ поплачу,
А ты навѣкъ пропадешь!

10.

Я у батюшки, у матушки,
Какъ розочка цвѣла,
Въ люди вышла позавяла,
Что не кошена трава.

11.

Я отъ маменьки осталась
Семь годочковъ маленька,
По чужимъ людямъ скиталась
Дѣвочка удаленька.

12.

Дайте зеркальце взглянуться;
Чѣмъ же я не хороша?
Въ лицѣ красочки довольно,
Только ростомъ небольша.

13.

Я сидѣла у окошка,
Косу русую плела;
Я молоденька дѣвчоночка
Во славѣ выросла.

14.

Дорога моя подружка,
Бѣленькая дѣвочка,
На меня люди напали,
Заступись маленечко.

Digitized by Google

15.

Машина къ Питеру приводитъ
И свисточекъ подаетъ,
Мой другъ съ машиночки соходитъ,
Праву ручку подаетъ.

16.

Дорога подружка Маша,
Куда жъ дѣвалась дружба наша?
На рѣкѣ, на рѣченькѣ,
На ретивомъ сердеченькѣ.

17.

Дорогой мой ягодинка
Любитъ пиво и вино;
Черезъ пиво и вино
Пропадаетъ навсегда.

18.

Я сидѣла во дому,
Чесала буйну голову,
Вплела ленточку шелковую,
Гребенку золоту.

19.

Никого я не виню,
Сама я виноватая,
Что привадила къ себѣ
Мальчишка небогатаго.

20.

Дорога моя подружка,
Дорогая Лиденька,
Со мной гуляетъ ягодинка,
Краснощекій Ѳеденька.

21.

Послѣдній день красы моей;
Пускай сестра красуется,
Пускай сестра красуется,
Красой интересуется.

22.

Полсапожечки пропали,
Завтра сяду починю;
Родитель новыя не купитъ—
На работу не пойду.

23.

Я курилъ, курилъ махорочку,
Теперь простой табакъ;
Я любилъ, любилъ дѣвчепочку,
Теперь гуляю такъ.

24.

Лешка лошадь запрягаетъ,
Вѣрка возжи подаетъ;
Лешка Вѣрку поцѣлуетъ
Она козыремъ пойдетъ.

25.

Подъ окошкомъ стоялъ дубъ—
Листочки на землю падутъ;
Чустъ, чуетъ мое сердце,
Весной замужъ отдадутъ.

26.

Меня мать веревкой била
И еще хотѣла бить;
Она била-говорила:
Брось ты милаго любить.

27.

Сколько батькѣ ни работай,
Ему домъ не наживешь;
Свою силушку положишь,
Во чужи люди пойдешь.

28.

Намъ не въ старости садиться,
Намъ не чести наживать;
Намъ не попечи жениться,
Намъ не дѣвокъ выбирать.

Digitized by Google

29.

Не пиши, засуха, писемъ,
Не теряй напрасно словъ,
Я давно тебѣ сказала,
Что прикончена любовь.

30.

По своей широкой улицѣ
Иду послѣдній разъ.
На тебя, моя красавица,
Гляжу остатній разъ.

31.

Сыграй-ко, миленькій, въ гармоночку,
Я пѣсенку спою,
Свое я горюшко развѣю,
И тебя развеселю.

32.

Скоро, скоро снѣгъ сойдетъ,
По нашей рѣчкѣ ледъ пойдетъ;
Сяду я на льдиночку,
Спровѣдаю кровиночку.

33.

Что-жъ ты, аленькій цвѣточекъ,
На окошкѣ не цвѣтешь?
Чтожъ ты, миленькій дружочекъ,
Мимо ходишь не зайдешь?

34.

Пробудись-ко ты, бѣляночка,
Отъ крѣпкаго отъ сна,
Рызыгралася тальяночка,
Навѣрно для тебя.

35.

Тятька померъ, мамка вдовка,
Сынъ отчаянна головка,
Прожилъ все имѣньице,
Потомъ на поселеньице.

36.

Раскачу катушку нитокъ
По зеленому лужку;
Разскажу свою досаду
Свому милому дружку.

37.

Я платочекъ полоскала,
На березу вѣшала;
Я засуху не любила,
Разговоромъ тѣшила.

38.

Я платочекъ вышивала,
Слезы капали на грудь—
Милый въ городѣ гуляетъ,
Веселитъ кого нибудь.

39.

Давай, милый, цѣловаться,
Теперь некого бояться;
Тятька въ лѣсѣ, мамка спитъ,
Братъ на посѣдкахъ сидитъ.

40.

Полно, маменька родная,
Безовременно тужить;
Знать судьба моя такая,
Царю бѣлому служить.

41.

Сядь-ко, сядь-ко со мной рядомъ,
Землянинченка моя,
Потерпи горя немного,
Черезъ годъ будешь моя.

42.

Голубые твои глазки
Изсушили меня съ пасхи,
Съ пасхи съ воскресеньица,
Съ весенняго сидѣньица.

Digitized by Google

43.

Мнѣ не вся слободка мила,
Одна половинка;
Гдѣ разбитое окошко,
Тамъ живетъ кровинка.

44.

Ты любовь, моя любовь,
Съ тобою не разстанешься;
Чрезъ тебя, моя любовь.
Въ дѣвицахъ останешься.

45.

Мой миленькій на заводѣ,
При работѣ часовой;
Свистокъ воетъ, сердце стонетъ,
Отъ любови дорогой.

46.

Не ругайте меня дома,
Меня не зачто ругать;
Мое дѣло молодое,
Мнѣ охота погулять.

47.

Я бывало распѣвала,
Распѣвать хотѣлося,
А теперя это что,
Куда охота дѣлася.

48.

Я бывало распѣвала,
Что во полѣ соловей,
А теперя упоймали,
Нѣту волюшки моей.

49.

Пожилъ, пожилъ по неволѣ,
Теперь вольный казачокъ,
У своей родимой маменьки
Поѣлъ да на бочекъ.

50.

Меня сватали сватье,
Въ богатое мѣсто;
Отецъ съ матерью сказали:
Молода невѣста.

51.

Я полоску дожинала,
На пятинѣ [1]) плакала;
На лихую на свекровку
Дѣломъ не потрафила.

52.

Поразъѣдемся, мой миленькій,
На цѣло лѣто врозь;
Я тебѣ буду наказывать,—
Пожалуйста не брось.

53.

Не чужа деревня сушитъ,
Не чужая сторона,
Изсушила меня дѣвочку
Проклятая гульба.

54.

Меня дома бьютъ, ругаютъ,
Велятъ съ богатымъ знаться,
А я съ милымъ дружкомъ
Не могу разстаться.

55.

Меня маменька ласкала,
На бесѣду не пускала—
Дочка, избалуешься,
Съ засухой поцѣлуешься.

56.

Распремилая работушка
На парѣ бороновать—
Услышу бубенъ и тальянку;
Рада голову сломать.

---

[1]) Пять сноповъ, сложен. вмѣстѣ.

Digitized by Google

57.

Трудно, трудно зажинаться
На широкой полосѣ,
Еще труднѣе разставаться,
Когда засуха по душѣ.

58.

Я поѣду къ тому дому,
Къ распроклятому пріему;
Распрошу я у него,
Зачѣмъ взялъ брата моего.

59.

Сяду, сяду на машину,
Обойму головушку;
Ты вези, вези, машина,
На чужу сторонушку.

60.

Прощайте, елочки, сосепочки,
Весь И—скій приходъ,
Прощайте красныя дѣвченочки—
Сажусь на пароходъ.

61.

Не тужите, дѣвки, бабы,
Я нигдѣ не пропаду,
Я читать, писать умѣю,
Въ офицеры попаду.

62.

Погуляйте-ко, рекрутики,
Не долго вамъ гулять,
За недѣлю до Николы
Васъ угонятъ на войну.

63.

Открой, маменька, окошко,
Голова моя болитъ;—
Врешь ты, дерзкая плутовка,
Подъ окошкомъ «онъ» стоитъ.

64.

Чернобровенькій мальчишка,
Завлекательный какой,
Ты завлекъ меня, дѣвчонку,
Своей нѣжной красотой.

65.

Не пойду въ такую семью,
Гдѣ двѣнадцать безъ меня,
А пойду въ такую семью,
Гдѣ большухой буду я.

66.

Ставь, мамаша, самоваръ,
Дай-ко мнѣ почваниться;
Выйду замужъ въ большу семью,
Чашка не достанется.

67.

Не садись! я не желаю!
Не прошу, что посиди,
А не то нашей деревней,
Нашимъ полемъ не ходи!

68.

Пойдешь, миленькій, въ солдаты—
Счастливый тебѣ путь.
Сошью бѣлую рубашку;
Ты меня не позабудь.

69.

Разведу, я разведу
Семнадцати-борбовую [1])
Полюблю, я полюблю
Дѣвченку чернобровую.

70.

Не качайте, дѣвки, древо,
Виноградъ весь упадетъ;
Не ходите, дѣвки, замужъ,
Все гулянье пропадетъ.

---

[1]) Гармонику съ 17 борами.

Digitized by Google

71.

Ты, родимая мамашенька,
Въ могилу не ложись,
Ты сама про это знаешь—
Сиротамъ какая жизнь.

72.

Платочекъ шиты краешки
Попался не забавушкѣ,
Попался злому человѣку;
Проболитъ душа до вѣку.

73.

Я любила поработать,
За лединкой [1]) боронить;
Не придетъ ли ягодиночка
Со мной поговорить?

74.

Дорога моя подружка,
Тебѣ я радость разскажу:
Твоево ягодку видала,
Онъ сказалъ, что посижу.

75.

Ты, забава, не форси,
Скоро профорсишься:
Никто замужъ не пойдетъ,
Со мною помиришься.

76.

Чужа дальняя сторонушка
Безъ дождя повымочить,
Чужа дальняя сторонушка
Безъ вѣтру высушить.

77.

Я пѣсни пѣть не мастерица—
Заставляетъ дорогой.
Онъ предо мной стоитъ, играетъ,
Проситъ: милая, попой.

78.

Стоитъ роза на комодѣ—
Сердце взаперти мое;
Его никто открыть не можетъ,
Кромѣ дружка моего.
Кого люблю оно не знаетъ,
Можетъ быть, не будетъ знать;
Замираетъ мое сердце,
Не могу ему сказать

79.

У забавы новый домъ,
Мнѣ не живать, дѣвчонкѣ, въ немъ.
Надо маменькѣ сказать,
Что уважать не будетъ зять.

80.

Я съ гуляньица ишла,
Поздно спохватилася:
Своево дружка не узнала;
Со счастьицемъ простилася.

81.

Вотъ спасибо, милая,
Что изъ пріему вывела,
Ключевой водой умыла,
Пинжачекъ накинула.

82.

Звѣздочка небесная,
Дѣвчоночка прелестная,
Ты прельстила молодца
Лучше матери, отца.

83.

Всѣхъ заволжскихъ дѣвчонокъ
Издали можно узнать:
По ремню по красному,
По подолу грязному.

---

[1]) За рощей.

Digitized by Google

84.

Отъ Осиновскихъ воротъ
Идетъ порядочный народъ,
Новинскимъ прогончикомъ—
Тальянка съ колокольчикомъ.

85.

Говорятъ платки—разлука.
У мово засухи два;
Меня съ милымъ разлучаютъ
Что чужая сторона.

86.

Плыветъ уточка по морю
И по самому по дну;
Отдадутъ Васю въ солдаты
И угонятъ на войну.

87.

Не пойду на тотъ колодецъ,
Гдѣ холодная вода;
Отдадутъ дружка въ солдаты,
Я останусь одна.

88.

Какъ у Митина двора
Золотыя ямки;
Не пройдетъ и не проѣдетъ
Митя безъ тальянки.

89.

Сколько звѣздочекъ на небѣ,
Полуночной звѣзды нѣтъ;
Сколько парней ни гуляетъ—
Дорогого по мнѣ нѣтъ.

90.

Какъ у Колина двора
Большая роза расцвѣла;
Одинъ цвѣточекъ позавялъ—
Коля съ Дунькой постоялъ.

91.

Я хотѣла пофорсить
Бѣло платье поносить,
Но мой милый очень простъ
Наступилъ на длинный хвостъ.

92.

Какъ во Савиной деревнѣ
Посерёдкѣ стоитъ лѣсъ,
А всѣхъ Савинскихъ дѣвчонокъ
Посадили подъ арестъ.

93.

Милый мой, я твоя,
Слушай дѣвочку меня;
Ты не слушай тѣхъ рѣчей:
Моихъ подружекъ богачей.

94.

Полно, миленькій, смѣяться;
Да накажетъ тебя Богъ:
Я умру—придешь поплачешь
У холодныхъ моихъ ногъ.

95.

Перестанете-ль, подружки,
Меня засухой упрекать;
Раньше я его любила—
А теперя наплевать.

96.

Ваня въ бѣленькой рубашкѣ—
По рубашкѣ ремешокъ;
Ваня бѣленькій хорошенькій,
Онъ Настинъ женишекъ.

97.

Завтра Ваня женится—
Куда же Настя дѣнется?—
На шею камушекъ повѣситъ
Въ Шошу рѣку бросится.

Digitized by Google

98.

У насъ Мишеньки не стало,
Пересталъ огонь горѣть —
Не перестанетъ мое сердце
Объ залеточкѣ болѣть.

99,

Въ долинѣ горитъ лѣсъ—
Коля на гору полѣзъ,
Тросткой упирается,
Со мною не прощается.

100.

Мой платочекъ очень бѣлъ,
Далече съ милымъ улетѣлъ:
За Москву четыре ста —
Мнѣ безъ милаго тоска.

101.

На крыльцѣ Настя стояла —
Все у мѣдной скобочки,
Проливала горьки слезы
О засухѣ Ленечкѣ.

102.

Охъ, хо-хо-хохонюшки,
Не отдамъ колечко Ленюшкѣ—
Отдамъ колечко золотить,
Чтобы назадъ не воротить!

103.

Сидѣлъ залетка на возу,
Кричалъ: колечко увезу;
А я тужила плакала —
Отдай мое тумпаково.

104.

Не ходи, милый, въ болото:
По колѣнъ увязнешь —
Ты скажи же ради Бога:
Любишь ли иль дразнишь.

105.

У миленочка въ избѣ
Огонечекъ свѣтится,
Мой миленочекъ на мнѣ
Черезъ годикъ женится.

106.

У миленка кудри вьются
И зачесаны назадъ,
На моего миленькаго Васиньку
Со всѣхъ сторонъ глядятъ.

107.

Какъ у Вани кудри вьются,
Пускай завиваются;
Какъ объ Ванѣ Варя плачетъ,
Пускай заливается.

108.

Слобода, ты, слобода,
У васъ холодная вода;
Берега отлогіе,
Ребята кривоногіе.

109.

Ну пускай же небо ясно
И пускай оно горитъ:
У насъ въ деревнѣ дѣвокъ много,
Объ одной сердце болитъ.

110.

Болитъ сердце подъ грудямъ,
Не скажу добрымъ людямъ;
Скажу подружкѣ Манечкѣ:
Болитъ сердце объ Ваничкѣ.

111.

Болитъ сердце, болитъ грудь,
Пожалѣлъ бы кто-нибудь:
Жалѣетъ тятенька и маменька —
Еще бы кто-нибудь.

Digitized by Google

112.

Насъ у тятеньки не десять
И у маменьки не пять.
Стыдно, стыдно тебѣ, маменька,
За немилаго отдать.

113.

У насъ тятенька благой [1]),
Не любитъ славушки худой:
Чуть маленько веселенько—
Приходи, дочка, домой.

114.

На тарелочкѣ двѣ вилочки,
Кусочекъ пирожка;
Двѣ бутылочки наливочки,
Для милаго дружка.

115.

На столѣ стоитъ бутылка
Винограднаго вина,
У двора стоитъ засуха,
Дожидается меня.

116.

Черезъ плечи все сползаетъ
Моя русая коса,
Со мной милый не гуляетъ:
Его подлая душа.

117.

Я надѣну бѣло платье,
Съ бѣло-розовой каймой;
Я люблю Смирнова Колю,
Онъ ухаживатъ за мной.

118.

Я на бѣленькомъ платочкѣ
Замарала бѣлой кругъ;
Почему жъ милый не любитъ?—
Отъ проклятыихъ подругъ.

119.

Подымися буйный вѣтеръ,
Поломай на Волгѣ ледъ,
Чтобы заволжскіимъ ребятамъ
Перервался сюда ходъ.

120.

Какъ по Шошѣ, по ледку,
Поѣхалъ миленькій къ вѣнцу;
Мнѣ и стыдно, мнѣ и жаль,
Я кричала: поѣзжай.
Оттуда съ берега кричатъ:
«Не будетъ попъ тебя вѣнчать».

121.

Мимо Ванина двора
Пролетѣла галка.
Ваня матери сказалъ:
Мнѣ засуху жалко.

122.

Какъ у Костина двора
Желтенькій песочекъ,
А у Костиной тальянки
Звонкій голосочекъ.

123.

Какъ у Костиной тальянки
Залегаетъ одинъ басъ,
А у Мишкиной засухи
Забѣгаетъ правый глазъ.

124.

Какъ во нашей во деревнѣ
По середкѣ стоитъ дубъ,
А у нашихъ у ребятъ
На троихъ одинъ тулупъ.

---

[1]) Т. е. блажитъ.

Digitized by Google

125.

Отъ Завидова, села,
Летѣли двѣ косыночки,
Повышитые кончики—
Отъ милаго поклончики.

126.

Я на парѣ борновала,
Я Егорку увидала;
Я оставлю борновать,
Пойду съ Егоркой баловать.

127.

Не видала, какъ завился
Въ огородѣ кочешокъ;
Не слыхала, какъ женился
Мой хорошенькій дружокъ.

128.

У цвѣтка бѣла рубашка
Вся заканана винцомъ;
Сколько съ нимъ я ни гуляю,
Не бывать мнѣ подъ вѣнцомъ.

129.

Мимо нашихъ перилъ
Цвѣтокъ дорожку проторилъ,
Не лошадкой ѣдучи,
А къ дѣвчонкѣ ходючи.

130.

Лучше ты бы, мой хорошенькій,
Любить не начиналъ,
Моему бѣдному сердечушку
Досады не давалъ.

131.

Наломаю я сирени,
Насажаю подъ окномъ,
Чтобъ ходилъ ко мнѣ почаще
Мой миленокъ дорогой.

132.

Сама писать я не умѣю,
Письма читать я не могу
Въ любви признаться я не смѣю
И отказаться не хочу.

133.

Вы не лайте-ко, собаки,
Вы не лайте, кобели,
Моего дружочка милого,
Въ солдаты повели.

134.

За кого пойду въ солдаты,
За кого буду служить?
Я за братушка въ солдатушки
Охотушкой пойду,
А за родимую сторонушку
Горячу кровь пролью.

135.

Не брани-кось, родная маменька,
За волюшку меня,
Неравно уѣду въ городъ,
Наживешься безъ меня.

136.

Пеки, мамаша, пироги,
Послѣдній годъ побереги,
Постели постелюшку
Послѣднюю недѣлюшку.

137.

Намъ недолго, молодцамъ,
Ходить по батькинымъ крыльцамъ,
По новенькимъ по сѣнечкамъ,
По частенькимъ ступенечкамъ;
Намъ назначено въ солдатчину
Во нынѣшнемъ году.
Во пріемъ насъ поведутъ,
У насъ и ножки не пойдутъ.

Digitized by Google

138.

Что жъ, тальянка, не играешь?
Или тону въ тебѣ нѣтъ?
Что жъ, милашка, не выходишь?
Или дома тебѣ нѣтъ?

139.

Мой миленькій въ Питерѣ,
Его ребята видѣли:
Сидѣлъ за круглымъ столомъ,
Двѣ сударушки при немъ.

140.

Женятъ, женятъ насъ молодчиковъ
Во нынѣшномъ году,
Какъ дадутъ намъ по невѣстѣ,
По казенному ружью.

141.

Я на личко некрасива,
Весела сама собой,
Развеселая дѣвчоночка,—
Милъ гонится за мной.

142.

Я поѣду въ городъ Питеръ
На Литейный, большой мостъ,
Увижу милаго въ шинели:
Тамъ прольется много слезъ.

143.

Сдали милаго въ солдаты
На четыре годика;
Я осталася гулять,
Дѣвчоночка молоденька.

144.

Вышелъ милый изъ пріема,
Вся обрита голова
Здравствуй, милая, хорошая,
Узнала ли меня?

145.

Вы, солдатушки, не люди,
Васъ и дѣвушки не любятъ;
Послуживши годовъ шесть,
Назовутъ васъ кисла шерсть.

146.

Братъ на брата поглядѣли,
Покачали головой;
Братъ, пропали, братъ, пропали
Наши головы съ тобой.

147.

Насъ и бреютъ—не жалѣютъ,
И стригутъ—не берегутъ;
Во пріемѣ, говорятъ,
О дѣвкахъ думать не велятъ.

148.

Поразсохлися ведерочки,
Повысохла вода;
Вотъ какъ нашимъ то ребятамъ,
Ходу нѣту никуда.

149.

Что хотите говорите,
А по вашему не быть,
Что по вашему не быть,
Не брошу милаго любить.

150.

Неужели это будетъ
Все во нынѣшнемъ году—
Золотой вѣнецъ надѣнутъ
На головушку мою.

151.

Милый мой, моя отрада,
Я серчаю на тебя,
Жизни я своей не рада,
Что влюбилася въ тебя.

Digitized by Google

152.

Сколько лѣтъ ходилъ по баркамъ,
Любилъ нѣмку да гитарку,
Нѣмочку, татарочку,
Горничку, кухарочку.

153.

Ставь-ко, мамка, самоваръ,
Золотыя чашки;
Приведу къ себѣ дружка
Въ шерстяной рубашкѣ.

154.

Ты не шей, мамаша, платья
Въ голубую полосу,
Не отдавай далече замужъ,
Не услышишь голосу.

155.

Пеки, мамаша, пироги,
Послѣдній годъ побереги,
Дай поспать, понѣжиться,
Погулять, потѣшиться.

156.

Милашка, ягодка лѣсная,
Я цвѣточекъ полевой,
Отъ солдатчины останусь,
Не разстанусь я съ тобой.

157.

На машинушку садился,
Точно голубь возвился;
Я съ мамашенькой простился
И слезами залился.

158.

Ахъ симпатія, симпатія,
Накажетъ тебя Богъ,
Онъ за то тебя накажетъ,
За невѣрную любовь.

159.

Полиняй бардовый [1]) фартукъ,
Я малиновый куплю;
Разбранись со мной засуха,
Я другого полюблю.

160.

Я плясала топала,
Полюбила сокола,
Что такого сокола,
Статнаго высокаго.

161.

Не судите дѣвки, бабы,
Не судите ихну честь;
Отольются горьки слезы.
У кого дочери есть.

162.

Не страдайте, дѣвки, дюже,
Придетъ время дадутъ мужа,
Смѣлаго, отпѣтаго,
Разутаго, раздѣтаго.

163.

Меня тоненьку, молоденьку,
Поставятъ подъ вѣнецъ,
А мнѣ тоненькой, молоденькой
Всего семнадцать лѣтъ.

164.

Поѣдешь, миленькій, во путь,
Меня, дѣвчонку, не забудь,
Сядешь въ городѣ за чай,
За каждой чашкой вспоминай.

165.

Ты не смѣйся, побѣдитель
Горькой участи моей;
Ты допрежде былъ засухой,
А теперича злодѣй.

---

[1]) Т.-е. цвѣта бордо.

Digitized by Google

166.

Обезчестили головушку
Кудрявую мою;
Сняли русые кудерушки
Въ пріемнымъ дому.

167.

Давай, миленькій, помолимся
На церковь, на соборъ;
Придетъ времячко такое,
Обвѣнчаютъ насъ съ тобой.

168.

Ни за очередь забрили,
Ни за мать, ни за отца,
А забрили молодца
Меня за брата подлеца.

169.

Даютъ тятенька и маменька
Икону цѣловать,
Я заплакала, сказала:
Дайте годикъ погулять.

170.

Моя подружка Машенька
Теперь стала монашенка,
Въ черномъ одѣяньицѣ,
Не ходитъ на гуляньице.

171.

Не ходите дѣвки замужъ,
Не хвалите бабью жизнь;
Худой мужъ навяжется,
Долгій вѣкъ покажется.

172.

Не ходите, дѣвки, замужъ
Не за милаго дружка;
Лучше съ камнемъ утопиться
Съ крутого бережка.

173.

Отъ любови помираю,
Сколотите черный гробъ,
На гробѣ надпись напишите:
Померла черезъ любовь.

174.

Повертися, веретенце,
На зеленомъ фартучкѣ;
Мой хорошенькій живетъ
На богатой фабричкѣ.

175.

Полно, полно любовь маять,
Разставаться намъ пора;
Ты своимъ веселымъ взглядомъ
Сушишь дѣвочку меня.

176.

Шла я полемъ полосамъ,
Тальянка—разнымъ голосамъ;
Я по тальянкѣ смѣтила,
Пошла миленка встрѣтила.

177.

Охъ, сяду, сяду на машину,
Сяду задомъ напередъ,
Запою про горе пѣсенку,
Заплачетъ весь народъ.

178.

Сегодня ноченька темна,
Я не пойду домой одна:
Найду я провожатаго,
Съ тальянкой неженатаго.

179.

Меня родители ругаютъ,
Что я съ воспитаникомъ [1]) гуляю,
Велятъ гулять мнѣ со своей,
Я не имѣю любви къ ней.

---

[1]) Кажется, нужно читать съ „воспитанкой.

Digitized by Google

180.

Не завидуйте, подружки,
Моей парѣ голубой;
Цыганка на руку гадала,
Покачала головой.

181.

Скоро, скоро обвѣнчаютъ,
Кругъ налоя обведутъ;
Колечко на руку надѣнутъ,
Чернобровую дадутъ.

182.

Симпатичная моя,
Хотѣлъ посватать я тебя;
Тебя хаяла, расхаяла
Подруженька твоя.

183.

Ты, милашечка, не глупа,
Ты сама должна понять:
Безо льготушки записанъ,
Меня нечѣмъ браковать.

184.

Ты, милашка—бѣлый свѣтъ,
А я—темна ночка
Изсушила, сокрушила
Меня паренечка.

185.

Я дѣвчоночка пропала,
Моя бѣдна голова,
Поучить некому стало
Бѣдну дѣвочку меня.

186.

Цвѣти, мой милый, какъ цвѣточекъ,
И цвѣти не отцвѣтай!
Въ какомъ краю ты ни витайся,
Про меня не забывай.

187.

Мнѣ купили, я носила
Платьице атласное;
Про меня люди сложили
Славушку несчастную.

188.

Ужъ ты, братецъ дорогой,
Ты не знаешь, что со мной:
На сердечкѣ на моемъ
Вода холодная со льдомъ,
Она не таетъ не бѣжитъ,
А на сердечкѣ все лежитъ.

189.

Я довольно походила
По росѣ, по травушкѣ;
Я довольно потерпѣла
Понапрасной славушки.

190.

Встану, встану на ограду,
Посмотрю на черный гробъ;
Рано, рано родной батюшка
Во сырую землю легъ.

191.

Что, родимые, глядите,
Дѣвочку не учите:
Въ чужи люди отпустили—
Добра не получите.

192.

Ты, казеночка, казеночка,
Зеленое винцо,
Ты подкрашиваешь миленочку
Кругло-бѣлое лицо.

Digitized by Google

193.

Изъ-за лѣсу тучки ходятъ,
Потихоньку громъ гремитъ;
Мово засуху дѣвки любятъ,
У меня сердце болитъ.

194.

Какъ на томъ концѣ деревни
Колокольчики гремятъ,
Потому они гремятъ,
Меня на тотъ конецъ манятъ.

195.

На подружечку на Машу
Понадѣяться нельзя;
Она миленочка отбила,
Ввела въ горюшко меня.

196.

Пойдемте, дѣвушки, купаться,
Я васъ плавать научу,
Котора плавать не умѣетъ,
Ту на лодкѣ прокачу.

197.

Мишка Созинъ ножикъ точитъ,
Онъ Мѣшкова рѣзать хочетъ;
Не рѣжь ты милаго мово:
Тебя угонятъ за него.

198.

Что сказали про меня,
Что семерыхъ зарѣзалъ я,
А рѣзать ихъ не рѣзалъ,
Только ножикъ показалъ.

199.

Родители дали волю,
Теперь стали унимать—
Опустили камень въ воду,
Тяжело его достать.

200.

Павлюково, Чудаково
На прекрасномъ мѣстѣ;
Дѣвки жали, воровали
Съ ребятами вмѣстѣ.

201.

Сколько лѣсу ни рубила,
Крѣпче дуба не нашла;
Сколько парней ни любила,
Лучше Коли не нашла.

202.

Какъ во Савино ходить—
Много изгородокъ,
А ребятъ ихнихъ любить—
Много разговоровъ.

203.

Милъ идетъ и поетъ
Это—зорька моя;
Милъ за ручку беретъ
И цѣлуетъ меня.

204.

Дайте, дайте погулять,
Дайте мнѣ повольничать,
Скоро, скоро мнѣ надѣнутъ
Розовый повойничекъ.

205.

Какъ бы не было погоды—
Не напалъ бы снѣгъ;
Какъ бы не было засухи,
Не пошла бы туда вѣкъ.

206.

Двѣ недѣли, не четыре,
Какъ-нибудь промаюся;
Въ воскресенье вечеркомъ
Съ засухой увидаюся.

Digitized by Google

207.

Митя, Митя, я страдаю,
Митя родной, по тебѣ,
Свое сердце надрываю—
Ты не вспомнишь обо мнѣ.

208.

Закатилось красно солнышко
За дядинъ за сарай;
Обознался мой любезный,
Сестру любушкой назвалъ.

209.

Позаблекшая травиночка
Не можетъ разрастись—
Избалована дѣвчоночка
Не можетъ честь вести.

210.

Ты, милашечка моя,
Сердце—камень у тебя;
Сердце—камень у тебя,
Сидишь не взглянешь на меня.

211.

Неужели позавянешь,
Травушка шелковая,
Неужели замужъ выйдешь,
Дура безтолковая?

212.

Гуляй, дочка, до полночки,
Я сама така была;
Я сама така была,
До полночи гуляла.

213.

Ты играй, гармонь моя,
Сегодня тихая заря,
Сегодня тихая заря,
Придетъ бѣляночка моя.

214.

Изгородку городила,
Колье первивала;
Лѣтомъ къ милому ходила,
Зимой забывала.

215.

Соловей кукушку сваталъ,
Птички разбивали:
Не ходи, кукушка, замужъ,
Соловей обманыватъ.

216.

Какъ у Новинскихъ робятъ
По тальяночки въ рукахъ;
Углы позолочены —
Оброки не плочены.

217.

Гулять больше я не буду,
Покупайте черный гробъ,
И на крышкѣ напишите:
Померла черезъ любовь.

218.

Подъ вѣнцомъ Катя стояла,
Не могла свѣчу держать,
Въ головѣ она держала:
Скорѣй бросили-бъ вѣнчать.

219.

Съ неба звѣздочка упала,
Другая выше поднялась;
Поля бѣлая, румяная,
Въ кухарки нанялась.

220.

Мы гуляли по ночамъ,
Не уважали богачамъ;
Я такому богачу
На бокъ морду сворочу.

Digitized by Google

221.

За деревнею дорожка
Вся согнулася дугой;
Вижу милаго съ тальянкой
И въ рубашкѣ голубой.

222.

У меня засуха есть
За двѣнадцать верстъ, не здѣсь;
За пятымъ полюшкомъ
Не знаетъ мово горюшка.

223.

Зачѣмъ, милая, манила,
Когда я тебѣ не милъ;
Красоту мою сгубила,
Даромъ лѣто проводилъ.

224.

Я думала, горя нѣтъ—
Горя прибавляется;
Я думала, милый любитъ,
А онъ удаляется.

225.

Все Вахонино изрою—
Одинъ домичекъ не трону,
Потому не трону я—
Живетъ милая моя.

226.

Вахонино красиво:
Посередкѣ два трактира,
Съ голубою крышею—
Придутъ къ намъ Ваня съ Мишею.

227.

Купи-ка, тятенька, на платье,
Хоть на бѣлое одно—
Не смѣялась бы Онуфрева,
Паршивое г...о.

228.

Въ полѣ камушекъ каленый,
У насъ Васенька хваленый:
Въ пятьдесятъ рублей часы
И домъ построенъ для красы.

229.

Раскололася тальяночка
На бѣлыимъ полу,
Что не быть Катюшки Ганиной
Въ Морозовомъ дому.

230.

Соловей, желанна пташка,
Научи меня летать:
Ни высоко, ни далеко,
Только-бъ ягодку видать.

231.

А я байню топила—
Байня валится;
Подожди, байня, валиться,
Дай попариться.

232[1]).

Меня маменька родила,
На панельку бросила;
Добры люди подняли,
Въ казенный домикъ отдали.

233.

Не дай, Господи, никому
Оставаться сиротой;
Напрасно славушку проложать—
Нѣтъ заступы никакой.

234.

Я хожу въ черненькомъ платьѣ,
Потому что сирота,
Слезы горькія катятся,
Потому что я одна.

---

[1]) Частушки 232—258—это пѣсни питомцевъ воспитательнаго дома, воспитывающихся въ деревняхъ Лужскаго и Петергофскаго у.у. С.-Петербургской губерніи и Старицкаго у. Новгородской губерніи.

Digitized by Google

235.

Что ты, дѣвочка, грустна,
Головушку повѣсила?
Знать на чужой сторонушкѣ
Жить тебѣ не весело.

236.

Ро́дна маменька моя,
Она не знаетъ про меня;
Въ морѣ волны легче блещутъ,
Чѣмъ сердечко у меня.

237.

Понасѣяна Росеюшка
Казенныимъ дѣтямъ,
Потолкаются сиротушки
По добрыимъ людямъ.

238.

Какъ завилися кудерушки
На моей головушкѣ;
Мнѣ пришлося потолкаться
По чужой сторонушкѣ.

239.

Недалече лѣсъ отъ ручья—
Виталась пташка по соснамъ,
Свила гнѣздышко подъ сосной,
Терпѣла горюшко во всемъ.

240.

Скоро дѣвочкѣ мнѣ воля,
Вольной паспортъ получу,
Я къ своей родимой маменькѣ
На крыльяхъ полечу.

241.

Пою я, дѣвочка, припѣвочки,
Пою я хорошо;
Люди думаютъ: отъ радости;—
Мнѣ—горюшко большо.

242.

Не оттого пѣсни пою,
Что хорошо да весело,
А оттого пѣсни пою—
Сироткѣ дѣлать нечего.

243.

Не ругай ты меня, дяденька,
Что хлѣба много ѣмъ,
Скоро въ городъ я уѣду,
Больше вамъ не надоѣмъ.

244.

Не браните вы меня,
Всю работу знаю я:
Жать, косить, коровъ доить,
Въ обѣ руки молотить.

245.

Болитъ сердце, болитъ грудь,
По мнѣ скучаетъ кто-нибудь,
Скучаетъ миленька моя,
Она не знаетъ про меня.

246.

У своей то родной маменьки
Поѣшь и полежишь,
У чужой то у хозяюшки.
Не ѣвши побѣжишь.

247.

Лучше въ камешкахъ валяться,
Въ чужи люди не хвататься,
Тамъ и голодъ, тамъ и холодъ,
И вовсе хлѣба не даютъ.

248.

Отъ работы грудь болитъ,
Сердечко поетъ, говоритъ:
Гдѣ то маменька моя
И что не знаетъ про меня,
Что не знаетъ про меня,
Какое горе у меня.

Digitized by Google

249.

Рано-рано спохватилась
Идти въ несчастную казну,
По сейчасъ свое сердечко
Успокоить не могу.

250.

Дайте ножикъ поострѣе.
Тошно сердцу моему,
Моя молодость проходитъ
Здѣсь въ казенномъ дому.

251.

Какъ бы узнали наши матки,
Гдѣ мы бѣдные ребятки,
Какъ бы знали-вѣдали,
Пришли бы насъ провѣдали.

252.

Не одна то, не одна
Въ полѣ берестиночка [1]);
Не одна, я не одна
Дѣвчонка сиротиночка.

253.

Я довольно походила
По росѣ по травушкѣ;
Я довольно потерпѣла
Понапрасной славушки.

254.

Что-то, что-то затуманилось,
Не дастъ-ли Богъ дождя?
Мнѣ дѣвчоночкѣ наскучила
Чужая сторона.

255.

Я хожу плохо одѣта,
Потому что сирота;
Льются, льются горьки слезы,
Словно быстрая струя.

256.

Мнѣ на почту сходить—
Только для прогулки,
Письмо отъ мамы получить
Отъ горюшки, отъ скуки.

257.

Ужъ ты, братецъ дорогой,
Ты не знаешь, что со мной—
На сердечкѣ на моемъ
Вода холодная со льдомъ.

258.

Я отъ маменьки осталась
Двухъ годочковъ, маленька,
По чужимъ людямъ скиталась
Дѣвочка удаленька.

В. И. Степановъ.

---

[1]) Въ варіантѣ этой частушки въ Этнографическомъ Обозрѣніи, читается „вересиночка“.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Изъ пѣсенъ западной Сибири.

(Пѣсни игровыя, хороводныя, свадебныя).

1.

На вечо́рку зовуть съ балалаечкой.
Ой, Дунай, Дунай, сынъ Ивановичъ Дунай!
Противъ дѣвицы на стулѣ да удалый молодецъ.
Ой, Дунай и т. д.
Ужъ ты, верба моя, работа̀ю на тебя.
Ой, Дунай и т. д.
Работаю я, люблю, черну шляпу подарю.
Ой, Дунай и т. д.
Черну шляпу подыму, на головку надѣну.
Ой, Дунай и т. д.
На головку надѣну, поцѣлую да уйду,
Ой, Дунай, Дунай, сынъ, Ивановичъ Дунай!
(Поцѣлуи).

2.

Какъ во мѣсяцѣ іюлѣ (bis).
Выпадала пороша (bis).
По этой-ли порошѣ (bis).
Шелъ-ли мой хорошій, (bis).
Не путемъ шелъ, не дорожкой, (bis).
Чужимъ огородомъ, (bis).
Чужимъ, чужимъ огородомъ, (bis).
Чужой-ли межой. (bis).
Онъ щипаетъ и бросаетъ (bis).
Аленьки цвѣточки, (bis).
Онъ кидаетъ и бросаетъ, (bis).
Дѣвушкамъ въ колѣни (bis).
«Не шути ты, бѣлъ-кудреватый, (bis).
«Мнѣ теперь да не время,—(bis).
«Что у тятеньки-то гости, (bis).
«У мамоньки гостьей гостьи, (bis).
«У меня да подружки. (bis).
«Вечеръ съ милымъ простояла, (bis).
«Дружка цѣловала. (bis).
(Поцѣлуи).

3.

Горенка, горенка новая,
Дѣвка—дворянка молодая.
Полно по горенкѣ ходити,
Полно по миленькому тужити!
— Какъ мнѣ по милому не тужити,
Во̀-вѣки такого не нажити:
Ростомъ—ростомъ, красотой.
Частенька его походка,
Громкая рѣчь—поговорка.
Передъ миленькимъ стояла,
Словами улещала (увѣщала):
Не слушай, милъ, чужихъ умовъ,
Люди, баютъ, разсуждаютъ,
Насъ съ тобою разлучаютъ.
(Поцѣлуи).

Digitized by Google

4.

Ужъ вы, бѣлыя бѣлилочки,
Листовые вы румянички,
Сокатитесь со бѣла лица долой!
Ужъ какъ ѣдетъ горька пьяница домой,
Ужъ такъ сильно принафыпился,
Тетивою подпоясался,
Кленовая стрѣлка за поясомъ,
Шелковая плеть во правой во рукѣ,
Шелкова плеть, семихвосточка.
Еще хочетъ меня бить, младу, учить,
Меня бить—учить, увѣчить.
Не припомню я вины передъ собой,
Только знаю одну виночку:
Какъ у ближняго сосѣдушка,
Заводилась пиръ-бесѣдушка,
На бесѣдушку незванная пришла,
Я не звана, я не чѣствована,
Трою-двою я по горницѣ прошла,
Три-четыре по новымъ сѣнямъ,
Холостому стаканъ рому подала,
А женатому зеленаго вина.
Холостой, шельма, догадливъ былъ,
По скорёшеньку на ноженьку ступилъ,
Ко стакану бѣлы ручки прижималъ,
Объ стаканчикъ златой перстень изломалъ,
При людяхъ меня сестрицей называлъ,
Безъ людей-то—сердце лапушка,
Сердце лапушка, сударушка моя,
Поглянулась твоя русая коса,
Поглянулся заунывный взглядъ.

5.

(Мотивъ: «Ой, жги, говори»).

Ахъ, нынче худыя времена:
Посушили женъ хорошіе мужья,
Красныхъ дѣвушекъ далекіе друзья.
Трудна, трудна, другъ, велика сухота!
Пойду, пойду во зеленый садокъ,
Сорву, сорву со розаньки цвѣтокъ,
Завью, завью милу дружку вѣнокъ,
Со вѣночкомъ на крутенекъ бережокъ,
На крутенекъ, на желтенекъ на песокъ,
Ужъ я кину вѣнокъ на воду,
Не сама-ли я подалѣ отойду.
Ужъ я вижу,—вѣнокъ потонулъ,
Старый, прежній дружокъ помянулъ.
Знать, иную онъ, другую полюбилъ,
Знать, инà—другà не лучше меня
Что не лучше, не вѣжливѣе,
Не красивѣе, не очестливѣе,
Развѣ тѣмъ только лучше меня,
Носитъ юбочки—стяжёночки.
Цѣловались три дѣвчоночки.

(Три дѣвушки ходятъ по горницѣ; по окончаніи пѣсни цѣлуютъ трехъ парней).

6.

(Мотивъ: «И шумитъ и гудитъ»...)

Я на стулѣ сижу—
Слезы катятся.
Молодцы дѣвицъ берутъ
Намъ желательныхъ.
Создай, Боже, мнѣ невѣсту
По моимъ мыслямъ,—
Чтобы горькаго не пить
И другую не любить.

Digitized by Google

* * *

Вари супъ, вари крупъ,
Сорочинскихъ бѣлыхъ крупъ,
Жарь гусенка, поросенка
Приготавливай сейчасъ.

Я вечоръ въ гости прибуду;
Поздно вечеромъ приду,
Приду—прилечу,
Поцѣлую улечу.

(Парни цѣлуютъ дѣвушекъ).

7.

(Мотивъ: «Ой, жги, говори»).

Мимо садичку зеленаго
Проторена дорожка торна.
Еще кто эту дорожку торилъ?
Молодецъ къ красной дѣвицѣ ходилъ,
Онъ по-мнóгу злата-серебра носилъ,
Шаль персидскую на бѣлые на плечи,
Спрошу, спрошу у соловушка:
Кому воля, кому нѣтъ воли гуляти?
Воля въ полѣ краснымъ дѣвушкамъ гуляти,
Молодушкамъ пѣту волюшки,
Молодецъ, всю я ночь не спалъ
Во веселыя музыки проигралъ;
Съ красавицей поздоровался,—
При здорôванiи—цѣлôванiе!

(Парни цѣлуютъ дѣвушекъ).

8.

За дворомъ, дворомъ, дворомъ,
Шелкова трава растетъ.
Еще кто эту травоньку
Мялъ-притопталъ?
Ее мяли-притоптали
Три дворяна нагуляли:
Первый, душа, раздворянинъ—
Александромъ зовутъ,
Свѣтъ, Андреевичъ, душа,
Походочка хороша,
Рѣчь-говорка важная,
Цѣловать приляжная.
Второй, душа, раздворянинъ и т. д.

(Кого величаютъ, тотъ цѣлуетъ дѣвушекъ).

9.

Какъ за двóромъ, за дворóмъ [1]),
За дворомъ, за дворомъ,
За зеленымъ, за садомъ,
За садомъ, за садомъ,
Росла трава шелковая
Шелкова трава;
По той травѣ пава шла;
Пава шла, пава шла,
За павой павлинъ летѣлъ.
Павъ летѣлъ, павъ летѣлъ,
Кричалъ: «Павушка, постой,
Постой да подожди!»
— Теперь, сударь, не твоя,
Не твоя, не твоя,—
Родимаго тятеньки,
Тятеньки, тятеньки,
Сударыни-мамоньки,
Мамоньки, мамоньки...—

(Поется сначала, кончая: «кричалъ: «Павушка, постой, «постой, да подожди!»)

---

[1]) Каждая строчка повторяется два раза.

Digitized by Google

а затѣмъ:

— Теперь, сударь, я твоя,
Я твоя, я твоя,
Поцѣлуй, милой, меня,
Ахъ, меня, да меня!
(Поцѣлуи).

10.

Кто у насъ хорошій,
Кто у насъ пригожій?
Розанъ мой, розанъ—
Виноградъ зеленый [1]).
Митрій-то хорошій,
А Семеновичъ пригожій.
По горницѣ ходитъ,
Въ зеркальце глядится:
Что какой-же я хорошій,
Что я за пригожій!
На крыльцо выходитъ
Къ нему конь подходитъ,
На коня садится—
Подъ нимъ конь бодрится.
Онъ плеточкой машетъ,
Подъ нимъ конь-ётъ пляшетъ
Къ морю подъѣзжаетъ—
Море всколыхалось.
Къ саду подъѣзжаетъ—
Садикъ расцвѣтаетъ.
Къ дому подъѣзжаетъ—
Мамонька встрѣчаетъ.
«Сынъ-ты мой, сыночекъ,
«Ясный соколочекъ,
«Гдѣ ѣздишь, гуляешь,
«Домой не бываешь?»
— «Ѣзжу я, гуляю,
«Дѣвицъ примѣчаю.
«Примѣтилъ я дѣвицу,
«Марьненьку сестрицу».
(Поцѣлуи).

11.

Кто у насъ по бережку ходитъ?
Ходитъ и гуляетъ?
Васильюшка, молодецъ,
Чешетъ кудерешки
Рыбьимъ гребешкомъ,
Очесотки бросаетъ
На быстру рѣку.
Вышла, выходила
Красна дѣвка по воду,—
Чьи кудри хороши,
Чьи русы хороши?
Тѣмъ кудри хороши—
Васильюшки-молодца
Свѣтъ Степаныча.
(Поцѣлуи).

12.

Я сяду на добра коня, поѣду,
Я поѣду во Китай-городъ гуляти,
Да покупочки покупати.
Я куплю же молодой женѣ подарокъ,
Что не самый преотличный полушалокъ.
Подойду я къ молодой женѣ поближе,
Поклонюся ей пониже:
«Примай-ко, жена, не сердися,
«Душа, сердце мое, не гордися.
«Посмотрите-ко, добрые люди,
«Что жена-то меня, молодца, не любитъ,

[1]) Это двустишіе повторяется послѣ каждаго двустишія.

Digitized by Google

«Не любитъ, не ласкуетъ, не цѣлуетъ».
Я поѣду во Китай-городъ гуляти,
Покупочки покупати.
Ужъ куплю же молодой женѣ подарокъ,
Что не саму преотличну куплю плетку.
Подойду къ молодой женѣ поближе,
Поклонюся ей пониже:
«Примай-ко, жена, не сердися,
«Душа, сердце мое, не гордися.
«Посмотрите, добрые люди,
«Какъ жена-то меня, молодца, любитъ,
«Она любитъ, ласкуетъ, цѣлуетъ».
(Поцѣлуи).

13.

(Мотивъ: «Ахъ, вы, сѣни, мои сѣни»).

Какъ по ельничку,
По березничку
По частому, по мелкому
По осинничку,
Идутъ молодцы горой,
Ведутъ дѣвушекъ съ собой;
Они и идутъ и ведутъ,
Разговариваютъ:
Пойдемъ, дѣвица,
Пойдемъ, красавица.
Если ты меня полюбишь,
Будешь счастливая,
Будешь талантливая,
Ты не будешь, моя милая,
И не ткать, и не прясть,
Не ткать, не прясть,
Никакой заботы не знать.
Только будешь, моя милая,
По прилавочкамъ гулять,
По прилавочкамъ гулять
Для себя обновы закупать.
Для красавицы такой,
Есть особенный покой:
Цвѣтамъ, зеркаламъ,
Всю я спальну уберу,
Красна дерева кровать,
На коврахъ будетъ стоять.
Приду, прилечу,
Поцѣлую, улечу.
(Поцѣлуи).

14.

Я по жердочкѣ шла,
По тоненькой, по еловенькой.
Моя жердочка гнется—
Не ломится,
Хоть и ломится—
Не переломится.
Со милымъ дружкомъ жить,
Вѣкъ не ссориться,
Вѣкъ не ссориться,
Не размолвиться.
Что Донскіе хваты,
То наши ребята,—
Ухачи гулять,
Круги занимать,
Дѣвокъ цѣловать.
Хорошую—двою,
Пригожую—трою;
Не хорошу, не баску—
Ни единаго разку;
Шадровиту и криву—
Тоё вонъ изъ круга.
Она вышла на улицу
Расхвасталася:
«Меня парень цѣловалъ,
«За хорошу почиталъ,
«За хорошу, за баску,
«За сударушку свою».

Digitized by Google

15.

Рано бѣлый снѣгъ напалъ,
Молодецъ съ коня упалъ,
Упалъ Ванюша, лежитъ;
Къ нему милая бѣжитъ.
Къ нему милая бѣжала,
Черноброва поспѣшала,
Черну шляпу подымала,
На головку надѣвала,
На добра коня садила;
На добра коня садила
Принаказывала:
«Ты поѣдешь, милъ, гуляти,
«Не загуливайся,
«На веселыхъ на бесѣдахъ
«Не засиживайся,
«Что на школеныхъ манерахъ,
«Не заглядывайся.
Теперь я хочу гулять,
Круги занимать,
Дѣвокъ цѣловать,—
Хорошую—двою и т. д. какъ въ предыдущемъ №.

16.

(Мотивъ: «Ахъ, вы, сѣни, мои сѣни»).

Сыпался, сыпался
Хмель надъ водой;
Ширился, козырился
Солдатъ надъ женой,
Надъ той, надъ женой
Надъ солдаткой молодой.
Ты разуй-ко меня,
Хорошая, разболоки!
Я за что тебя разую,
За чего разболоку.
Черну шляпу подыму,
На головку надѣну,
На головку надѣну,
Поцѣлую да уйду.
(Поцѣлуи).

17.

(Мотивъ: «Какъ у нашихъ у воротъ»).

Скочилъ козелъ въ огородъ,
Ай, люли, въ огородъ,
Заднимъ ножкамъ напередъ,
Ай, люли, напередъ.
Всю капусту поломалъ,
Ай, люли, поломалъ.
Всѣ онъ кочни поглодалъ,
Ай, люли, поглодалъ.
Возьму козла за рога,
Ай, люли, за рога.
Поведу я на базаръ,
Ай, люли, на базаръ.
Промѣняю на товаръ,
Ай, люли, на товаръ.
На товаръ, на дорогой:
Ай, люли, дорогой.
На румяна, на бѣлила,
Ай, люли, на бѣлила.
На черныя на чернила,
Ай, люли, на чернила.
На ту пору мужъ домой,
Ай, люли, мужъ домой.
«Отчего, жена, бѣла?
Ай, люли, да бѣла.
— «Ситомъ муку сѣяла,
Ай, люли, сѣяла.
«Отчего, жена, красна?
Ай, люли, да красна.
— «Проти печи стояла,
Ай, люли, стояла.
«Себѣ щеки жарила,
Ай, люли, жарила.
«Отчего брови черны?
Ай, люли, да черны.
— «Въ трубѣ сажу вымела,
Ай, люли, вымела.
«Себѣ черны брови навела,
Ай, люли, навела».

Digitized by Google

18.

(Мотивъ: «Во саду-ли, въ огородѣ»).

Не ходи, моя милая,
Берегомъ уваломъ,
Не люби, моя милая,
Женатаго даромъ,—
Что женатой—распроклятой,
Холостой голубчикъ.
Холостой глазамъ поводитъ,—
Изъ ума выводитъ;
Очи ясныя потупитъ,
На ноженьку ступитъ;
Очи ясны воздымаетъ,
Въ садикъ вызываетъ:
Пойдемъ, выйдемъ, любезная,
Въ садикъ разгулямся,
Не соскучиться ходити,
Будешь-ли любити?
Люблю, люблю, любезная,
Завсегда жалѣю.

(Поцѣлуи).

19.

(Мотивъ: «Во саду-ли, въ огородѣ»).

У Катюши, у Настюши,
Новы огороды,
Новы, новы огороды
Вѣтромъ пришатило,
Вѣтерочкомъ пришатило,
Къ землѣ привалило.
Что никто про то не знаетъ,
Гдѣ милъ гуляетъ,
Милый по саду гуляетъ,
Съ Катенькой играетъ,
Катю хватю, Катю брошу,
Катю поцѣлую. (Цѣлуетъ).
Разъ Настюшка увидала,
Ей забѣдно стало.
Ахъ, ты, мальчикъ, раскрасавчикъ,
Дѣвичій обманщикъ,
Не одну меня ты любишь,
Не одну ласкаешь,—
Любишь Катю во Казани,
Любишь Машу въ Ярославлѣ,
Анюшеньку—раздушеньку
Въ Томскомъ городочкѣ.
Этимъ всѣмъ-ли тремъ сударкамъ
Купишь по подаркамъ:
Ужъ какъ Катѣ королечки,
Машѣ янтаречки,
Анюшенькѣ—раздушенькѣ
Золото—колечко.
Золото-ли то колечко
То ее сердечко.

20.

(Мотивъ: Во саду-ли, въ огородѣ).

У моего у тятеньки
Жизнь была привольна,
Что за жизнь была привольна—
Всѣ чины довольны:
Были горочки крутыя,
Песочки желтые;
Что въ этихъ-ли песочкахъ
Пчелы гнѣзда вили,
Пчелы, пчелы гнѣзда вили,
Пташки раззорили.
Эти пташечки маленьки,—
Дѣвицы глупеньки,
Эти дѣвицы глупеньки,
Цѣловать миленьки.
Посередь кружка,
Поцѣлуй дружка,
Середь маленькаго,
Цѣлуй бравенькаго!

(Поцѣлуи).

Digitized by Google

21.

Ходила дѣвочка по борочку,
Брала дѣвка ягодку земляничку;
Наколола ноженьку на бѣличку,
На проклято деревцо, на шипичку;
Болитъ моя ноженька, все она не больно,
Тужитъ-плачетъ миленькій обо мнѣ не слезно,
Уѣхалъ душа моя въ городочекъ,
Не надолго времячко — на одинъ часочекъ.
Хоть онъ и ходитъ, ко мнѣ не заходитъ,
Хоть онъ и ѣдетъ, ко мнѣ не заѣдетъ,
Плеточкой машетъ, меня не остёгнетъ.
Ты садись, разлапушка, со мной во карету,
Поѣдемъ, разлапушка, на мою квартеру.
У меня квартирушка нова—занятая,
При домѣ хозяюшка очень молодая;
У меня два хлопчика въ гусельцы играютъ,
Самъ я, добрый молодецъ, играю въ гитару.
По моей гитарушкѣ разлапушка гуляла,
Меня, добра молодца, три разъ цѣловала.
(Поцѣлуи).

22.

Была пташечка-синюшечка,
Черезъ море перепархивала.
«Ужъ вы, дѣвушки-матушки,
«Не желайте замужъ идти, —
«Не равно замужъ выйдется [1]),
«Не ровенъ мужъ навяжется,
«Либо воръ, либо пьяница,
«Либо горькая пропойца.
Въ кабакъ идетъ — шатается,
Съ кабаку идетъ,—валяется,
Надо мной придетъ—куражится.
Вотъ заставитъ разувать, разболокать,
Семиса́женны оборы разбирать.
— Не того я роду-племени,
Не того я отца-матери,—
Чтобы стала разувать, разболокать,
Семиса́женны оборы разбирать,—
У меня ручки бѣлешеньки,
На рукахъ перстни тонешеньки.
Бѣлы ручки примараются,
Златы перстни изломаются!
Подойду къ нему близешенько,
Поклонюсь ему низешенько,
Поцѣлую я милешенько.
(Поцѣлуи).

23.

Дайте мнѣ, младешенькой погуляти,
Покуль батюшка родимый замужъ не отдалъ.
За такого, за сякого, за невѣжу.
Къ кабаку идетъ невѣжа—свищетъ, гаркаетъ,
Къ воротичкамъ подходитъ,—скачетъ, пляшетъ.

---

[1]) Варіантъ:
Ты шкатулочка, шкатулочка моя,
Ты шкатулочка серебряная,
Я давно въ тебя не хаживала,
Потеряла отъ шкатулочки ключи
Я на ленточки розовой,
На тарелочкѣ фарфоровой,
Кто-бы, кто-бы эти ключики нашелъ,
За того-бы я замужъ пошла,
Не равно замужъ выйдется
и т. п.

Digitized by Google

У его была женечка плохлива,
Какъ скорешенько съ постели вставала,
Поскорешенько къ воротамъ подходила,
Смѣлешенько съ невѣжей говорила:
«Ты ночуй, ночуй, невѣжа, за воротами.
«Вотъ-тѣ мягкія перины — бѣлы снѣги,
«А круто тебѣ зголовье — подворотня,
Тепло одѣяло — буйны вѣтры,
«Строги караулы — часты звѣздочки!
«Каково тебѣ, невѣжа, за воротамъ?
«Каково-то мнѣ, молоденькой, за тобою?
«За тобою за худою головою»?

24.

Я по бережку ходила, молода,
Свѣжу рыбоньку ловила для себя.
Увидали ребятушки,
Разсказали матушкѣ.
Моя матушка не лиха, не добра,
Заставила капусту полоть.
Я полю, полю, попалываю,
Все на солнышко поглядываю,
Высоко-ли красно солнышко взошло,
Далеко-ли во туманичекъ ушло.
Во туманичкѣ не видно ничего.
Выѣзжалъ изъ Питера купецъ,
Вывозилъ китаечки конецъ.
Мнѣ китайки носить хочется,
Да любить купца не хочется.
Лиха свекровь въ окошечко глядитъ,
Журитъ, бранитъ, цѣловаться велитъ,
Ты здорово, чернобровая моя,
Здравствуй, ягодка налевчатая!»
(Поцѣлуи).

25.

Пойду-ли, выйду я
Вдоль по долинушкѣ,
Вдоль по широкой;
Сорву-ли, вырву я
Съ винограда ягоду,—
Эта мнѣ не ягода,
Эта мнѣ не винная,—
Двухъ дѣвицъ развела,
Двухъ красавицъ развела.
Кинусь я, брошусь я
Къ тятеньки на руки;
У тятеньки посижу,
На тятеньку погляжу,—
И тутъ мнѣ не спится,
И тутъ не сидится
У тятеньки на рукахъ.
Кинусь я, брошусь я
Ко милому на ручки;
У милова посижу,
На милова погляжу,
Поцѣлую да уйду.
(Поцѣлуи).

26.

Я по комнаткѣ хожу,
Себѣ милова ищу;
Хоть и видѣть-то-не вижу,
Голосочекъ его слышу.
За праву ручку возьму
И по комнатѣ пройду,
Вдоль по комнатѣ пройду,
Поцѣлую да уйду.
(Поцѣлуи).

Digitized by Google

27.

Я нѣмецкую капусту садила,
Я садила ее, поливала.
Съ правой ручки колечко утеряла.
Укатилось колечко подъ крылечко,
Укатилося золотое подъ крутое;
Не любимая подружка находила,
Моей мамонькѣ объяснила,
Не за то-ли меня мамонька бранила,
Не за то-ли государыня журила?
Проти мамоньки отвѣтичекъ сдержала...
Не достанься злодѣю-лиходѣю,
Доставайся милому, любезному,
Я котораго во дѣвушкахъ любила,
Съ правой ручки колечко подарила,
Я дарила ему говорила:
«Ты носи-ка, мой милый, не теряй-же,
«Меня, дѣвушку, не забывай-же!»
Не забуду тебя и поцѣлую.

(Поцѣлуи).

28.

Не летай-ты, соколъ, высоко,
Не махай ты крыломъ широко,—
У насъ нѣту такого молодца,
Молодца кудреватаго,
Холостого, неженатаго.
Онъ на горочкѣ домъ срубилъ,
Подъ горою лѣсенку свалилъ,
А на заводи утицу,
На песочкѣ лебедицу,
Въ терему красную дѣвицу:
Чаю, чаю—не спокинетъ онъ ее,
Чаю, чаю—поцѣлуетъ онъ ее!

(Поцѣлуи).

29.

Въ саду молодцы гуляли,
Съ травы цвѣтики рвали;
Они вѣнчики вили,
Въ Дунай рѣченьку бросали,
Въ красныхъ дѣвушекъ попали.
Кто вѣнокъ подыметъ,
Тое замужъ я возьму,
Поцѣлую и уйду!

(Поцѣлуи).

30.

Я качу, качу
Золото кольцо,
Золото-вито,
Со брильянтами.
За колечушкомъ
Идутъ молодцы,
За собой ведутъ
Красныхъ дѣвушекъ.
Вы возьмите ихъ
За правыя ручки,
Вы ведите ихъ
Во зеленый садъ.
Вы поставьте ихъ
Посередь сада,
Вы заставьте ихъ
Скакать плясать.
Вы сойдитеся
Близешенько,
Поклонитеся
Низешенько,
Поцѣлуйтеся
Милешенько.

(Поцѣлуи).

Digitized by Google

31.

Летѣли три птички,
Собой не велички.
Тамъ-то лѣто, здѣсь зима,
Чернобровая моя [1])
Какъ онѣ летѣли,
Всѣ люди глядѣли.
Гдѣ онѣ садились,
Всѣ люди дивились.
Сѣли на талинку,
На саму вершинку.
Стали онѣ пѣти,
Стали воспѣвати,
Пѣти—воспѣвати,
Насъ утѣшати,
Насъ утѣшати,
Дѣвокъ цѣловати.

(Поцѣлуи).

32.

Дѣвушка лужочкомъ шла,
Раскрасавица зелененькимъ;
На ней платьице бѣлѣется,
Полушалочекъ алѣется,
Во правой рукѣ—цвѣтокъ,
Во лѣвой рукѣ вѣнокъ.
Она вѣночкомъ помахиваетъ
Со милымъ разговариваетъ.
Здравствуй, милая, хорошая моя,
Красота неоцѣненная моя!
Другъ къ другу приближаются,
Разговоромъ занимаются.
Я на многихъ вечерочкахъ бывалъ,
Не нашелъ я лучше, краше тебя,
Души-ли, красной дѣвицы,
Василисы, свѣтъ, Семеновны,
Полюби-ко молодого молодца,
Митрія-ли, свѣтъ, Григорича!

33.

Кому дѣти, кому малы,—
Надо ихъ учити;
Кому деньги, кому много,—
Надо ихъ пропити.
На плашечку, на дощечку,
Платочекъ раскину;
На платочекъ, на платочекъ
Дѣвицу поставлю.
Раскрасавицу поставлю,
Танцевать заставлю.
Ты танцуй, душа, важненько,
Поцѣлуй, душа, миленько.

(Поцѣлуи).

34.

Ѣхалъ-поѣхалъ Иванъ на конѣ,
Конь подъ нимъ сторублевенькій,
Шапочка смѣется,
Перчатки говорятъ.
Конь ко двору приворачиваетъ,
Ванюшка про дѣвушку спрашиваетъ:
«Дома-ли, дома-ли моя Марьюшка?
Спитъ она, не будите ее,
На вечерочкѣ сидитъ,
Не ходите по нее.
Я самъ ее люблю,
Поцѣлую да уйду!».

(Поцѣлуи).

---

[1]) Тамъ-то лѣто, здѣсь зима,
Чернобровая моя" (повторяется послѣ каждаго двустишія).

Digitized by Google

35.

Чьи это соколики летятъ,
Еще чьи это молоденькіе?
Долетали до мѣщанской слободы,—
У кого это крашоны ворота,
Знать-то тутъ вечерочка была,
Мы за вечеръ недорого платили,
Бумажечку новенькую,
Двадцати-пяти рублевенькую.
У дѣвушки на колѣняхъ посижу,
На ея черны брови погляжу,
Поцѣлую да уйду.
(Поцѣлуи).

36.

Во конторѣ во новой
Сидитъ писарь молодой.
Лебединъ мой, лебединъ,
Съ лебедушкой бѣлой [1]).
Писарь пишетъ въ три пера
Государевы дѣла.
Государевы дѣла,
Сокатитесь со стола!
Сокатитесь со стола,
Намъ контора не мила.
Намъ контора не мила,
Красна дѣвка хороша.
Вдругъ контора отворилась,
Красна дѣвка появилась.
Красна дѣвка появилась,
Среди пола становилась,
Посередь кружка
Цѣловать дружка.
(Поцѣлуи).

37.

Ѣхалъ милый изъ Казани,
Въ полтораста рублей сани.
Ай, люли, ай люли
Въ полтораста рублей сани [2]).
Въ полтораста рублей сани,
Семисотный добрый конь,
Семисотный добрый конь,
Въ пятьдесятъ рублей дуга.
Въ пятьдесятъ рублей дуга,—
Мальчикъ дѣвушкѣ слуга.
Вы позвольте намъ, ребята,
Во гостиный рядъ сходить,
Во гостиный рядъ сходить
Плису-бархату купить.
Плису-бархату купить,
Во сто рублей платье.
Еще кто будетъ купить,
Еще кто будетъ носить?
Купить будетъ молодецъ,
Носить будетъ дѣвица.
Носить будетъ, красоваться,
Со молодцемъ цѣловаться.
(Поцѣлуи).

38.

Санки, вы саночки,
Изъ Москвы пошевёночки!
Кого буду въ саночкахъ возить,
Кого въ пошевёночкахъ?
Во саночкахъ то дѣвицу;
На запяткахъ-ли удалой молодецъ,
Терентьюшко за возжи бралъ,
Федосѣевичъ-то за шелковыя,
Подъѣзжаетъ ко широкому двору,
Вызываетъ свою мать родну:

---

[1]) Послѣднія двѣ строчки повторяются послѣ каждаго двустишія.

[2]) Припѣвъ: „Ай, люли, ай люли“ повторяется послѣ каждаго двустишья, причемъ второй строчкой напѣва служитъ вторая строчка двустишья.

Digitized by Google

Пойди-выйди, мамонька,
Пойди-выйди, родимая,
Я привезъ тебѣ замѣнушку,
Дорогую любу-гостейку,
Себѣ вѣрную хозяюшку,
Степанидушку, свѣтъ, Семеновну.

39.

Проти Машиныхъ воротъ
Протекаетъ ручеекъ,
Ай, люли, ручеекъ (2).
Во этомъ-ли ручеечкѣ
Молодецъ коня поилъ,
Ай, люли, онъ поилъ (2).
Молодецъ коня поилъ,
Къ вереюшкѣ подводилъ,
Ай, люли подводилъ.
Къ вереюшкѣ подводилъ,
За колечко привязалъ,
Ай, люли, привязалъ.
За колечко привязалъ,
Душѣ-Машѣ наказалъ.
Ай, люли наказалъ. (2).
Распрекрасна, душа-Маша,
Сбереги мово коня,
Ай, люли, да коня. (2)
Коня воронова,
Кругомъ кованова,
А, люли, кована. (2)
Чтобы конь не оторвался,
Повода-бъ не изорвалъ,
Ай, люли, не порвалъ. (2)
Повода-бъ не изорвалъ,
Удила-бъ не изломалъ,
Ай, люли, не сломалъ. (2).
Повода-то шелковые,
Удила-то золотыя,
Ай, люли, золоты. (2)
Оглянулся я назадъ,
За мной Машенька идетъ
Ай, люли, да идетъ. (2)
За мной Машенька идетъ,
Ровно утица плыветъ,
Ай, люли, да плыветъ. (2)
На головушкѣ перо—
Шестьдесятъ рублей дано
Ай, люли, вотъ дано. (2)
Шестьдесятъ рублей дано,
Стоитъ тысячу оно,
Ай, люли, да оно. (2)
Стоитъ тысячу оно,—
Поцѣлую я ее!
Ай, люли, вотъ ее!
(Поцѣлуи).

40.

У воротъ подворотница худа,
Полетѣла сѣра утка со двора,
Со двора она на улицу,
Со улицы на заводскій дворъ.
Во заводѣ были мастера,
Подмастерьица ласковы,
Стали утицу приманивати,
Честью-лестью уговаривати:
«Что-же ты, красна-дѣвица,
Рано загуляла, запѣла,—
На кого, душа надѣешься?»
Я надѣюсь на милова,
На удала-добра молодца,—
Чаю-чаю,—не спокинетъ онъ меня,
Сама знаю:—поцѣлуетъ три раза меня.
(Поцѣлуи).

41.

Митрофанушко женился,
На добра коня садился,
А Мироновичъ садился,
Въ путь-дороженьку смотрѣлъ.
Его мамонька бранитъ,
Воротиться не велитъ.

Digitized by Google

Подъѣзжаетъ ко двору,
Тесть-то ходитъ по двору,
Его теща во саду
Выбираетъ ягоду,
А невѣста въ терему
Убираетъ голову.

Ахъ, ты, душечка,
Да Катюшечка,
Окошечко отвори!
Рада, рада — отворила-бъ,
Буйный вѣтеръ сильно бьетъ,
Со головки цвѣты рветъ.

42.

Въ хороводѣ были мы,
Были мы, были,
Что намъ надо — видѣли,
Видѣли, видѣли.
Сокола-молодчика (соколицу — дѣвицу)
Молодца, молодца (дѣвицу, дѣвицу)
Встань, молодчикъ, (дѣвица) подбодрись,
Подбодрись, подбодрись,
Трою — двою развернись,
Развернись, развернись.
Хоть немножко протанцуй,
Протанцуй, протанцуй.
Кому надо, — поклонись,
Поклонись, поклонись.
Кого любишь, поцѣлуй,
Поцѣлуй, поцѣлуй.

43.

Вдоль да по рѣчкѣ,
Вдоль по Казанкѣ,
Сѣрый селезень плыветъ.
Ай да люли, ай да люли,
Сѣрый селезень плыветъ.
Вдоль по бережку
Вдоль по крутому
Добрый молодецъ идетъ.
Ай да люли, ай да люли,
Добрый молодецъ идетъ.
Онъ со кудрями,
Онъ со русыми,
Разговариваетъ.
Ай да люли, ай да люли,
Разговариваетъ.
Кому мои кудри,
Кому мои русы
Достаются разчесать?
Ай да люли, ай да люли,
Достаются расчесать.
Доставались кудри,
Доставались русы,
Старой бабушкѣ чесать.
Ай да люли, ай да люли,
Старой бабушкѣ чесать.
Сколь она ни чешетъ,
Сколь она ни гладитъ,
Только волосы деретъ.
Ай да люли, ай да люли,
Только волосы деретъ.
Доставались кудри,
Доставались русы,
Красной дѣвушкѣ чесать.
Ай да люли, ай да люли,
Красной дѣвушкѣ чесать.
Сколь она ни чешетъ,
Сколь она ни гладитъ,
Волосъ къ волосу кладетъ.
Ай да люли, ай да люли,
Волосъ къ волосу кладетъ.

44.

(Поется въ антрактахъ между играми).
Кругомъ, кругомъ осиротѣла,
Кругомъ осталася одна,
Все счастье съ милымъ улетѣло,
Да не воротится назадъ.

Digitized by Google

Приди, вернись, дружокъ, скорѣе
Ко бѣдной дѣвицѣ, ко мнѣ.
Во снѣ, какъ ангелъ, заявился,
Сверкнулъ, какъ молнія, самъ скрылся,
Во сердце искру заронилъ,
Сказалъ: «Милая, прощай,
Ты живи, моя милая,
Да не влюбляйся ни въ кого,
Въ твои лѣта любить опасно,—
И ты сповянешь, какъ трава,
Какъ въ полѣ травка безъ дождя.

Котора роза расцвѣтаетъ,
То всякъ старается сорвать,
Котора роза посыхаетъ,
То всякъ старается стоптать;
Котора дѣвица красива,
То всякъ старается любить,
Котора дѣвица въ печали,
То всякъ старается забыть.
Не сердитеся, подружки,
Что я съ вами не веселюсь,
Черезъ то не веселюся,
Что я съ милымъ разстаюся.

45.

(Поется въ антрактахъ между играми).

Во саду-ли, въ огородѣ.
Дѣвица гуляла,
А за нею по дорожкѣ
Ходятъ братцы рядомъ;
Они посятъ на подносѣ
Дороги подарки,
Дорогіе, все цвѣтные,
Кумачи—китайки.

Кумачу я не хочу
Китайки не надо.
Если любишь, милый,—купишь
Алаго грезету
На двѣ шубки, на двѣ юбки,
На двѣ душегрѣйки.
Изъ обрѣзковъ, изъ подрѣзковъ,
Сошью другу шапку.

46.

(Антрактовая).

Посѣяли дѣвки ленъ;
Дѣвки ленъ, дѣвки ленъ,
Ходи браво, дѣвки ленъ.
Посѣямши, пололи,
Пололи, пололи,
Ходи браво, пололи,
Свои бѣлы ручки кололи,
Кололи, кололи.
Ходи браво, кололи.
Повадился Иванокъ,
Иванокъ, Иванокъ,
Ходи браво, Иванокъ,
Къ дѣвкамъ во ленокъ,
Во ленокъ, во ленокъ.
Ходи браво во ленокъ.
Весь ленокъ притолокъ,
Притолокъ, притолокъ,
Ходи браво, притолокъ.

Головушки посорвалъ,
Посорвалъ, посорвалъ,
Ходи браво, посорвалъ.
Въ Дунай-рѣчку побросалъ,
Побросалъ, побросалъ
Ходи браво, побросалъ.
Дунай-рѣчка не приматъ,
Не приматъ, не приматъ.
Ходи браво, не приматъ.
Ко бережку прибиватъ.
Прибиватъ, прибиватъ.
Ходи браво, прибиватъ.
Ко бережку, ко лужку,
Ко лужку, ко лужку.
Ходи браво, ко лужку,
Ко желтому, ко песку,
Ко песку, ко песку.
Ходи браво, ко песку.

Digitized by Google

47.

(Въ антрактахъ).

Отъ порога до стола,
Я постелюшку стлала.
Сердце поетъ, ѣсть хочу,
На полати заскочу.
На полатяхъ люди баютъ,
На печи собаки лаютъ,
На шесткѣ квашня плыветъ,
Подъ шесткомъ пѣтухъ поетъ;
Мой миленокъ, какъ теленокъ,
Кудреватый, какъ баранъ.

48.

Вечерочная.

Ужъ-ты зай-ли, мой зай,
Зайка бѣленькій, зайка бѣленькій.
Ушки черненьки, ножки маленьки.
Зайка въ лавочку скочилъ,
Чаю, сахару купилъ,
Опъ въ сторону скочилъ,
Тамъ рѣка—глубока,
Рѣка тиновая и рябиновая.
Ты, рябинушка густа,
Цѣлуй дѣвушку въ уста.

(Поцѣлуи).

49.

Свадебная.

По сахару рѣчка течетъ,
По изюму разливается,
Съ крутымъ берегомъ равняется,
Соѣзжали со фатеры господа.
Красны дѣвушки, пожалуйте сюда,
У насъ водочка анисовая,
Красны дѣвушки написанныя
Алымъ ленточкамъ подвязаны,
Цѣловаться приказаны.

Сообщилъ **Ф. Конъ.**

Изъ фабричныхъ пѣсенъ Владимирской губерніи.

По статьѣ *Алексѣя Смирнова.*

Во «Владимирской Газетѣ» (1903, 117) г. Алексѣй Смирновъ помѣстилъ очеркъ подъ названіемъ «Фабричныя пѣсни». Авторъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ существенныхъ свойствахъ фабричной пѣсни, въ ея источникахъ, поэтическихъ заимствованіяхъ отъ старой пѣсни и книжной поэзіи. Тѣмъ не менѣе и его личныя наблюденія, и записанные имъ образцы представляютъ научный интересъ, особенно теперь, когда у насъ въ Россіи стали внимательно присматриваться къ условіямъ и процессу народнаго поэтическаго творчества, не только въ новыхъ лирическихъ пѣсняхъ, но и въ старыхъ эпическихъ.

Digitized by Google

Г. Смирновъ взглянулъ на новую пѣсню съ точки зрѣнія ея бытовыхъ условій.

Вслушиваетесь, говоритъ онъ, среди деревенской тишины въ деревенскія пѣсни и предъ вами раскрывается вся реальная обстановка, всѣ тѣ тревоги и мелочи повседневнаго быта, что создаютъ такъ называемую жизнь. Вы узнаете душу народа, все то, чѣмъ дышитъ онъ и волнуется, чѣмъ бьется его сердце. Пѣсня открываетъ вамъ то, чего не могли вы увидать глазами, чего не могли прочитать ни въ одной книжкѣ. Пѣсня живо отражаетъ въ себѣ и бытъ, и чувства, и весь внутренній, духовный міръ народа.

Мѣняются условія быта—мѣняется и пѣсня; выростаетъ народъ—выростаетъ и содержаніе, внутренній объемъ пѣсни. Пѣсня—это слѣпокъ съ души, проявленіе въ поэтической и музыкальной формѣ ея невидимыхъ измѣненій. По пѣснѣ можно судить о нравственномъ уровнѣ развитія народа.

Авторъ помнитъ живо то настроеніе, которое охватило его, когда онъ послѣ двухмѣсячныхъ скитаній по глухимъ деревнямъ суздальскаго уѣзда, попалъ въ концѣ лѣта въ фабричное мѣстечко. Онъ никогда до тѣхъ поръ не бывалъ на фабрикахъ. Былъ дивный осенній вечеръ, какіе бываютъ въ серединѣ сентября. Былъ, должно быть, праздникъ, потому что вся фабричная молодежь высыпала на улицу. Одни гуляли группами, другіе, собравшись кучкой подъ навѣсомъ сараевъ, пѣли пѣсни. И эти пѣсни, особыя, фабричныя пѣсни, какихъ ему не приходилось слышать дотолѣ, довершали настроеніе отъ такой картины шумливой, пестрой, свободной и смѣлой толпы. Онъ не записалъ тогда этихъ пѣсенъ, и только годъ спустя, когда опять сидѣлъ такой же осенью на другой фабрикѣ—въ Дулевѣ, занесъ на бумагу нѣкоторыя характерныя фабричныя пѣсни.

Фабрика выработала особую форму пѣсни—такъ называемую, «частушку». Но напрасно думаютъ, что фабричныя пѣсни только и состоятъ изъ частушекъ. Добрую половину слышанныхъ г. Смирновымъ фабричныхъ пѣсенъ составляютъ обыкновенныя, длинныя пѣсни. Съ нихъ и начнемъ.

Вопреки распространенному мнѣнію, что фабрично-заводская поэзія состоитъ изъ пошлыхъ, нехудожественныхъ пѣсенокъ, исключительно любовнаго содержанія, надо сказать, что лично г. Смирнову приходилось слышать во Владимирской губерніи далеко не пошлыя и безвкусныя пѣсни. Конечно, молодежь, которая, очевидно, и является слагательницей «частушекъ», не можетъ обойтись безъ любовныхъ темъ. Это вполнѣ понятно и естественно. Но въ «частушкахъ» просвѣчивается такъ много юмора, такъ много иногда мѣткихъ и художественныхъ сравненій, что и любовный элементъ, преобладающій тамъ, не опошляетъ ихъ. Что же касается длинныхъ пѣсенъ, то далеко не всѣ онѣ заняты любовью. Напротивъ, преобладающая нотка этихъ пѣсенъ совсѣмъ другая. Вотъ нѣсколько изъ наиболѣе любимыхъ и распространенныхъ пѣсенъ на фабрикѣ.

Digitized by Google

Голова ль ты моя удалая,
Долго ль буду тебя я носить?
А судьба ль ты моя лиходѣйка,
Загубила меня молодца.
Молодую ты жизнь загубила
И въ могилу меня призвела [1]).
Для чего я съ тюрьмою спознался,
Для чего родила меня мать?
Для того ль, чтобъ сидѣть въ этой клѣткѣ
И тюремную жизнь проклинать?
Просидѣвши два года въ острогѣ,
Обложилось угрями лицо.
Посмотрите, что стало со мною,
Гдѣ дѣвалась моя красота,
Гдѣ дѣвался тотъ прежній румянецъ,
Черный локонъ кудрявыхъ волосъ?
Знать, помру на тюремной подушкѣ,
Похоронятъ меня кое-какъ.
И за эту ль за смертью моею
Не восплачетъ родимая мать!

Вотъ одна изъ варіацій о Стенькѣ Разинѣ:

Близъ какъ города Симбирска
Думы думаетъ Степанъ:
Вся казачья рать разбита,
Уцѣлѣлъ лишь атаманъ.
И своей казачьей силой
Рать онъ царскую разбилъ,
Всѣхъ бояръ—дворянъ московскихъ
Въ три погибели сломилъ...

* * *

Словно въ морѣ въ часъ приволья
Площадь Красная шумитъ.
А въ дали тамъ что такое?
Плаха черная лежитъ.
Плаха черная, чернѣя,
Далеко кидаетъ тѣнь;
Вдругъ народъ заколыхался,
Проложилъ дорожку путь.

---

[1]) Соблюдаемъ мѣстныя выраженія.

Digitized by Google

* * *

Гдѣ жъ нашъ Стенька,
Гдѣ же Разинъ,
Гдѣ же славный атаманъ?
А по той узкой дорожкѣ
Стеньку Разина ведутъ.
Онъ въ лицѣ не измѣнился—
Что ведутъ на смерть—убой.
Поклонился онъ народу,
Помолился на соборъ;
И палачъ въ рубашкѣ красной
Высоко занесъ топоръ.
И въ одинъ тутъ мигъ слетѣла
Съ атамана голова.

Нотка о тюрьмѣ, о злой неволѣ постоянно звучитъ въ фабричныхъ пѣсняхъ.

Зачѣмъ я встрѣтился съ тобою,
Зачѣмъ увидѣлъ я тебя?
Знать, мнѣ назначено судьбою
Идти въ сибирскіе края! Ха—ха!
Пройдетъ зима, настанетъ лѣто,
Цвѣты въ поляхъ всѣ расцвѣтутъ,
А мнѣ, несчастному, въ то время
Желѣзомъ руки закуютъ. Ха—ха!
И буду я въ тюрьмѣ томиться,
Но не забуду я тебя.
А ты здѣсь будешь веселиться
И позабудешь про меня.

Или переложеніе извѣстнаго стихотворенія Пушкина «Узникъ».

По волѣ летаетъ орелъ молодой,
Летамши по волѣ, добычу искалъ,
Нашедши добычу, самъ въ клѣтку попалъ.
Сидитъ за рѣшеткой орелъ молодой,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,
Клюетъ и бросаетъ, самъ смотритъ въ окно.
Летаетъ по волѣ товарищъ его:
«Товарищъ мой вѣрный, давай улетимъ».
— «Лети, мой товарищъ, а я за тобой,
Гдѣ солнце не свѣтитъ, луна никогда,
Тамъ ходитъ—гуляетъ красотка моя,
Она тамъ гуляетъ съ донскимъ казакомъ».

Digitized by Google

За мотивами грустно-тюремными слѣдуютъ мотивы о несчастной любви, о разлукѣ. Въ этихъ пѣсняхъ положеніе женщины рисуется въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ деревенскихъ пѣсняхъ.

Во туманѣ во лужкахъ
Дѣвица гуляла,
Ее маменька родная
Назадъ ворочала:
«Воротись, дочка, назадъ,
Послушай совѣту!»
— «Я совѣта твоего,
Мать, не понимаю,
Я улана-молодца
Съ тобой не сравняю.
У улана конь гнѣдой,
Вороная грива.
— Если хочешь быть женой,
Повѣнчаюсь живо!
Черезъ годъ дочка идетъ
Къ маменькѣ родимой,
На рукахъ она несетъ
Свою дитю милу.
«Посмотри-ка, маменька,
Какая большая!
Она будетъ тебя звать
Бабенька родная».
«Ты ступай, дочка, туда,
Съ кѣмъ совѣтъ имѣла».
— «Но куда жъ я покажусь—
Всѣмъ я надоѣла.
Безъ поры то, безъ времени,
Весь свѣтъ облетѣла».

Если фабричная женщина и терпитъ горе отъ того, что хочетъ быть свободной, независимой отъ кого бы то ни было, то нельзя сказать, чтобы она не имѣла права на эту свободу. Она, какъ замѣчаетъ авторъ, далеко ушла впередъ отъ подневольной деревенской женщины; она имѣетъ свои сужденія, свой взглядъ на жизнь. И эти сужденія показываютъ въ ней много самостоятельности, силы и сознанія собственнаго достоинства.

Ходила я дѣвица по малинку,
Наколола ноженьку на былинку,
Стала моя ноженька ныть и болѣть.
Болитъ моя ноженька, да не больно,
Любилъ меня миленькій, да не долго,
Не долго, не мало—три годочка.

Digitized by Google

Уѣхалъ мой миленькій въ городочекъ.
Со всѣми подружками распростился,
А со мною дѣвицей постыдился,
А я за нимъ дѣвица не гонюся,
Пущай, пущай гонится онъ за мною,
За моею русою за косою.
Коса ль моя косынька коротенька,
А я у васъ, маменька, молоденька!

Вотъ главные мотивы большихъ фабричныхъ пѣсенъ, какія автору пришлось слушать въ Дулевѣ. Записана у него еще одна пѣсня, въ другомъ духѣ. Это юмористическая, потѣшная пѣсенка, съ чрезвычайно красивой, веселой музыкой, съ игривымъ припѣвомъ. Говорятъ, что она самаго недавняго происхожденія. Очень можетъ быть, думаетъ г. Смирновъ, что въ ней заключается намекъ на какое-нибудь мѣстное происшествіе, а можетъ быть и просто аллегорія.

Идетъ козелъ съ моста,
Его дѣвки хвалятъ,
По головкѣ гладятъ:
Какой козелъ головастый,
Какой козелъ бородастый!
Съ головы козелъ--полковникъ,
Съ бороды козелъ—купецъ,
Съ заду козелъ—фабричный молодецъ.
У бабушки козелъ,
У Варварушки—другой.
Сингарина, сингарина,
У Варварушки—другой!
Онъ подъ печкою живалъ,
Стару бабушку ругалъ.
Сингарина, сингарина,
Стару бабушку ругалъ!
Онъ за то ее ругалъ.
Сварить—не угодитъ,
Испечетъ—подожжетъ.
Сингарина, сингарина и т. д.
Просился козелъ у бабушки
Въ лѣсочекъ.
Пускала козла бабушка,
Уговаривала.
Сингарина, сингарина и т. д.
«Ты иди, иди, козелъ,
На единый па часокъ!»
На встрѣчу козлу

Digitized by Google

Идутъ семь козловъ
Сингарина и т. д.
«Ты давай, козелъ, поборемся,
Мы поборемся—уговоримся:
И коломъ не бить,
И колѣномъ не давить».
Сингарина, сингарина и т. д.
Схватилъ волкъ козла
Поперекъ живота,
Сингарина и т. д.
Ударилъ козла объ дороженьку:
Куда ножки, куда рожки,
Гдѣ головушка лежитъ.
Сингарина и т. д.
Его ноги на дорогѣ,
Голова лежитъ въ кусту.

Что касается «частушекъ», этой новой фабричной пѣсни, то всѣ онѣ поются, подъ рядъ, подъ одинъ и тотъ же аккомпаниментъ гармоники.

Пиджачокъ—коротокъ,
Его не наставишь,
Меня миленькій не любитъ,
Сильно не заставишь.

* * *

Платьице бордовенько
По полу мететься.
Кто ноги моей не стоитъ,
Надо мной смѣется.

* * *

Я надѣну платье бѣло
И по фабричкѣ пройду,
Что тачильщику [1]) за дѣло,
Что конторщика люблю.

* * *

Что ты, милый, чай не пьешь?
Рому не поставлю.
Иль любить меня не хошь—
Сильно не заставлю.

---

[1]) Рабочій на фарфоровой фабрикѣ.

Digitized by Google

* *
*

Не ходи, милъ кудреватый,
Мимо мово сада,
Не топчи, милъ кудреватый,
Душистую мяту.
Я не для тебя садила,
Не для тебя поливала,
Для того я садъ садила,
Кого я любила,
Для того я поливала,
Кого цѣловала.

* *
*

За любовными «частушками» слѣдуютъ сатирическія самаго разнообразнаго содержанія. Тутъ есть пѣсенки, гдѣ парни смѣются надъ дѣвками или наоборотъ, гдѣ фабричные высмѣиваютъ фабричную администрацію или фабричные порядки.

Полно, Аннушка—сударушка,
Глазочки наводить,
Пойдемъ, Аннушка—сударушка,
По городу ходить.

* *
*

Двѣ сестрицы Катеньки,
Головушки гладеньки,
Ходятъ—веселятся,
Любятъ цѣловаться.

* *
*

Пришли дѣвки къ поле жать,
Позабыли серпы взять,
Серпы взяли—хлѣбъ забыли,
Чтобъ ребята съ ними были.

На насмѣшки парней дѣвицы отвѣчаютъ съ своей стороны насмѣшками.

У Дубковскихъ [1]) ребятъ
Шапочки хивинки,
А въ сусѣкѣ то муки
Нѣту не пылинки.

---

[1]) Записано въ с. Дубкахъ, откуда много уходятъ на фабрику въ Орѣхово-Зуево.

Digitized by Google

* *
*

Какъ Дубковскіе ребята
Всѣ пошили дипломаты,
Размахнули они полы,
А колѣнки у нихъ голы.

* *
*

Изъ Дулева есть тропа,
Шла въ Коротково [1]) шентропа,
А мой милый напередъ,
Подъ гармонь пѣсни оретъ.

* *
*

Или фабричныя дѣвицы хвалятся передъ деревенскими:

Какъ въ Коротковѣ—рожь—
Пятьдесятъ дѣвокъ за грошъ,
А въ Дулевѣ—пшеница—
Сто рублей одна дѣвица.

Слѣдующая пѣсенка говоритъ о какомъ-то случаѣ на фабрикѣ.

Какъ Дулевскіе приказчики
Положили руки въ ящики,
У хозяевъ выкрали часы
И товарцу много запасли.

Приводимъ, наконецъ, плясовыя пѣсни, подъ аккомпаниментъ которыхъ танцуютъ кадриль, или, такъ называемаго, «чижика». Это—родъ кадрили, только съ нѣкоторыми варіаціями. Всѣ танцующія дѣвицы ходятъ и поютъ подъ аккомпаниментъ гармониста одинъ куплетъ нѣсколько разъ, пока не кончится фигура:

Среди поля стоитъ ель,
Начинается кадрель.
Надоѣли намъ кадрели,
Надо польку танцовать.

* *
*

Чижикъ, чижикъ, чижичекъ,
Маленькій воробушекъ.
Ай, дѣвицы, мало васъ,

---

[1]) Деревня около Дулевской фабрики.

Digitized by Google

Красавицы, мало васъ.
При компаньѣ очень мало,
Веселиться не съ кѣмъ стало;
Я васъ, барышни, люблю
Во компаньицу введу.

* *
*

Ай, подружка потайная,
Давай вмѣстѣ горевать,
Твово милаго забрѣютъ,
И мому не миновать.
Пойдемъ вмѣстѣ провожать,
Мы проводимъ до лѣсочку,
Поцѣлуемъ по разочку.

* *
*

Пошла Катя по воду,
Ко колодцу къ новому,
Опустила кольцо въ воду,
Кольцо именное.
За нимъ дѣвица идетъ,
Поцѣлуетъ, прочь пойдетъ.

* *
*

Здорово, братъ служивый,
Ты куришь ли табакъ?
И трубочка не дивня,
Давай курнемъ разокъ.
Собой она красива,
Разбита на войнѣ.
На память командира
Досталась трубка мнѣ.

* *
*

Какъ по улицѣ мятелица мятетъ,
За мятелицей мой миленькій идетъ.
На Сашу, на Машу бѣда,
На Миколюшку не маленькая.

Digitized by Google

Бѣглый солдатъ.

(Народная пѣсня).

Что вились, да вились мои кудеречки,
Что заслышали—завились да не ко времечку,
Что заслышали кудеречки на себя горе великое,
То несчастное, превеликое да солдачество...
Что хотятъ-то меня, да добра молодца
Во солдатушки отдать, да противъ волюшки.
Пристоялись рѣзвы ноженьки, что на крѣпкомъ караулѣ;
Придержались мои рученьки за военну востру саблюшку;
Приглядѣлись очи ясныя за Дунай за быстру рѣченьку,
На родимую сторонушку.
Я задумалъ молодой солдатъ съ караулу убѣжать.
Я полями-то бѣжалъ—все я опасался,
Я дорогами бѣжалъ—все я торопился,
Я болотами бѣжалъ—весь перемарался;
А лѣсами я бѣжалъ—весь я оборвался...
Прибѣжалъ какъ добрый молодецъ
На родимую сторонушку—
Попросился ночевать:
—Ты желанный, родной батюшка—
Пусти меня ночевать!
Ты желанна моя матушка,
Пусти хоть обсушиться.
Не пустите обсушиться—
Такъ пустите обогрѣться!
—Мы бы рады, дитятко,
Пустить ночевати,
Да боимся, дитятко,
Царя—Государя.
Ты поди-ко, дитятко,
Во далеко чисто полюшко;
Во далеко чисто полюшко,
Да на высоку—круту горушку.
Ты ночуешь, наше дитятко,
Подъ ракитовымъ тамъ кустикомъ.
Буенъ вѣтеръ осушитъ тебя,
Обогрѣетъ красно солнышко.
Ты поди-ко, наше дитятко,
Снова въ службу, снова въ царскую,
Ты служи-ко Царю Бѣлому,
Служи вѣрой, служи правдою.

Записалъ въ Вологодской губерніи **Ал. Фл. Соболевъ.**

Digitized by Google

Праздникъ Покрова у крестьянъ Двиницкой волости.

Матеріалы для народнаго календаря.

Праздникъ Покрова Богородицы, празднуемый 1 октября, можно назвать отчасти дѣвичьимъ праздникомъ. По вѣрованію крестьянъ Двиницкой волости Кадниковскаго уѣзда, этотъ праздникъ считается покровителемъ свадебъ. Почти каждая дѣвица-невѣста, ложась спать наканунѣ этого дня, молится: «Батюшко Покровъ, покрой мою голову платкомъ!» Въ этотъ праздникъ въ церкви за литургіей бываетъ среди молящихся много дѣвицъ-невѣстъ, и почти каждая ставитъ празднику свѣчку и молится, по словамъ крестьянъ, о болѣе скоромъ выходѣ замужъ и о хорошемъ мужѣ.

Нѣкоторые хозяева въ этотъ день затыкаютъ кое-гдѣ пазы стѣнъ мохомъ и приговариваютъ: «Батюшко Покровъ, покрой нашу избу тепломъ, хозяина добромъ!»

1 октября почти каждый крестьянинъ закармливаетъ свою скотину на зиму. Послѣдній овсяный снопъ съ поля обыкновенно не молотится, онъ приносится въ домъ и ставится на лавку въ передній уголъ, подъ образа, гдѣ и стоитъ у иныхъ хозяевъ вплоть до 1 октября, у иныхъ же лишь всего недѣлю, и затѣмъ снопъ выносятъ въ кладовую, гдѣ онъ и хранится. Когда наступаетъ 1 октября, то, прежде чѣмъ скотинѣ задавать корму, ее закармливаютъ этимъ сбереженнымъ снопомъ немолоченнаго овса, т.-е. этотъ снопъ дѣлится по числу головъ и скармливается прежде всякаго другого корма. По вѣрованію крестьянъ Двиницкой волости, закармливаютъ скотъ на случай, если не хватитъ на зиму корму, чтобы скотъ лучше могъ перенести голодовку.

Первое октября считается также иногда срокомъ при наймѣ лѣтнихъ рабочихъ; впрочемъ, въ послѣднее время все чаще и чаще нанимаютъ съ условіемъ до конца лѣтнихъ работъ: т.-е., какъ кончатъ молотьбу, такъ и конецъ службѣ.

Пр. Дилакторскій.

Туркменская пѣсня про взятіе Геок-Тепé.

Съ туркменскаго.

(Записана въ Ахал-Текинскомъ оазисѣ, въ селеніи „Кипчакъ").

Нижеприводимая пѣсня записана не лично мною: съ нею впервые познакомилъ меня Ахмед-бекъ Эфендіевъ, переводчикъ при Начальникѣ Закаспійской области, которому она была когда-то написана покойнымъ Муллою Аннакомъ [1]) изъ сел. Кипчакъ (верстахъ въ 7—10 отъ Асха-

[1]) Слово *Аннáк* въ переводѣ съ туркменскаго означаетъ уменьшительное существительное отъ слова *пятница*.

Digitized by Google

бада, по направленію къ Красноводску). По этой-то записи Муллы Аннака, карандашемъ, на поллистѣ писчей бумаги, мною и сдѣланъ настоящій переводъ. Причемъ, въ виду того, что списокъ вообще изобиловалъ большимъ количествомъ погрѣшностей въ правописаніи, въ нѣкоторыхъ затруднительныхъ случаяхъ я пользовался при переводѣ любезнымъ содѣйствіемъ г. Эфендіева, которому поэтому и считаю долгомъ принести свою благодарность.

Переводить я старался, по мѣрѣ возможности, близко къ подлиннику, преслѣдуя въ то же время и другую цѣль—сохранить то общее настроеніе, которое пѣсня имѣетъ въ оригиналѣ.

Къ намъ пришли невѣрные стройными рядами,
Изъ пушекъ, ружей яростно стрѣляя.
Ужъ двадцать лѣтъ, какъ это было.
Здѣсь и тамъ сломила сила силу,
И Богъ, защита наша, увы! оставилъ насъ,
И рѣкой пролилась наша кровь.
Враговъ увидя, улетѣла сила духа;
И Конемъ Осѣдланнымъ сраженный
Въ прахѣ палъ Бозцъ-Баранъ [1]).
Огнемъ спалили крѣпость нашу,
И силы, храбрости не стало у мужей.
Съ народомъ вмѣстѣ уничтожена мечеть,
И съ «Ходма-Сеидомъ», древнимъ витяземъ,
Въ разлукѣ вѣчной сталъ «Теке» [2]).
У горъ разбросанныя кочевья,
Веселье свадебъ нашихъ,
Ковры, постели, конскія сбруи
И изъ бѣлыхъ кошмъ кибитки,
Серебро и золото нарядовъ женскихъ,—
Все разбито было, все взято,
И сталъ ограбленнымъ безпомощный «Теке»,
И на вѣкъ дѣтей отъ взрослыхъ разлучили.
Подвели подкопъ «невѣрные», крѣпость пала,
И, плѣна избѣгая, бѣжали мы въ пустыню,

---

[1]) Поэтическое олицетвореніе русскихъ подъ именемъ „осѣдланнаго коня“ и текинцевъ подъ именемъ „барана-бойца“ (kòr) встрѣчается въ другихъ памятникахъ народнаго творчества туркменъ.

[2]) Племя „Ходма-Сеидъ“ считаетъ себя выходцами изъ Аравіи и потомками Аравійскаго Пророка. Среди различныхъ туркменскихъ племенъ, населяющихъ Закаспійскую область, это племя составляетъ какъ-бы духовную касту. и текинцы (да и прочія туркменскія племена также) никогда не вступаютъ въ кровное родство съ представителями этого племени, равно также и послѣдніе никогда не вступаютъ въ браки съ женщинами другихъ племенъ и родовъ. Послѣ русскаго погрома туркменскихъ степей „Ходма Сеиды“ обитаютъ разбросанно между туркменами Ахалъ-Текинскаго и Мервскаго оазисовъ.

Digitized by Google

Подъ каждымъ кустикомъ травы степной
Оставляя трупы павшихъ,
Которыхъ было—сотня тысячъ;
И лишь немного плѣнныхъ избѣжали смерти рукъ.
Побѣдители-невѣрные «урусами» звались.
За ними грабить насъ спѣшили шіиты и сунниты [1]),
Красныхъ дѣвушекъ и женщинъ похищая.
Гранаты, бомбы насъ врывали въ землю,
И руки, ноги лежали всюду по степи.
Кто сына оплакивалъ, кто дочь,
И всѣ другъ съ другомъ разлучились.
«Не упрекай меня во лжи!» пѣвецъ сказалъ:
«На холмѣ Геок-Тебинскомъ кровь пролитая
«Тому свидѣтелемъ, что пѣлъ я.
«Въ мірѣ жалкимъ плѣнникомъ сталъ Теке,
«И имя доброе его безславнымъ стало!»

А. Семеновъ.

Персидское заклинаніе противъ болѣзней.

Съ персидскаго.

Нижеприводимое мною,—въ переводѣ,—заклинаніе, или заговоръ, взято изъ старой и очень дефектной, мѣстами перебитой рукописи, подаренной мнѣ мервскимъ коммерсантомъ М. А. Аствацатуровымъ.

Эта засаленная рукопись, писанная очень хорошимъ почеркомъ (*нáсхомъ*), содержитъ въ себѣ собраніе *мäнтäр*'овъ [2]) или заговоровъ на разные случаи человѣческой жизни; къ сожалѣнію, всѣ они, за исключеніемъ нижеприводимаго, не имѣютъ либо начала, либо конца. Повидимому, рукопись составляла неизбѣжную принадлежность какого-нибудь изъ дервишей, которые, странствуя изъ конца въ конецъ обширнаго

---

[1]) Послѣ паденія Геок-Теопе, по разсказамъ очевидцевъ, разбитыхъ туркменъ-текинцевъ бросились грабить и убивать также Нухурцы, Мурча *) (два племени, повидимому, не тюркскаго происхожденія, обитающія нынѣ въ Асхабадскомъ и Красноводскомъ уѣздахъ, въ приграничной съ Персіей полосѣ) и Курды разныхъ горныхъ округовъ сосѣдней Персіи, на которыхъ до сего времени обрушивалась вся тяжесть туркменскихъ аламановъ.

[2]) Слово *мäнтäр* въ персидскомъ и афганскомъ *(мантар)* языкахъ означаетъ собственно *чары, чародѣйство, колдовство, волшебный заговоръ* и перешло въ эти языки изъ санскритскаго „мантра."

---

*) О нихъ см.: „Обзоръ Зак. области съ 1882 по 1890 годъ"; 2-е изд. 1897 года, стр. 17—18 и Гродекова „Война въ Туркменіи", т. II, стр. 100.

Digitized by Google

Хорасана и по сосѣднимъ съ послѣднимъ странамъ: Бадахшану, Закаспію и Бухарѣ, помимо руководительства духовной жизнью правовѣрныхъ, занимаются также прорицательствомъ и чародѣйствомъ.

«Во имя Бога Милостиваго и Милосердаго! Именемъ Господа, Цѣлителя болѣзней, именемъ Господа, удовлетворяющаго просьбы, именемъ Господа, хранителя здоровья, владыки величія и совершенства тѣлеснаго, которому подобаетъ почетъ и слава; святостью Давуда - Побѣдителя, святостью Сулеймана—Могущественнаго, сына Давуда, святостью Ибрагима—Милостиваго, святостью Исмаила превыше всѣхъ превознесеннаго, святостью Исхака—Единственнаго, святостью Я'куба—Непобѣдимаго, святостью Юсуфа—Правдиваго, святостью Эйюба—Терпѣливаго, святостью Закарріи—сохраняющаго тайну, святостью Яхъи—Провидца, святостью Мусы—Раскрывателя судебъ, святостью Гаруна—Свидѣтеля, святостью Исы, къ которому взываютъ о помощи, святостью Шо'аиба—Великаго, святостью Мухаммада-Мустафы—Избраннаго, вождя и покровителя, святостью Льва Господня [1]) побѣждающаго, къ которому обращаются за помощью [2]), наложилъ я, о Боже Единый, не имѣющій другого, подобнаго себѣ, Боже, прибѣжище мое, ни съ кѣмъ не сравнимый, запрещеніе на красный, бѣлый, голубой, великій и малый вѣтры, на вѣтеръ, приносящій губительныя болѣзни, на Аргемишъ [3]) вѣтеръ, на вѣтеръ раздора, на вѣтеръ злобы, на хилва [3]) вѣтеръ, на вѣтеръ чистый и освѣжающій и на вѣтеръ нечистый, на знойный и холодный вѣтры и на всякій вѣтеръ, который служитъ источникомъ болѣзней, и на всякую болѣзнь, величина которой подобна горѣ Демавенду [4]), пусть всѣ они выйдутъ вонъ изъ головы, лица, глазъ, рта, зубовъ, ушей, шеи, груди, боковъ, живота, жилъ, ногъ, мускуловъ, кожи костей, и изъ всѣхъ семи членовъ тѣла этого больного человѣка! Пусть онъ исцѣлится и получитъ покой во имя достоинствъ: Торы Мусы, Евангелія Исы, Псалмовъ Давуда и Корана Мухаммеда Мустафы (да благословитъ и да спасетъ его Господь)!

О, вѣтеръ, о болѣзнь, если вы слышите, если вы повинуетесь имени Господа, Айюхуни, Айюхуни [3]), оставьте, покиньте тѣло, жилы и кости этого немощнаго человѣка.

---

[1]) Т. е. Алія, четвертаго халифа и національнаго героя и святого не только шіитовъ, но и всѣхъ вообще иранцевъ-мусульманъ.

Всѣ предыдущія имена представляютъ собою названія библейскихъ пророковъ и патріарховъ; имя *Шо'аибъ* въ Коранѣ и Хадисахъ означаетъ тестя Моисея, библейскаго Іоѳора, *Иса*—означаетъ Іисуса Христа, *Яхъ'я*—Іоанна Крестителя.

[2]) До сихъ поръ въ оригиналѣ все написано по-арабски, далѣе слѣдуетъ персидскій текстъ.

[3]) Всѣ эти слова по значенію мнѣ неизвѣстны; обращался я за разъясненіемъ ихъ ко многимъ ученымъ персіанамъ, и мулламъ изъ разныхъ мѣстностей, но всегда получалъ одинъ отвѣтъ, что это есть „эстелâh" (особые термины заклинаній).

[4]) Потухшій вулканъ въ группѣ Эльбурсъ (въ Персіи) и вмѣстѣ съ тѣмъ высочайшая вершина въ ней (5.669 м.).

Digitized by Google

Отнынѣ [1]) мы положили преграду впереди и позади вѣтровъ и болѣзней, покрыли ихъ покрываломъ, чтобы они стали невидимы; мы призываемъ изъ Корана все то, что есть облегченіе и милость для вѣрующихъ, и то, что приноситъ угнетателямъ гибель. О, Боже, слышащій слышащихъ, ходатай заступниковъ, видящій смотрящихъ, призирающій неимущихъ, путеводитель блуждающихъ, питатель даже ничтожныхъ изъ тварей, лучшій изъ защитниковъ, Ты, Который сохраняешь здоровье, сохрани послѣднее и у этого больного; Ты, Который все видишь, призри на него; Ты, Который избавляешь отъ болѣзней, да избавишь и этого человѣка по милосердію своему, Милосердый изъ милосердыхъ!

А. Семеновъ.

---

[1]) Съ того мѣста до конца въ оригиналѣ по-арабски.

Digitized by Google

Критика и библіографія.

L. de Milloué, Conférences au Musée Guimet 1898—1899. Paris, Leroux, 1902 (Annales du Musée Guimet. Bibliothèque de vulgarisation).

Предисловіе къ названной книжкѣ написано учредителемъ и директоромъ музея Гиме въ Парижѣ, извѣстнаго подъ закрѣпившимся за нимъ въ широкихъ кругахъ названіемъ Musée des Religions. Въ нѣсколькихъ страницахъ E. Guimet старается опредѣлить точно характеръ своего музея, разнородность коллекцій котораго нерѣдко вызывала недоумѣніе: историки религіи не умѣли объяснить себѣ присутствіе въ музеѣ произведеній искусства и керамики восточно-азіатскихъ народовъ, оріенталисты удивлялись римскимъ и гальскимъ коллекціямъ и т. д. Г. Гиме возстаетъ и противъ названія музея этнографическимъ. «Этнографія, пишетъ онъ, сестра антропологіи, изучаетъ дѣятельность человѣка физическаго (étudie les actes du corps humain) и отвѣчаетъ на вопросъ, какъ живетъ человѣкъ. Мы же изслѣдуемъ дѣятельность интеллекта (les actes de l'intelligence) и хотимъ знать, какъ человѣкъ думаетъ. Нашъ музей—собраніе идей; въ немъ можно прослѣдить исторію человѣческой мысли. Поэтому, наши коллекціи касаются вѣрованій, философскихъ системъ, исторіи, словесности, искусства во всѣхъ его проявленіяхъ». Къ этому надо добавить, что знаменитыя своей цѣнностью собранія музея касаются исключительно цивилизацій древности и Востока. Опредѣленіе музея со стороны его почтеннаго учредителя, конечно, весьма интересно. Также интересна и дѣятельность музея. При немъ издаются слѣдующія изданія: 1. Annales du Musée Guimet, въ которыхъ печатаются переводы текстовъ, описаніе памятниковъ съ планами и иллюстраціями. 2. Bibliothèque d'études. 3. Bibliothèque de vulgarisation. 4. Revue de l'histoire des religions, выходящая 6 разъ въ годъ и дающая, кромѣ интересныхъ статей, серьезныя библіографическія статьи и замѣтки по вопросамъ, касающимся изученія религій. До 1902 г. изданія музея Гиме насчитывали болѣе 100 томовъ. Музей охотно дѣлился ими съ учеными обществами всѣхъ странъ. Съ 1898 г. при музеѣ началось чтеніе популярныхъ лекцій, въ которомъ сначала принимали участіе ученые хранители музея гг. de Milloué и Deshayes. Мало-по-малу музей привлекъ къ этимъ чтеніямъ

Digitized by Google

рядъ извѣстныхъ именъ: I. Réville, Sylvain Lévi, Chavannes, Ph. Berger, S. Reinach, Pottier и др. Въ качествѣ лектора выступалъ не разъ и учредитель музея. Публичныя лекціи, прочтенныя де Миллуэ въ 1898—99 гг., составили т. XII-ый Bibliothèque de vulgarisation музея Гиме. Къ публичнымъ чтеніямъ, разсчитаннымъ на широкій кругъ слушателей, нельзя предъявлять требованій глубокаго и серьезнаго обсужденія вопросовъ. Книжка можетъ съ интересомъ прочитаться тѣмъ кругомъ публики, на который были разсчитаны лекціи. Коснувшись весьма важныхъ и спорныхъ вопросовъ въ исторіи вѣрованій, какъ то: идеи Бога, представленія о существованіи души, религіозныхъ символовъ Востока и т. д., лекторъ иллюстрируетъ свою мысль примѣрами, преимущественно изъ религіозныхъ воззрѣній индусовъ браманистовъ, буддистовъ и представителей разныхъ сектъ, но сопоставляетъ ихъ также съ проявленіями религіозной мысли древнихъ грековъ и римлянъ, маздеистовъ, народовъ крайняго Востока и др. Основательность знаній де Миллуэ, двадцать пять лѣтъ работавшаго въ музеѣ Гиме, сквозитъ въ его чтеніяхъ; но краткость, налагаемая требованіями времени, стремленіе къ доступности отразились на лекціяхъ и сдѣлали ихъ менѣе содержательными, чѣмъ онѣ могли бы быть. На нѣкоторыхъ положеніяхъ де Миллуэ мы всеже остановимся. Въ ряду многочисленныхъ гипотезъ и теорій, касающихся исторіи религій и развитія вѣрованій, взгляды отдѣльныхъ ученыхъ представляютъ несомнѣнно интересъ, хотя бы и не всегда или не вполнѣ можно было съ ними согласиться. Религія, такъ опредѣляетъ де Миллуэ, состоитъ изъ трехъ элементовъ: изъ вѣры въ существованіе одного или нѣсколькихъ существъ, стоящихъ выше человѣка, способныхъ оказывать на него и на природу доброе или дурное дѣйствіе—вѣры въ Бога или боговъ; изъ догмъ и, въ третьихъ, изъ обрядовъ или культа. Изъ этихъ трехъ элементовъ самый важный—вѣра въ высшее или въ высшія существа, потому что, говоритъ де Миллуэ, названіе религіи всеже можно дать смутнымъ вѣрованьямъ безъ догмъ, какія встрѣчаются у большинства некультурныхъ народовъ, и безъ освященнаго обычаемъ ритуала, какими являются вѣрованья у народовъ, наиболѣе примитивныхъ. Такимъ образомъ, основой всякой религіи является понятіе о божествѣ. Указавъ вкратцѣ главнѣйшія теоріи относительно происхожденія этого понятія, выводящія его изъ откровенія, поклоненія свѣтиламъ, явленіямъ природы, анимизма, де Миллуэ считаетъ невозможнымъ примкнуть къ какой бы то ни было изъ нихъ. Говоря объ откровеніи, де Миллуэ замѣчаетъ, что извѣстны въ настоящее время «три откровенія, имѣющія одинаковыя права на историческую подлинность: откровенія іудейское, маздеистское и браминское». Кромѣ того, подобныя же писанія могутъ быть открыты со дня на день въ египетскихъ и ассирійскихъ текстахъ. Несмотря на многочисленныя аналогіи между откровеніемъ еврейскимъ и маздеистскимъ, трудно предположить здѣсь заимствованіе. Что касается до сабеизма, сыгравшаго, безъ сомнѣнія, большую роль въ созданіи миѳовъ, немыслимо предположить, чтобы наблюденіе надъ свѣтилами оказалось

Digitized by Google

источникомъ религіознаго чувства: такое наблюденіе требуетъ внимательности и исчисленій, недоступныхъ первобытному человѣку. Относительно «натурализма», т. е. поклоненія явленіямъ природы какъ дѣйствіямъ существъ, управляющихъ ими, или мѣстопребыванію благодѣтельныхъ духовъ, де Миллуэ замѣчаетъ, что къ явленіямъ природы, иногда даже страшнымъ и поразительнымъ, современный некультурный человѣкъ, напр. крестьянинъ, остается удивительно равнодушнымъ. Трудно допустить, чтобы первобытный человѣкъ, едва вышедшій изъ полуживотнаго состоянія, занятый почти исключительно мыслью о пропитаніи, удѣлялъ имъ настолько вниманія, чтобы приписывать ихъ волѣ существъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ онъ. Кромѣ того, у первобытнаго человѣка всѣ представленія должны были быть конкретными, и едва ли онъ могъ подняться до абстрактнаго представленія о божествѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, длинный рядъ послѣдовательныхъ конкретныхъ представленій привелъ его, наконецъ, къ понятію о божествѣ даже такомъ, какимъ рисуютъ его первобытныя миѳологіи. «Натуралистическая» теорія, въ связи съ анимистической, легче другихъ объясняетъ очень многія миѳологическія представленія, но она непримѣнима къ божествамъ, олицетворяющимъ отвлеченныя понятія, напримѣръ, добродѣтели. Де Миллуэ считаетъ вопросъ объ источникѣ возникновенія понятія о божествѣ не рѣшеннымъ, хотя онъ и склоненъ думать, что анимизмъ, если и не можетъ считаться единственнымъ источникомъ идеи о божествѣ, всеже сыгралъ въ возникновеніи ея большую роль. Замѣтимъ, что говоря объ анимизмѣ, де Миллуэ придаетъ слишкомъ узкое значеніе слову фетишъ. Фетишъ, согласно его мнѣнію, служитъ лишь мѣстожительствомъ, оболочкой духа и самъ по себѣ не имѣетъ чудодѣйственной силы. Слово фетишъ вообще несчастное слово, привившееся въ литературѣ и вызывавшее разнорѣчивыя и нерѣдко ошибочныя толкованія. Но на разнообразныя воззрѣнія малокультурныхъ народовъ на фетишъ и на разнородныя отношенія къ нему часто въ средѣ одного и того же племени указывалось въ этнографической литературѣ. Во всякомъ случаѣ затруднительно отрицать, что предмету фетишу, какъ таковому, придается иногда сверхестественное могущество. Говоря о вѣрованьи въ существованіе души, де Миллуэ указываетъ, что это вѣрованье нельзя считать первоначальнымъ, что во многихъ случаяхъ оно является позднѣе возникновенія идеи о божествѣ и установленія извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ, особенно жертвоприношеній. Путешественники, замѣчаетъ де Миллуэ, зарегистрировали рядъ племенъ, у которыхъ представленія о душѣ вовсе не существовало «или носило такой рудиментарный характеръ, что его можно было отнести къ тому смутному чувству страха передъ сверхъестественнымъ, которое породило вѣру въ духовъ и привидѣнія». Источникомъ возникновенія вѣры въ существованіе души де Миллуэ считаетъ не отвлеченное умозрѣніе, на что онъ не считаетъ способнымъ дикаря, но конкретныя явленія, какъ напримѣръ, человѣческая тѣнь; явленія сна также могли вызвать представленіе о существованіи души. Представленіе о созданіи вселенной,

Digitized by Google

по мнѣнію де Миллуэ, также не можетъ считаться первоначальной и общей всему человѣчеству. Даже у древнѣйшихъ цивилизованныхъ народовъ космогоническія системы развились лишь въ позднюю сравнительно эпоху. Нерѣдко легенда, создавшаяся въ средѣ болѣе подвинутаго въ культурномъ отношеніи народа, переходитъ къ менѣе цивилизованному сосѣднему племени. Въ преданіяхъ о сотвореніи міра, сохранившихся въ священныхъ книгахъ и философскихъ системахъ разныхъ цивилизованныхъ народовъ, наиболѣе первобытнымъ мотивомъ, чаще всего встрѣчающимся къ тому же, является преданіе о созданіи міра божествомъ мужескаго или женскаго рода, существовавшимъ до этого и о происхожденіи котораго преданіе умалчиваетъ. Затѣмъ являются слѣдующіе мотивы: созданіе міра ex nihilo; созданіе его изъ матеріи, безъ обозначенія ея происхожденія и природы; созданіе его изъ хаоса волей или словомъ вѣчнаго бога; появленіе міра какъ слѣдствіе эволюціи вѣчной и неразрушимой матеріи подъ дѣйствіемъ непреложнаго вѣчнаго закона, являющагося силой не всегда разумной. Всѣ эти мотивы созданія міра встрѣчаются въ религіозныхъ и философскихъ системахъ Индіи. Одно изъ чтеній де Миллуэ было посвящено религіознымъ символамъ Востока въ связи съ символами языческой Европы. «Натуралистическая» школа, ошибки которой указаны де Миллуэ, не осталась безъ вліянія на него самого. Для боговъ Индіи онъ признаетъ выводы именно этой школы; они, по его мнѣнію, «персонифицируютъ силы и явленія природы, элементы жертвоприношенія, огня и возліянія», и, лишь признавая ихъ аллегоричность, возможно объяснить тѣ миѳы про индусскія божества, которыя могли бы иначе поражать своей безнравственностью. Миѳы нелѣпые, дикіе и безнравственные не признаются имъ, согласно антропологической школѣ, слѣдствіемъ «дикаго состоянія мысли». Миѳологія «это лишь традиціонная исторія родословной, дѣйствій и функцій, приписываемыхъ божествамъ воображеніемъ поэтовъ и благочестіемъ народа». Взглядъ на индусскія божества, какъ на олицетвореніе преимущественно явленій природы, сказался и на объясненіи де Миллуэ символовъ. Большинство изъ нихъ, по его мнѣнію, имѣютъ отношеніе къ солнцу, молніи и огню. Кругъ, дискъ, жерновъ, колесо, лукъ и стрѣлы—эмблемы солнца; трезубецъ, кадуцей, топоръ—символы молніи и пламени священнаго огня; треугольникъ символически изображаетъ огонь и т. д. Свастика, столь распространенный знакъ различныхъ народовъ за исключеніемъ семитскихъ, говоритъ де Миллуэ, обозначалъ огонь или скорѣе тѣ палочки, изъ которыхъ огонь вытирался. Онъ сталъ «символомъ вращательнаго движенія и отсюда символомъ солнца, вѣчнаго движенія и, наконецъ, молніи». У современныхъ индусовъ свастика символъ счастья и долголѣтія. Отличаютъ знакъ свастики и саувастики. Въ первомъ концы креста обращены направо и онъ считается мужского рода; въ саувастикѣ концы обращены влѣво,—рода женскаго—и въ Непалѣ у буддистовъ и въ Тибетѣ посвящены злымъ духамъ и имѣютъ гибельное дѣйствіе. Символы изъ животнаго міра объясняются де Миллуэ также согласно положеніямъ натуралистической

Digitized by Google

школы. Лошадь, символъ быстроты, олицетворяетъ подвижное пламя жертвеннаго огня; собака охраняетъ «небесныхъ коровъ (дождевыя тучи), птицы символизируютъ воздухъ и вѣтеръ; орелъ, соколъ, коршунъ и др. связаны съ солярными и огневыми миѳами, голубь—символъ небеснаго огня, павлинъ—звѣзднаго неба и т. д. Наиболѣе интересными показались намъ чтенія о взглядѣ на грѣхъ и добродѣтель и возмездіе за нихъ въ Индіи и о мистицизмѣ индусовъ.

В. Х—на.

Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. 1903. Heft 3. Въ названномъ журналѣ помѣщена небезынтересная замѣтка подъ заглавіемъ „Symbolische Wurfgeschosse in der portugiesischen Volksdichtung" стр. 317—320.

Между португальскими народными пѣснями встрѣчается множество пѣсенокъ, носящихъ названіе «*фаду*» (Fado). Онѣ состоятъ изъ четырехъ строчекъ, изъ которыхъ вторая и четвертая риѳмуются.

Пѣсенки эти обыкновенно импровизируются при всякомъ удобномъ случаѣ, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ настроеній и впечатлѣній, быстро распространяются въ народѣ, варьируются, принимаютъ всевозможные оттѣнки. «Фаду» поются и при сельскихъ работахъ, и на ярмаркахъ, и въ мастерскихъ; содержаніе ихъ бываетъ грустнымъ, радостнымъ, нѣжнымъ, насмѣшливымъ.

Въ цѣломъ рядѣ такихъ четверостишій развивается мотивъ бросанія влюбленнымъ предмету его симпатіи цвѣтовъ, камешковъ, фруктовъ, съ цѣлью привлечь къ себѣ вниманіе или выразить этимъ бросаніемъ волнующія душу чувства [1]).

Wie Geschirr ich musst abwaschen—
Hast mit Steinchen mich gestört.
Ziel mir lieber nach dem Herzen,
Wo die Mutter es nicht hört!
(Я посуду убирала—
Твой камешекъ помѣшалъ.
Цѣлься лучше имъ мнѣ въ сердце,
Чтобъ ни мать, никто не зналъ).
Ich warf mit der grünen Citrone
Bis sie anhielt vor deiner Tür.
Wenn schon die Citrone dich lieb hat,
Wie erst ich, der geworfen sie dir.
(Бросилъ я лимонъ зеленый,
Онъ вкатился въ дверь твою.
И лимонъ тебя ужъ любитъ,
Какъ же я тебя люблю)!
Ich warf mit der Lilie die Lilie
Zum Himmel warf ich sie gut
Da kam die Lilie herunter
Und fiel in meinen Hut.

[1]) Здѣсь и ниже приводятся нѣмецкіе и русскіе переводы нѣкоторыхъ португальскихъ „Фаду".

Digitized by Google

(Я лиліи лилію бросилъ,
Вверхъ лилію бросилъ свою,
А лилія снова упала
На шляпу тихонько мою.

Этому отдѣлу «фаду» посвящена въ журн. Revista lusitana 7,126—132 (1902) статья подъ заглавіемъ: „Symbolische Wurfgeschosse in portugiesischer Volkspoesie". Авторъ ея J. Leite de Vasconcellos старается опредѣлить символическое значеніе бросаемыхъ предметовъ и выяснить связь между настроеніемъ любящаго и тѣмъ предметомъ, который онъ бросаетъ. Поводомъ къ этой статьѣ послужило сочиненіе Gaidoz: La réquisition d'amour et le symbolisme de la pomme (Annuaire de l'Ecole pratique des hautes études, 1902 г. 5—33), въ которомъ авторъ, знатокъ народнаго быта и поэзіи, выясняетъ значеніе обычая бросанія въ юношу яблокомъ въ знакъ особеннаго къ нему расположенія. Обычай этотъ существуетъ и доселѣ у нѣкоторыхъ племенъ на островахъ Австраліи, отмѣченъ онъ и въ литературѣ древнихъ народовъ (Востока, Греціи, Рима).

Мотивъ бросанія цвѣтка или какого-нибудь предмета лицу, возбудившему нѣжныя чувства, не чуждъ и великорусскимъ народнымъ пѣснямъ. Чтобы привлечь къ себѣ вниманіе, напомнить о себѣ, выразить свой привѣтъ молодецъ бросаетъ дѣвушкѣ (и обратно) цвѣтокъ, вѣтку:

. . . . . шелъ Ваня хорошій,
Ваня былъ, кудреватый, холостъ, не женатый.
Онъ и рветъ и срываетъ розовый цвѣточекъ,
Онъ кидаетъ и бросаетъ къ милой на колѣни.

(Соболевскій т. IV. 382).

Да ходитъ она (дѣвица), гуляетъ по зеленомъ саду;
Да рветъ она, срываетъ сладкій бѣлый виноградъ;
Да мечетъ она, бросаетъ къ милому дружку въ кровать.

(Собол. т. V 621).

Предметъ бросанія въ великорусской пѣснѣ опредѣляется не только настроеніемъ, но и временемъ года:

Какъ по первой по порошѣ шелъ мальчикъ хорошій,
Не путемъ шелъ, не дорогой— чужою тропою...
. . . . . .
Набираетъ, нажимаетъ комъ бѣлаго снѣгу,
Онъ бросаетъ и кидаетъ дѣвушкѣ на колѣни.

(Соболев. т. IV 381).

Общность вышеупомянутаго мотива въ западно-европейскихъ и великорусскихъ пѣсняхъ можетъ послужить интереснымъ матеріаломъ для выясненія вопроса о символикѣ народныхъ пѣсенъ и о вліяніи на символическія черты тѣхъ условій быта, въ которыхъ складываются народныя пѣсни.

Е. Е.

Digitized by Google

A. Girault, Les Bambaras (Nouvelle Revue historique de droit français et étranger. 1903, № 1).

Статья проф. Жиро объ обычномъ правѣ африканской народности бамбаровъ составлена на основаніи матеріаловъ, собранныхъ на мѣстѣ французскимъ капитаномъ Lenfant, хорошо ознакомившимся съ обычаями туземцевъ. Небольшая статья эта представляетъ значительный интересъ. Этнографы, юристы и историки права за послѣднія десятилѣтія обратили особенное вниманіе на собираніе и разработку права некультурныхъ народовъ, сознавая огромное значеніе его для науки. Появилось множество статей и отдѣльныхъ работъ по этому вопросу. Укажемъ хотя бы на книгу Post'a, Afrikanische Iurisprudenz, Oldenburg v. Lpz. 1887; Clozel et Villamur, Les coutumes indigènes de la Côte d'Ivoire, Paris, 1902; Hellwig, Das Asylrecht der Naturvölker, Berlin, 1903, статьи Kohler'a въ Zeitsch. f. vergleichende Rechtswissenschaft, нѣкоторыя статьи въ Globus'ѣ за послѣдніе года и т. д. Обычное право бамбаровъ, народности, живущей между верховьями Сенегала и Нигера, было затронуто лишь весьма поверхностно въ вышепоименованной книгѣ Поста, который приводитъ всего четыре данныхъ изъ правовыхъ воззрѣній бамбаровъ. Въ статьѣ Жиро приведены нормы права, касающіяся собственности, наслѣдованья, семьи, наказаній за преступленія. Интересны взгляды бамбаровъ на собственность: при обширности земельной площади, занимаемой ими, существуетъ захватное пользованіе участками. Но личной собственности на землю не существуетъ; участками не мѣняются, не продаютъ ихъ. Начальники селенія или округа, состоящаго изъ нѣсколькихъ селеній, при распредѣленіи земель играютъ извѣстную роль; но они заинтересованы лишь въ томъ, чтобы подвластныя имъ лица правильно вносили подати, и потому слѣдятъ лишь за тѣмъ, чтобы каждая семья не слишкомъ мало обрабатывала землю. Что касается до продуктовъ своего труда, бамбаръ пользуется на нихъ полнымъ правомъ индивидуальной собственности. Онъ можетъ продать жатву, построенный имъ домъ, отдать этотъ послѣдній или часть его внаймы и т. д. Индивидуальная собственность признается и на оружіе и орудія, одежду, деревья, насаженныя даннымъ лицомъ, колодцы, рабовъ. Товарищества извѣстны бамбарамъ. Они, напримѣръ, составляютъ товарищество, чтобы вмѣстѣ купить скотъ и продать его затѣмъ на рынкѣ. Сомоны, племя, живущее среди бамбаровъ и занимающееся преимущественно рыбачествомъ и перевозомъ черезъ Нигеръ, устраиваетъ товарищества для обзаведенія лодками для перевоза. Ссуды подъ проценты практикуются преимущественно тѣми изъ туземцевъ, которые въ сношеніяхъ съ европейцами усвоили темныя стороны европейской цивилизаціи. Проценты достигаютъ цифры 100 въ мѣсяцъ. Денежной единицей близъ устья Нигера служитъ локоть (мѣра отъ локтя руки до оконечности пальцевъ) туземной матеріи. Раковины ужовки (Cypræa moneta), однако, все еще ходятъ у бамбаровъ вмѣсто денегъ. Въ ходу и бруски соли, длиной въ 1 метръ, шириной въ 30 сентим. и вышиной въ 4 сентим. Вѣсъ бруска около 30 килогр. Брусокъ дѣлятъ на куски для большаго

Digitized by Google

удобства при расплатѣ. Ходятъ также 5-ти франковыя монеты. Положеніе рабовъ у бамбаровъ сравнительно легкое. На нихъ смотрятъ зачастую какъ на членовъ семьи. Рабовъ, родившихся въ домѣ хозяина и выросшихъ въ немъ, не рѣдко отпускаютъ на волю. Иногда рабу даютъ возможность заработать себѣ на сторонѣ и выкупить себя у хозяина. Несмотря на полигамію, положеніе женщинъ сравнительно высокое. Ея вліяніе на мужа бываетъ очень велико. Она имѣетъ право дѣлать самостоятельно покупки, но продавать безъ вѣдома мужа что либо изъ домашнихъ предметовъ, или животныхъ, матерій и т. п. ей не разрѣшено. Причины развода супруговъ строго опредѣлены. Мужъ можетъ отослать жену въ случаѣ ея невѣрности, ея дурного нрава. Въ такомъ случаѣ онъ въ правѣ не возвращать того, что было принесено женой къ нему въ домъ. Жена можетъ покинуть мужа и вернуться къ родителямъ, если мужъ дурно обращается съ ней или не далъ всѣхъ подарковъ, которые обѣщалъ ей. Но, оставляя мужа, жена обязана возвратить все, полученное ею отъ мужа въ подарокъ. Рабыня, взятая въ наложницы свободнымъ дѣлается свободной и обыкновенно ея бывшій хозяинъ женится на ней, чтобы не потерять въ ней рабочую силу. Дѣти считаются собственностью родителей и на нихъ смотрятъ, какъ на источникъ дохода. Отецъ иногда продаетъ дѣтей, чаще оставляетъ ихъ при себѣ, чтобы пользоваться ими какъ рабочей силой. Многіе предпочитаютъ имѣть больше дочерей, такъ какъ впослѣдствіи отецъ получитъ за нихъ подарки отъ жениха. Браки заключаются въ раннемъ возрастѣ между юношами (18—20 л. и дѣвочками 11—12 л.). Юноша, намѣтивъ себѣ ребенка-невѣсту въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣлаетъ подарки своему будущему тестю. Дѣти, отъ незаконнаго сожитія жены принимаются ея мужемъ охотно; они составляютъ его собственность и рабочую силу. Дѣти относятся съ большимъ уваженіемъ къ родителямъ. Подъ старость отецъ передаетъ часто бразды правленія своимъ хозяйствомъ и домочадцами старшему сыну. По смерти отца наслѣдникомъ является иногда старшій сынъ, если онъ достигъ совершеннолѣтія. Чаще же наслѣдникомъ является братъ почившаго; за отсутствіемъ таковаго, кто нибудь изъ родныхъ жены, ея отецъ или братъ; иногда даже чужой. Иногда, если нѣтъ мужчинъ родныхъ, наслѣдуетъ жена и, если она выходитъ вторично замужъ, главой прежней семьи становится ея мужъ. Дядя, обыкновенно, строго соблюдаетъ интересъ своихъ племянниковъ и, по достиженія ими совершеннолѣтія, возвращаетъ имъ ихъ имущество. Также поступаетъ и старшій братъ относительно младшихъ дѣтей. Преступленія составляютъ рѣдкость среди бамбаровъ. Существуетъ одно суевѣрное представленіе, которое нерѣдко останавливаетъ ихъ отъ преступленія. Укравшій что нибудь бамбаръ обязанъ явиться съ повинной къ начальнику—иначе его замучитъ духъ, живущій въ лѣсахъ, и онъ умретъ въ теченіе текущаго года. Денежныя и другія пени, также и тѣлесныя наказанія служатъ обыкновенными возмездіями за проступки. Добавить эти свѣдѣнія можно указаніями Colomb'a, что у вора обыкновенно отсѣкаютъ руку, иногда, при рецидивѣ, казнятъ. За нарушеніе

Digitized by Google

супружеской вѣрности у женщины свободной иногда сбриваютъ голову, рабынь же продаютъ. (Havelacque, Les Nègres de l'Afrique sus-équatoriale. p. 167). Интересъ представляетъ и небольшое примѣчаніе къ статьѣ Жиро, изъ котораго явствуетъ, что бамбарамъ не чужды тотемическія преданія о происхожденіи отъ животныхъ. Среди бамбаровъ насчитываются двѣнадцать группъ (races—родовъ?), которыя своими предками родоначальниками считаютъ животныхъ: слона, льва, пантеру, кабана, зайца, бегемота и т. д.

В. Х—на.

Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. 1903 г. 1, 2, 3 Hefte.

Поименованный журналъ, по обычаю, даетъ весьма много интереснаго и разнообразнаго въ своихъ трехъ книгахъ. Статьи, въ немъ помѣщаемыя, касаются и народнаго быта, и произведеній народнаго творчества.— Между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе статья во 2-ой и 3-ей книгахъ, переведенная съ исландскаго манускрипта; озаглавлена она: «Isländische Zauberzeichen und Zauberbücher» von **Olafur Davidsson.** Въ ней говорится о книгахъ, заключавшихъ въ себѣ заклинанія и магическія средства, о волшебныхъ знакахъ, которые были въ большомъ ходу въ Западной Европѣ въ средніе вѣка, и которые, перейдя въ Исландію, привились тамъ и вошли въ жизненную практику. Для цѣлей колдовства послужили и древнія исландскія руны, которыя, въ сочетаніи съ латинскими формулами и буквами, составили новый отдѣлъ магическихъ знаковъ, необходимыхъ для цѣлей колдовства. Сообщаемыя въ приведенной статьѣ данныя могутъ имѣть цѣнное значеніе при изученіи исторіи суевѣрій.

Помѣщенное въ 1 и 2 книгахъ изслѣдованіе «Deutsche Kinderspiele» von **S. Singer** затрогиваетъ сферу дѣтской жизни и возбуждаетъ къ себѣ интересъ, ввиду приводимыхъ въ немъ сопоставленій и выраженныхъ предположеній.

Наконецъ, отдѣлъ «Kleine Mitteilungen» содержитъ въ себѣ множество мелкихъ сообщеній, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ имѣть интересъ для изучающихъ народную словесность. Здѣсь можно найти и новыя записи народныхъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ, преданій, и сообщенія о рукописныхъ находкахъ и, хотя краткіе, но содержательные очерки историко-литературнаго характера. - Между прочимъ, здѣсь помѣщаются иногда и ноты, передающія мотивы записанныхъ народныхъ пѣсенъ.—Въ № 3 этого журнала помѣщено нѣсколько пѣсенъ, которыя пѣвались въ средніе вѣка ночными сторожами, въ то время, когда они обходили городъ и приглашали жителей гасить вечерніе огни. Пѣсни эти заимствованы изъ хроникъ 15 и 16 вѣковъ.

Е. Е.

Dr. L. Wilser. Die Namen der Menschenrassen. (Globus, J. LXXXIV, № 19.

Digitized by Google

Нѣмецкій антропологъ Вильзеръ возвращается къ часто дебатировавшемуся въ научной литературѣ вопросу о классификаціи человѣчества на расы. Вильзеръ считаетъ коренной ошибкой въ основу дѣленія ставить языкъ, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые этнографы. Хотя и существуетъ извѣстное соотношеніе между расой и языкомъ, причины котораго предстоитъ открыть и изслѣдовать народовѣдѣнію, тѣмъ не менѣе языкъ оказывается далеко не устойчивымъ признакомъ: вѣдь извѣстны многочисленные историческіе примѣры, когда цѣлые народы мѣняли свой «родной» языкъ. Въ высшей степени неудобно также означать расы историческими наименованіями народовъ. «Раса» и «народъ» два совершенно различныхъ понятія: первое опредѣляется при посредствѣ естественно-историческаго матеріала, второе—на основаніи историческихъ и лингвистическихъ данныхъ. Кратко указавъ на различныя системы классификаціи человѣческихъ расъ, предложеныя Линеемъ, Блуменбахомъ, Ретціусомъ, Топинаромъ, Кювье и т. д., Вильзеръ, признавая единственно естественно-историческія класификаціи, предлагаетъ свою классификацію зоологическаго вида Homo. Названія Линнея Homo europaeus, по мнѣнію Вильзера, чрезвычайно удачно опредѣляетъ сѣверно-европейскую расу, представленную болѣе или менѣе сильно въ культурныхъ правящихъ народахъ, сохранившуюся, какъ то доказали изслѣдованія Ретціуса и Фюрста (C. Fürst, Crania suecica antiqua, Stockholm 1899; нѣм. изд. 1900. Его же Anthropologia suecica, Stockh. 1902). въ наиболѣе чистомъ видѣ въ средней Швеціи. Легко отсюда вывести, что Швеція была центромъ распространенія этой сильной воинственной и властной, энергичной и предпріимчивой расы, ставшей властительницей другихъ расъ земного шара. Линнеевскаго Homo afer Вильзеръ предлагаетъ замѣнить выраженіемъ Homo niger: дѣйствительно, длинноголовые, съ темной кожей и вьющимися волосами негритянскіе народы встрѣчаются въ разновидностяхъ и за предѣлами африканскаго материка, въ Южной Азіи и Австраліи. Homo niger соотвѣтствуетъ «черной расѣ» Кювье и Топинара и прогнатическимъ длинноголовымъ «Ретціуса». Homo asiaticus Линнея соотвѣтствуетъ расѣ короткоголовыхъ, съ прямыми черными волосами и желтымъ цвѣтомъ кожи, центръ распространенія которой повидимому лежитъ въ Азіи. Блуменбахъ называлъ эту расу Varietas mongolica, Кювье и Топинаръ «желтая раса», Ретціусъ—короткоголовые. Вильзеръ предлагаетъ дать ей названіе Homo brachycephalus. Та раса, которая въ неолитическій періодъ подвинулась съ востока въ Европу и теперь составляетъ, хотя и съ большими примѣсями, населеніе средины нашего материка, можетъ съ успѣхомъ сохранить наименованіе Линнея Homo alpinus. Длинноголовая же раса, съ черными волосами и темными глазами, распространенная по берегамъ Средиземнаго моря, называемая французскими антропологами race méditerranéenne, съ удобствомъ могла бы, по мнѣнію Вильзера, называться Homo mediterraneus.

Предложенныя наименованія относятся, конечно, къ основнымъ расамъ. Народовѣдѣніе, занимаясь отдѣльными народами, должно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлять расовый составъ даннаго народа. Напри-

Digitized by Google

мѣръ: народъ x имѣетъ признаки расъ x и b въ отношеніи 3 : 1, съ большой примѣсью расы c.

Далѣе, Вильзеръ считаетъ необходимымъ при успѣхахъ доисторической археологіи, давшей возможность ознакомиться съ древнѣйшими обитателями земного шара, установить и для этихъ послѣднихъ извѣстнаго рода классификаціи. Изслѣдованія антропологовъ доказали, что съ древнѣйшихъ временъ, т.-е. съ перваго заселенія послѣ таянія льдовъ, обитатели Швеціи принадлежатъ къ расѣ, которую можно назвать Homo europaeus.

Древнѣйшіе ископаемые черепа Швеціи еле различаются отъ череповъ современныхъ крестьянъ шведовъ. Изъ Швеціи путемъ выселенія вышли германскія племена, но, мало того, въ болѣе древнія времена должны были изъ этого центра разселиться за предѣлы Европы представители этой расы. Такимъ образомъ, за Homo europaeus, по крайней мѣрѣ, въ Швеціи можно считать 12000 лѣтъ существованія. Извѣстная по раскопкамъ въ Кро-Маньонѣ и др. такъ называемая «палэолитическая» раса съ устойчиво повторяющимися признаками можетъ считаться основной расой (Stamrasse). Лапужъ предложилъ для ея представителей наименованіе Homo spelaeus; Вильзеръ предпочитаетъ названіе Homo priseus. Основною расой для Homo mediterraneus, по мнѣнію Вильзера, можно считать ту расу, представители которой жили въ Европѣ частью до «палэолитической расы Кро-Маньона», частью вмѣстѣ съ ней; эта послѣдняя имѣла болѣе узкій черепъ, болѣе плоскій лобъ, менѣе крѣпкое сложеніе и менѣе высокій ростъ. Этихъ предковъ современныхъ народовъ Средиземнаго побережья Вильзеръ предлагаетъ называть также Homo mediterraneus во избѣжаніе сложности номенклатуры. Для современныхъ представителей этой расы Вильзеръ предлагаетъ прибавлять H. m. varietas receus. Признаки H. mediterraneus встрѣчаются среди эскимосовъ и родственныхъ имъ сѣверно и восточно азіатскихъ народовъ. Поэтому, нельзя отрицать, что та же раса продолжаетъ свое существованіе не только среди обитателей средиземно-морского побережья, но и на дальнемъ сѣверѣ. Раскопки въ Кесслерлахѣ, Даксенбюлѣ и Швейцербильдѣ обнаружили существованіе карликовой расы въ началѣ неолитическаго періода. Представителей ея Вильзеръ относитъ къ виду Homo nanus. Возможно, что предки H. nanus жили въ Европѣ, какъ и африканскіе карликовые народы современности, вмѣстѣ съ представителями болѣе крупныхъ расъ.

Наконецъ, знаменитый неандертальскій черепъ и ему подобные Вильзеръ приписываетъ особой расѣ – Homo primigenius. Нѣмецкій антропологъ того мнѣнія, что при малочисленности ордъ первобытныхъ людей и территоріальной разобщенности могли образоваться мѣстныя расы, изъ которыхъ при случайныхъ скрещеніяхъ могли возникать новыя разновидности. Такой разновидностью могъ бы быть костякъ, найденный въ 1902 г. въ «Дѣтской пещерѣ» близъ Ментоны. Однако, черепъ представляетъ такую аналогію съ негритянскимъ типомъ, что Вильзеръ считаетъ возможнымъ видѣть въ открытомъ скелетѣ представителя корен-

Digitized by Google

ной расы современныхъ негритянскихъ народовъ, которому онъ и предлагаетъ дать наименованіе Homo niger var. primigenia.

В. Х—на.

Weber (Simon). Die Katholische Kirche in Armenien. Ihre Begründung und Entwicklung vor der Trennung. Freiburg in Breigau. 1903. (XX+532).

Въ послѣднее время интересъ къ изученію армянской церкви сильно возросъ. Въ западной литературѣ появилась масса сочиненій, посвященныхъ ея догмѣ и главнымъ образомъ исторіи. Если шесть лѣтъ тому назадъ извѣстный оріенталистъ Генрихъ Гельцеръ во второмъ томѣ Realencyklopädie für protest. Theologie und Kirche (art. Armenien) помѣстилъ возможно полную библіографію литературы, то въ настоящее время списокъ этотъ можетъ быть пополненъ массой новыхъ трудовъ. Среди нихъ выдѣляется сочиненіе профессора апологетики во Фрейбургскомъ Университетѣ С. Вебера, заглавіе котораго мы выписали. По своей научности, богатству матеріаловъ (свыше 260 названій источниковъ и пособій) и полнотѣ оно заслуживаетъ вниманія всякаго интересующагося исторіей армянской церкви, а по спокойному безпристрастному тону и отсутствію тенденціозности выгодно отличается отъ многихъ другихъ работъ, посвященныхъ тому же предмету, какъ напр.: Ter Mikelian (Die Armenische Kirche), Vernier (Histoire du patriarch. Armenien) и особенно появившейся въ 1900 г. книги г. Аннинскаго: Исторія армянской церкви (Кишин.).

Все сочиненіе г. Вебера, если не считать введенія, въ которомъ онъ знакомитъ читателя съ географіей и прошлымъ Арменіи (S. 1—25) и подробно останавливается на языческой религіи армянъ (S. 25—55), дѣлится хронологически на три части: 1) обращеніе въ христіанство (S. 55—232), 2) четвертый вѣкъ—кризисы и смуты (S. 232—384) и 3) армянская церковь подъ чужимъ господствомъ—война за вѣру и побѣда (S. 384—525). Въ первой части г. Веберъ, изслѣдовавъ извѣстіе о христіанствѣ въ Арменіи въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ, особенно преданія о дѣятельности апостоловъ и сказаніе объ Абгарѣ, приходитъ къ заключенію о существованіи христіанства въ Арменіи до Григорія Просвѣтителя. Потомъ авторъ переходитъ къ дѣятельности царя Трбата, сначала политической, а затѣмъ религіозной. Изложивъ, на основаніи Агаѳангела, Зеноба и др., введеніе христіанства въ Арменіи и исторію Григорія Просвѣтителя, г. Веберъ изучаетъ вопросъ объ отношеніи извѣстій армянскихъ историковъ къ тому, что авторами было раньше сообщено о христіанствѣ въ Арменіи въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ. Обратилъ вниманіе на полное молчаніе греческихъ и римскихъ писателей о такомъ важномъ фактѣ, какъ обращеніе въ христіанство такого могущественнаго въ то время государства, какъ Арменія, въ то время, какъ они подробно сообщаютъ объ обращеніи въ христіанство далекой Иверіи, Абиссиніи и др., а также имѣя въ виду историческія данныя,

Digitized by Google

какъ то: письмо Діонисія къ армянскому епископу Мезуранесу (Eusebii hist. eccles. VI, 46, 2), упоминаніе св. Аѳанасія о томъ, что армяне уже во времена Траяна были христіанами (Athanasii Περὶ τῆς ἐνανθρωπήσεως), г. Веберъ приходитъ къ тому выводу, что армянское христіанство не было обязано своимъ возникновеніемъ религіозной дѣятельности царя Трдата. Но, съ другой стороны, единогласныя утвержденія о послѣдней у армянскихъ историковъ, сообщеніе Евсевія (hist. eccl. IX, 8) о войнѣ Максимина противъ армянъ за то, что они «исповѣдывали христіанскую вѣру и оказывали особенную ревность въ отношеніи къ божественному благочестію», а также извѣстіе Созомена (hist. eccl. II, 8), что армяне подъ Трдатомъ приняли христіанскую вѣру,—заставляютъ обратить вниманіе на христіанскую дѣятельность царя Трдата... Это видимое противорѣчіе г. Веберъ весьма удачно примиряетъ, признавая, что подъ Трдатомъ, благодаря дѣятельности Григорія, въ 295 г. христіанская вѣра была возстановлена и сдѣлана государственной религіей Арменіи. Подтвердивъ свое предположеніе критическимъ анализомъ исторіи и легендъ о жизни и мученичествѣ Григорія, св. Рипсимэ и проч., г. Веберъ переходитъ къ изображенію устройства армянской церкви во время Григорія Просвѣтителя. Получивъ посвященіе въ Кесаріи Каппадокійской изъ рукъ *Леонтія* и взявъ монаховъ изъ Севастіи въ Малой Арменіи для миссіонерской дѣятельности, Григорій вернулся въ Арменію. Избравъ мѣстомъ своего жительства Аштисатъ въ Таронѣ и построивъ здѣсь великолѣпный храмъ, Григорій началъ обращать въ христіанство Арменію. Странствуя по странѣ, онъ разрушаетъ языческія капища, строитъ вмѣсто ихъ христіанскіе храмы и ставитъ для послѣднихъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, которыхъ царь Трдатъ надѣляетъ богатой дотаціей на счетъ упраздненныхъ языческихъ святилищъ. Относясь въ высшей степени критически къ этимъ извѣстіямъ о Григоріи, г. Веберъ особенно подробно останавливается на дѣятельности Просвѣтителя въ Таронѣ и, удачно опровергнувъ вслѣдъ за фонъ-Гутшмидтомъ (Agathangelus въ Kleine Schriften Bd. III) легенду о видѣніи Григорія, доказываетъ что не Эчміадзинъ или Вагдошапатъ, а именно г. Аштисатъ въ Таронѣ до смерти Нерсеса Великаго (371—372 по Веберу) былъ духовнымъ центромъ и мѣстопребываніемъ армянскихъ католикосовъ. Послѣ этого г. Веберъ переходитъ къ отношеніямъ армянской церкви къ греческой и сирійской церквамъ. Вопреки Гельцеру и другимъ изслѣдователямъ, г. Веберъ отрицаетъ автокефалію армянской церкви при Григоріи и его двухъ ближайшихъ преемникахъ на томъ основаніи, что этому противорѣчатъ факты: посвященіе Григорія въ Кесаріи, употребленіе литургіи сосѣднихъ христіанскихъ церквей, путешествіе Трдата и Григорія, къ римскому двору въ видахъ церковно-политическаго сближенія и участіе армянской церкви въ Никейскомъ соборѣ. Въ заключеніе первой части авторъ знакомитъ читателей съ вѣроученіемъ и религіозной жизнью въ Арменіи въ эпоху Григорія, а также и вліяніемъ греческой и сирійской церкви на армянскую (S. 199—232). Во второй части послѣ краткаго описанія политическаго состоянія Арме-

Digitized by Google

ніи въ IV в. г. Веберъ рисуетъ картины религіозной жизни этого времени и изображаетъ правленіе армянскихъ католикосовъ отъ Григорія до Нерсеса, при чемъ подробно останавливается на дѣятельности послѣдняго. Послѣ этого онъ говоритъ о попыткѣ къ схизмѣ отъ восточной церкви со стороны армянскаго царя Папа. Г. Веберъ доказываетъ, что попытка эта не только не удалась, но связь съ Кесаріей сдѣлалась еще тѣснѣе въ виду необходимости, согласно постановленію Кесарійскаго синода при Василіи Великомъ, посвящать всѣхъ армянскихъ епископовъ въ Кесаріи. Такое положеніе длилось до Саахака, который впервые, по мнѣнію Вебера, положилъ автокефалію армянской церкви. Сдѣлавъ затѣмъ краткій очеркъ вѣроученія армянской церкви въ IV в., авторъ въ заключеніе подробно останавливается на развитіи іерархіи въ армянской церкви. Хронологическій порядокъ заставляетъ его вернуться къ Григорію и еще разъ сначала прослѣдить іерархическое развитіе армянской церкви. Григорій, будучи поставленъ Леонтіемъ въ епископа всей Арменіи, сталъ чрезъ это въ зависимость отъ Кесарійскаго епископа, какъ своего митрополита. Но, явившись въ Арменію, онъ въ свою очередь самъ сталъ ставить епископовъ, въ отношеніи которыхъ сдѣлался также митрополитомъ или, по выраженію г. Вебера, quasi-митрополитомъ. Такъ образовалась іерархическая лѣстница: армянскіе епископы такъ зависѣли отъ Григорія, какъ онъ отъ Кесарійскаго епископа, а послѣдній отъ Антіохійскаго патріарха. Эта особенность въ организаціи армянской церкви возникла не безъ согласія Кесаріи Каппадокійской и лучше всего, по мнѣнію автора разбираемой книги, выражается терминомъ католиката, характеризующимъ отношенія Арменіи къ Кесаріи. Создавъ теорію католиката, г. Веберъ останавливается на изученіи другихъ особенностей армянской церкви, при чемъ много занимается вопросомъ о наслѣдственности церковныхъ должностей, каковую, къ слову сказать, совершенно отрицаетъ. Правильно признавая, что армянская церковь въ этотъ періодъ не пользовалась автокефаліей, г. Веберъ старается въ этой части подкрѣпить высказанный въ первой части взглядъ о зависимости армянской церкви отъ Кесаріи Каппадокійской при Григоріи и его первыхъ преемникахъ, во-первыхъ, тѣмъ, что желаетъ ослабить значеніе того факта, что сыновья Григорія Аристакесъ и Вартанесъ не были посвящены въ Кесаріи, предположеніемъ о данномъ будто бы на эти акты согласіи Кесаріи, а во-вторыхъ, тѣмъ, что Аристакесъ участвовалъ на Никейскомъ соборѣ въ качествѣ суффрагана Кесаріи Каппадокійской.— Въ послѣдней части своего сочиненія г. Веберъ слѣдитъ за развитіемъ и укрѣпленіемъ церковной самостоятельности при Саахакѣ, останавливаясь особенно подробно на дѣятельности послѣдняго и Месропа по изобрѣтенію армянскаго алфавита и введенію національной литургіи. Обрисовавъ борьбу армянской церкви за свободу и удѣливъ нѣсколько времени изложенію армянскаго вѣроученія, г. Веберъ въ заключеніе изображаетъ постепенное превращеніе армянской церкви въ самостоятельную національную церковь. Познакомивъ вкратцѣ съ содержаніемъ весьма интереснаго труда г. Вебера и рекомендуя его всѣмъ интересующимся

Digitized by Google

исторіей армянской церкви, мы все же въ заключеніе должны сказать, что автору не удалось избѣгнуть нѣкоторыхъ промаховъ. Послѣднихъ особенно много въ тѣхъ частяхъ, гдѣ г. Веберъ, оставивъ исторію и догматику, переходитъ въ область церковнаго права. Такъ, напр., г. Веберъ имѣетъ не вполнѣ ясное понятіе объ автокефаліи. Послѣднюю авторъ понимаетъ только въ смыслѣ полной независимости одной церкви отъ всѣхъ другихъ въ духѣ современныхъ самостоятельныхъ національныхъ церквей, какъ-то: русская, сербская, румынская и другія, которыя, правда, иногда также называются автокефальными. Но такой взглядъ на автокефалію не свойственъ древнему времени и можетъ привести къ ложнымъ выводамъ. Кто не знаетъ автокефаліи, данной третьимъ Вселенскимъ соборомъ 431 г. Кипрской церкви или автокефаліи церкви горы Синая? Развѣ можно прилагать къ нимъ наше понятіе автокефаліи?.. Но какія церкви назывались автокефальными въ древне-греческомъ смыслѣ? Лучшимъ отвѣтомъ будетъ исторія автокефаліи Кипрской церкви. Незадолго до Ефесскаго собора Антіохійскіе патріархи выразили желаніе ставить митрополита для главнаго города Кипра—Констанціи. Кипріоты запротестовали, ссылаясь на принадлежавшее имъ по церковному обычаю право ставить митрополита собственнымъ соборомъ епископовъ острова. Претензія Антіохіи по жалобѣ кипріотовъ разсматривалась третьимъ вселенскимъ соборомъ (Mansi. IV, 1465—1469) и результатомъ соборнаго рѣшенія явился 8 канонъ Ефесскаго собора (Pitra I, 518), давшій автокефалію Кипрской церкви. Такимъ образомъ автокефальной въ греческомъ смыслѣ слова была всякая церковь, не входившая въ составъ патріархата и имѣвшая права, независимо отъ патріарха, избирать себѣ главу на собственномъ соборѣ, во всемъ же прочемъ ни въ чемъ не отличавшаяся отъ прочей каѳолической церкви. Въ этомъ смыслѣ автокефальною была и армянская церковь при Григоріи и его двухъ преемникахъ, которые были посвящены соборомъ армянскихъ епископовъ. Посвященіе Григорія въ Кесаріи Каппадокійской Леонтіемъ, на чемъ особенно настаиваютъ Веберъ и Гельцеръ, въ настоящее время должно быть отвергнуто наукой, такъ какъ Леонтій былъ поставленъ въ епископа Кесаріи Каппад. не раньше 314 г. (см. Realencyklopädie für protest. Theologie und Kirche Bd. V S. 608, 52—56). Но если даже и признать фактъ посвященія Григорія въ Кесаріи, вся его дѣятельность въ Арменіи носитъ совершенно самостоятельный характеръ и указываетъ на его независимость въ церковно-іерархическомъ отношеніи отъ Кесаріи. Посвященіе Аристакеса и Вартанеса въ Арменіи прямо доказываетъ автокефальность армянской церкви. Послѣднюю доказываютъ также и подписи отцовъ Ник. собора, такъ какъ здѣсь подписи Аристакеса и Акритеса, епископовъ армянскихъ, стоятъ совершенно независимо отъ Каппадокіи (Patrum Nicaenorum nomina ed. Sl. Gelzer, H. Hilgenfeld u. O. Cuntz). Признаніе г. Веберомъ, вслѣдъ за другими учеными, автокефаліи армянской церкви до Іусика много облегчило бы дѣло и избавило бы автора отъ необходимости придумывать какіе-то quasi-митрополичьи отношенія, которыхъ наука

Digitized by Google

церковнаго права не знаетъ: армянскій католикатъ до Іусика былъ не что иное, какъ автокефалія въ греческомъ смыслѣ, а послѣ, до Нерсеса включительно—просто митрополичій округъ—Armenia Major,—зависимый отъ Кесарійскаго епископа, которому всегда усваивала совершенно независимое отъ Антіохіи положеніе (этого, къ сожалѣнію, г. Веберъ также не знаетъ). Послѣ смерти Нерсеса является опять автокефалія армянской церкви до тѣхъ поръ, пока, благодаря непризнанію Халкедонскаго собора, всѣ отношенія армянской церкви съ восточно-греческою церковью не были порваны. Кромѣ этого, еще во многомъ можно не соглашаться съ авторомъ, напр., утвержденіемъ его о несуществованіи наслѣдственности духовныхъ должностей вопреки канону 33 Трулльскаго собора и яснымъ доказательствамъ г. Гельцера (Die Anfänge der Armen-Kirche) и др. Много вредитъ также ясности изложенія неудобный планъ сочиненія (по періодамъ времени), заставляющій автора нерѣдко повторяться.

П. Гидуляновъ.

А. И. Даринскій. Семья у кавказскихъ горцевъ. Варшава 1903 года. Стр. 57.

Небольшая работа г-на Даринскаго была напечатана первоначально на нѣмецкомъ языкѣ въ XIV т. «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», затѣмъ, на русскомъ языкѣ во 2-мъ выпускѣ «Записокъ общества исторіи, филологіи и права при Варшавскомъ университетѣ» и, наконецъ, теперь вышла въ свѣтѣ отдѣльнымъ оттискомъ. По содержанію эта работа распадается на двѣ приблизительно равныя части, первая изъ которыхъ посвящена разбору нѣкоторыхъ трудовъ М. М. Ковалевскаго, главнымъ образомъ книги «Законъ и обычай на Кавказѣ». Къ эти трудамъ авторъ относится довольно сурово и обвиняетъ М. М. Ковалевскаго въ «импрессіонизмѣ и недостаткѣ методичности вообще» (стр. 7) въ томъ, что онъ «упустилъ изъ виду необходимость анализировать мѣстныя причины для уясненія возникновенія того или другого обычая и вслѣдствіе этого его изслѣдованія въ теоретической части почти лишены научнаго значенія (стр. 4), сравниваетъ его съ миссіонеромъ Adair'омъ, «который, найдя нѣкоторые сходные обычаи американскихъ индѣйцевъ съ таковыми у евреевъ, полагалъ, что они не кто иные, какъ евреи» (стр. 9) и т. д. Тутъ же А. И. Даринскій высказываетъ попутно свои нѣкоторыя соображенія по поводу развитія семьи, соображенія, иногда довольно рискованнаго свойства и тоже легко подводимыя подъ обвиненіе въ недостаткѣ не только методичности, но и прямо фактическихъ знаній. Такъ, напримѣръ, на стр. 17 мы читаемъ, что «въ тотэмистическихъ группахъ самымъ характернымъ, откуда и само названіе ихъ, является совсѣмъ не то, что онѣ экзогамны, а то, что мужчины извѣстной группы считаются de jure по рожденію мужьями женщинъ соотвѣтственной группы».

Обвиняя другихъ въ ненаучности, въ импрессіонизмѣ и т. д., А. И. Даринскій самъ иногда даетъ крайне странныя объясненія. Экзогамію чер-

Digitized by Google

кесскаго братства онъ объясняетъ необходимостью сохранить миръ и солидарность внутри братства, а бракъ внутри братства грозитъ внутреннему миру между прочимъ потому, что «съ нимъ была связана купля-продажа, часто похищеніе, что уже могло вести къ ослабленію братскихъ чувствъ, къ ихъ уничтоженію» (стр. 21). А. И. Даринскій забываетъ, что купля-продажа вообще не была запрещена въ предѣлахъ братства и не нарушала солидарности между его членами, а потому тотъ фактъ, что жену приходилось покупать, не могъ никоимъ образомъ способствовать созданію экзогаміи. Взамѣнъ отвергаемой имъ гипотезы групповаго брака, А. И. Даринскій выставляетъ гипотезу *семейнаго брака*, который состоитъ въ томъ, «что цѣлая группа мужчинъ, принадлежавшая къ одной семьѣ, имѣла своихъ женъ сообща» (стр. 29). Чѣмъ эта гипотеза лучше гипотезы групповаго брака, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ она не болѣе доказательна. Вся аргументація А. И. Даринскаго сводится къ слѣдующему: отмѣтивъ существованіе у кавказскихъ горцевъ тѣсносплоченной большой семьи, онъ говоритъ: «Въ этой общественной единицѣ, гдѣ все основано на полной солидарности и все зависѣло отъ взаимнаго поддержанія мира, нетрудно предположить и общность женъ, которыя покупались на общія средства семьи, или добывались общими усиліями путемъ похищенія. Къ этой солидарности, какъ причинѣ общности женъ въ семьѣ, присоединялся, повидимому, и тотъ фактъ, что добываніе женъ тѣмъ или инымъ путемъ при необезпеченной жизни горцевъ было сопряженно съ большими препятствіями—семьѣ, вѣроятно, приходилось довольствоваться количествомъ женъ, которое по числу уступало таковому мужчинъ въ семьѣ» (стр. 31). Далѣе слѣдуетъ указаніе переживаній семейнаго брака, выражающихся въ протестѣ семьи жениха или общины, къ которой онъ принадлежитъ, противъ индивидуальнаго брака. Переживанья эти тройного рода: 1) новобрачный первое время послѣ брака скрывается отъ своихъ родителей и старшихъ родственниковъ, какъ будто онъ совершилъ какое-нибудь преступленіе; 2) жена болѣе или менѣе продолжительное время скрывается отъ старшихъ родственниковъ мужа, и 3) супруги скрываютъ свои отношенія и взаимное расположеніе отъ постороннихъ. Что бы солидарность семьи приводила къ общности женъ, это ничѣмъ не доказано; бѣдность тоже не могла играть тутъ роли, такъ какъ если покупная цѣна дѣвушки была высока, то одинаково высока была и продажная цѣна ихъ; семья покупала невѣсть для своихъ мужчинъ, но зато продавала своихъ женщинъ, а при такихъ условіяхъ затрудненія при покупкѣ невѣстъ могли возникнуть только у отдѣльныхъ семей, но не у всего общества. Не болѣе доказательны и отмѣченныя А. И. Даринскимъ переживанія семейнаго брака; самое важное изъ нихъ—скрываніе жениха отъ своихъ родителей, но этотъ обычай можно свести къ похищенію невѣстъ. Похищая невѣсту женихъ не только совершалъ преступленіе по отношенію къ ея роду, но и оказывался до извѣстной степени виноватымъ передъ своими родственниками, такъ какъ на нихъ, въ силу родовой солидарности, ложилась отвѣтственность за похищеніе. Вполнѣ естественно поэтому, что женихъ, укравши

Digitized by Google

невѣсту, прятался первое время и отъ своихъ родственниковъ, пока тѣ не примирятся съ совершившимся фактомъ и съ необходимостью платить выкупъ за похищенную дѣвушку. Обычай, требующій, чтобы жена пряталась отъ старшихъ родственниковъ мужа, и параллельный обычай ограниченія отношеній между мужемъ и родственниками жены широко распространенъ по всему свѣту и нѣтъ никакихъ данныхъ видѣть въ немъ переживаніе семейнаго брака, особенно если принять во вниманіе, что во многихъ случаяхъ взаимно избѣгаютъ другъ друга лица одинаковаго пола.

Такимъ образомъ, какъ попытка истолковать семью у кавказскихъ горцевъ, работа А. И. Дарнскаго совершенно несостоятельна, но за ней нельзя отрицать нѣкотораго значенія въ качествѣ сводки фактическаго матерьяла по нѣкоторымъ вопросамъ. Литература использована имъ довольно полно.

А. Максимовъ.

Е. В. Аничковъ. Весенняя обрядовая пѣсня на западѣ и у славянъ. Часть I. Отъ обряда къ пѣснѣ. СПБ. 1903 г. Стр. 392+XXIX. (Отдѣльный оттискъ изъ Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, т. LXXIV).

Въ книгѣ Е. В. Аничкова вопросъ о весенней обрядовой пѣснѣ разсматривается съ двухъ точекъ зрѣнія: для выясненія, во-первыхъ, того, къ какимъ выводамъ можетъ привести изученіе народной весенней обрядности историка религій, а во-вторыхъ, что даетъ связанная съ весенней обрядностью пѣсня для исторіи литературы и вообще для науки о прекрасномъ.

Обширное введеніе къ своей работѣ г. Аничковъ начинаетъ указаніемъ на то, что данныя фольклора западнаго и восточно-русскаго интересуютъ его отнюдь не съ точки зрѣнія заимствованій. Случаи усвоенія народнымъ сознаніемъ восточной Европы представленій, свойственныхъ фольклору Запада, принимаются, конечно, авторомъ въ разсчетъ, но обширная область обычаевъ, обрядовъ и повѣрій, схожихъ въ обѣихъ половинахъ Европы, привлекаетъ его вниманіе не съ точки зрѣнія случаевъ возможныхъ заимствованій, а главнымъ образомъ въ цѣляхъ объясненія нѣкоторыхъ явленій западнаго фольклора фактами уцѣлѣвшаго въ бо́льшей архаичности фольклора восточнаго. Авторъ подчеркиваетъ особо важное значеніе, которое имѣютъ данныя славяно-русскаго фольклора для изученія народной пѣсни запада. Въ свою очередь, послѣдняя — и часто только она,—помогаетъ рѣшенію нѣкоторыхъ важныхъ историко-литературныхъ вопросовъ. Рядомъ фактовъ и примѣровъ изъ области изученія пѣсеннаго достоянія Западной Европы авторъ показываетъ, что только привлекши народныя пѣсни, тѣсно связанныя съ обрядами, можно объяснить себѣ связь между лирикой средневѣковья и содержаніемъ западныхъ печатныхъ пѣсенниковъ XV, XVI и XVII вв. Много споровъ возбуждалъ въ свое время вопросъ о подражательности германской народной лирики французской. Высказывались такія крайнія мнѣнія, какъ

Digitized by Google

заявленіе Вильманса, что у германскихъ народовъ любовная лирическая пѣсня вплоть до самаго миннезанга, возникшаго исключительно подъ романскимъ вліяніемъ, находилась лишь въ самомъ зачаточномъ состояніи. На правильный путь разрѣшеніе этого вопроса стало лишь тогда, когда Гастонъ Парисъ высказалъ предположеніе, что искусственная лирическая поэзія среднихъ вѣковъ развивалась подъ вліяніемъ народной весенней хороводной пѣсни.

При помощи данныхъ славяно-русскаго фольклора изъ всей массы пѣсеннаго достоянія Западной Европы выдѣляется цѣлый отдѣлъ пѣсенъ, несомнѣнно народныхъ,—это пѣсни обрядовыя. Но центръ интереса и вниманія изслѣдователя неминуемо переносится на болѣе архаическій Востокъ, на матеріалѣ котораго и возможно составить схему общаго обрядоваго обихода.

Выяснивъ взаимоотношеніе славяно-русскаго и западнаго фольклора въ области обрядовыхъ пѣсенъ и отмѣтивъ, что только возвращеніе этихъ обрядовыхъ и даже многихъ лирико-эпическихъ пѣсенъ въ обиходъ обряда помогаетъ раскрыть ихъ символизмъ, затуманившійся отъ долгаго бытованія пѣсни, г. Аничковъ переходитъ къ пересмотру различныхъ теорій относительно сущности обряда.

Пересмотръ этотъ кратокъ,—отчасти потому, что онъ уже былъ сдѣланъ въ русской литературѣ А. Н. Пыпинымъ, отчасти потому, что многія изъ теорій уже безвозвратно сданы въ архивъ.

Теорія Гримма, смотрѣвшая на весеннюю обрядность, какъ на воспроизведеніе стоящаго совершенно въ сторонѣ миѳологическаго представленія о смѣнѣ зимы и лѣта; теоріи Шварца и Куна, основанныя на положеніи, что всякій обрядъ изображаетъ собою миѳъ, осложненный еще къ тому же возрѣніемъ на первобытнаго человѣка, какъ на поэта,—всѣ эти теоріи отходили постепенно въ сторону, по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтали все больше сторонниковъ взгляды, впервые высказанные въ наукѣ Тэйлоромъ и Лёббокомъ. Послѣдніе разсматривали обычаи и обряды внѣ всякой связи съ миѳологіей, какъ явленія жизненныя, основанныя на данныхъ быта, имѣвшія когда-то важный реальный, практическій смыслъ. Маннгардтъ, вниманіе котораго, кстати сказать, усиленно привлекалъ и славяно-русскій фольклоръ, въ своей книгѣ «Wald und Feldkulte» находится подъ сильнымъ вліяніемъ Тэйлора и Лёббока, хотя въ извѣстной степени не чуждъ и миѳологическихъ увлеченій, доведенныхъ до крайности нѣкоторыми его послѣдователями. Но его громадная заслуга налицо: онъ выдвинулъ самостоятельное изученіе обряда, какъ таковаго, освободилъ его отъ миѳологическихъ путъ, показалъ необходимость и возможность изученія обряда внѣ всякихъ попытокъ возсоздать какую-нибудь древнюю языческую вѣру. Съ точки зрѣнія этого взгляда, пріобрѣтающаго теперь все болѣе и болѣе широкое распространеніе, обрядъ есть скорѣе одна изъ ячеекъ религіознаго сознанія, чѣмъ воспроизведеніе вполнѣ сложившихся религіозныхъ представленій. Этотъ взглядъ возвращаетъ обрядъ въ сферу того первобытнаго міровоззрѣнія, пережитки котораго мы и называемъ теперь фоль-

Digitized by Google

клоромъ, того міровоззрѣнія, которое даже древніе римляне отдѣляли отъ оффиціальной, жреческой религіи, противопоставляя ей болѣе старыя народныя воззрѣнія.

Во всякомъ изслѣдованіи важно, разумѣется, отграничить отъ всего смежнаго подлежащій изученію матеріалъ,—въ данномъ случаѣ—матеріалъ весенней обрядности. Здѣсь г. Аничкову пришлось считаться съ значительными трудностями. Во-первыхъ, подъ вліяніемъ Гримма, въ научной литературѣ довольно долго господствовало мнѣніе о дѣленіи года, по крайней мѣрѣ для германцевъ, лишь на двѣ половины—зиму и лѣто. Дѣло еще больше осложнилось въ періодъ увлеченія различными миѳологическими представленіями. Лишь въ самое недавнее время стали представлять данныя народнаго календаря группирующимися около четырехъ моментовъ солнечнаго года: лѣтній солнцеворотъ (=христіанскій Ивановъ день, 24 іюня); осенній праздникъ, фиксируемый безъ строгой опредѣленности между лѣтнимъ и зимнимъ солнцеворотомъ,—наши «дожинки», Erntefest, dernière gerbe; зимній солнцеворотъ, совпадающій съ рождественскими святками, и, наконецъ, весенній солнцеворотъ. Разумѣется, все это лишь идеальные моменты, принимаемые только какъ исходныя точки для изслѣдователя, а кромѣ того это дѣленіе не лишено и болѣе существенныхъ недоразумѣній. Двѣ группы праздниковъ стоятъ въ сторонѣ отъ указанныхъ четырехъ идеальныхъ моментовъ: это, во-первыхъ, наша Масляница со своими германскими и романскими аналогіями, а затѣмъ группа весеннихъ праздниковъ Русальной недѣли. Куда помѣстить эти группы? Календарь въ его историческомъ развитіи мало помогаетъ рѣшенію вопроса, хотя бы уже по одному тому, что распредѣленіе празднованія весны въ разныхъ мѣстностяхъ, въ силу различія климатическихъ условій, неодинаково. Кромѣ того, одни и тѣ же обрядовыя дѣйствія встрѣчаются въ совершенно различныхъ примѣненіяхъ въ различныя времена года. Въ итогѣ г. Аничковъ считаетъ ошибкой придавать особое значеніе самому пріуроченію обрядовъ. Типы обрядовъ, неизмѣнно повторяющихся въ обиходѣ каждаго обрядоваго цикла, можно бы изучать и отдѣльно, внѣ пріуроченія къ народному календарю. Работа г. Аничкова идетъ по двумъ направленіямъ: выясненіе общаго смысла тѣхъ или иныхъ обрядовъ и выясненіе ихъ чисто-весенняго примѣненія, установленіе того, какому чисто-весеннему настроенію отвѣчаетъ тотъ или иной обрядъ или группа обрядовъ.

Методологическая часть введенія къ книгѣ и заканчивается экскурсомъ въ область чисто реальныхъ, практическихъ условій натуральнаго хозяйства, стоящаго въ непосредственной зависимости отъ природы. Эстетика весенняго обновленія природы, дополняя хозяйственную сторону весенняго обихода элементомъ нѣсколько оторваннымъ отъ практической основы, болѣе отвлеченнымъ, позволяетъ автору дополнить характеристику общаго весенняго настроенія. Чувство ожиданія, приготовленіе къ предстоящему труду, радость передъ наступленіемъ весенняго обновленія природы, надежда на предстоящее изобиліе,—вотъ основные элементы,

Digitized by Google

изъ которыхъ складывается весеннее настроеніе, на почвѣ котораго и объясняется весенняя обрядность. Съ удивительной прозрачностью сказались всѣ эти элементы въ одной новогвинейской мимической пляскѣ и сопровождающей ее пѣснѣ. При первомъ признакѣ приближенія періода дождей, несущаго съ собой животворящую влагу, дикарь надѣваетъ юбку изъ листьевъ, свой праздничный и плясовой нарядъ, покрывается шапкой, изображающей голову рыбы, придѣлываетъ себѣ рыбій хвость и, раньше чѣмъ приступить къ рыбной ловлѣ, мимически изображаетъ ее въ пляскѣ. Въ это время онъ поетъ:

Я вижу свое изображеніе въ горномъ ручьѣ.
Нарѣжьте мнѣ листьевъ для моей плясовой юбки.
Прощай, мертвая листва кокосовой пальмы.
Да, вотъ и молнія.
Рыба приближается. Время намъ строить навстрѣчу ей запруды.

Подробное изложеніе введенія книги г. Аничкова имѣло цѣлью показать, какъ широко и серьезно поставленъ имъ вопросъ объ обрядовой весенней пѣснѣ. Лица, находящіяся во всеоружіи свѣдѣній по славяно-русскому и западному фольклору, вѣроятно, не замедлятъ рѣшить, насколько полно исчерпалъ г. Аничковъ, въ предѣлахъ поставленной имъ себѣ задачи, все громадное богатство европейскаго фольклора, взялъ ли изъ него все, что нужно, не обнаружилъ ли тенденціозности въ подборѣ матеріала. Наша задача много скромнѣе и сводится лишь къ ознакомленію читателя, въ предѣлахъ журнальной библіографіи, съ богатымъ содержаніемъ книги г. Аничкова, особенно съ ея теоретическою частью — завершеніемъ детальной аналитической работы.

Въ центральныхъ главахъ своей книги, посвященныхъ анализу весенней обрядности, г. Аничковъ разсматриваетъ отдѣльные моменты этой обрядности, причемъ весь матеріалъ раздѣленъ на два крупныхъ отдѣла: встрѣча и чествованіе весны и хозяйственно-религіозный весенній ритуалъ.

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ останавливается на общемъ весеннемъ заклинаніи, на внесеніи весенняго деревца, цвѣточномъ праздникѣ, объясняетъ весеннія поздравительныя пѣсни на западѣ и у славянъ, причемъ все бо́льшее разнообразіе и все бо́льшая архаичность обрядовъ съ несомнѣнностью замѣчаются по мѣрѣ движенія на востокъ.

Вниманіе автора привлекаютъ здѣсь попытки нѣкоторыхъ миѳологовъ (напримѣръ, Фаминцына) доискаться весенняго миѳа. Анализъ весенней обрядности приводитъ къ выводу, что, несмотря на всѣ усилія, «богиня» весны остается безъ миѳа, отчего сильно колеблется и представленіе объ ея культѣ. Оно должно будетъ еще болѣе поколебаться, если отбросить теорію, по которой всякое поэтическое олицетвореніе содержитъ въ себѣ божескій образъ. А миѳологи увлекались черезъ мѣру, возводя въ боговъ всякое олицетвореніе, какое они находили въ поэзіи и обрядѣ.

Нѣтъ «весенняго миѳа», нѣтъ культа «богини весны», и пѣсни, связанныя съ заклинаніемъ весны, носятъ характеръ не культа, а обряда.

Digitized by Google

Эти пѣсни—разновидность заклинанія или пѣсеннаго заговора. Характерно, что въ самомъ народномъ сознаніи заклинанія и молитва, сосуществуя, различаются довольно ясно. Бѣлоруссы, въ нѣкоторыхъ весеннихъ пѣсняхъ, просятъ Бога допустить ихъ до заклинанія весны, позволить удачно совершить этотъ обрядовой актъ, имѣющій совершенно самостоятельное значеніе.

Въ основѣ обрядовъ, связанныхъ со внесеніемъ весенняго деревца и цвѣточнымъ праздникомъ, лежитъ стремленіе первобытнаго человѣка помочь цвѣтенію хлѣбовъ, ускорить его. Это—симпатическое заклинаніе цвѣта хлѣбныхъ растеній,—заклинаніе, основанное не на томъ состояніи сознанія, которое надо назвать религіей, а скорѣе на смутномъ древнемъ міровозрѣніи, изъ котораго впослѣдствіи дифференцировалось религіозное сознаніе. Это заклинаніе древнѣе самаго древопоклонства и связано съ тѣмъ, что Фрезеръ въ своей «Golden Bough» назвалъ маніей первобытнаго человѣка. Въ этой же области надо искать зародыша обрядовъ и пѣсенъ, связанныхъ съ заклинаніемъ дождя.

Весеннія поздравительныя пѣсни, западныя и славянскія,—а среди послѣднихъ особенно бѣлорусскія волочобныя,—представляются автору отдѣльнымъ эпизодомъ обряда внесенія магической весенней вѣтки. Въ свое время Потебня видѣлъ основной мотивъ этихъ пѣсенъ въ величаніи и останавливался главнымъ образомъ на выясненіи психологіи этого величальнаго мотива. Г. Аничковъ указываетъ на односторонность объясненія Потебни и видитъ основу этихъ пѣсенъ въ пророчествѣ, напѣваніи, наговорѣ счастья, а вызвано все это чисто реальными сельско-хозяйственными потребностями.

Вторая часть—хозяйственно-религіозный весенній ритуалъ—посвящена обрядамъ общаго весенняго очищенія, весеннему культу предковъ, какъ замаливанію этихъ хранителей интересовъ потомства передъ началомъ полевыхъ работъ, весенней обрядности, связанной со скотоводствомъ съ хлѣбопашествомъ. Очищеніе огнемъ, воздухомъ (качели), очистительные обходы и уборы,—все это разсмотрѣно авторомъ довольно подробно. Намъ кажется лишь, что очистительныя изгнанія заслуживали бы болѣе подробнаго изложенія, болѣе широкаго захвата матеріала, какъ и циклъ обрядовъ, объединенный авторомъ подъ именемъ «календарныхъ изданій». Въ одномъ изъ интереснѣйшихъ мѣстъ работы, останавливаясь на древнегреческихъ Адоніяхъ и ихъ параллеляхъ въ европейскомъ фольклорѣ, г. Аничковъ, между прочимъ, приходитъ къ выводу, что обрядовое дѣйствіе можетъ быть положено и въ основу болѣе совершенныхъ формъ религіознаго сознанія, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, оно поможетъ объяснить—изъ положительныхъ и отрицательныхъ заклинаній—дуализмъ добра и зла, любви и страха въ представленіи о божествѣ. Авторъ, по самой цѣли своей работы, останавливается здѣсь и не слѣдитъ за дальнѣйшимъ процессомъ эволюціи религіознаго сознанія. Но тому, кто на основѣ его работы сталъ бы слѣдить за этой эволюціей, несомнѣнно бросится въ глаза нѣкоторая количественная и качественная разноцѣнность матеріала, который даетъ работа г. Аничкова для объясненія

Digitized by Google

тайны другой стороны дуалистическаго представленія о божествѣ. Разноцѣнность эта оправдывается дѣйствительной наличностью матеріала въ запасѣ европейскаго фольклора.

Переходимъ къ выводамъ, замыкающимъ аналитическую часть работы г. Аничкова.

Основной изъ выводовъ, дающій тонъ всѣмъ остальнымъ, сводится къ слѣдующему. Обрядовый обиходъ не представляетъ собою отраженія системы миѳовъ, онъ не есть выраженіе поэтическаго взгляда на природу. Въ основѣ его лежитъ извѣстный комплексъ вѣрованій и идей, свойственныхъ первобытному человѣку и находящихъ свое внѣшнее выраженіе въ двухъ категоріяхъ обрядовъ—въ заклинаніяхъ и очищеніяхъ.

Этотъ основной выводъ автора тѣсно примыкаетъ къ теоріи первобытной магіи, изложенной Фрезеромъ въ его «Golden Bough».

Всѣ факты, объединенные Фрезеромъ подъ именемъ первобытной магіи (знахарство, колдовство, заклинаніе, очищеніе) разсматривались обыкновенно, какъ отраженія анализа. Фрезеръ разсматриваетъ первобытную магію отдѣльно и самостоятельно, отдѣливъ ее отъ всѣхъ построеній, по которымъ первобытный умъ находится подъ властью метафизической проблеммы о смерти и нарушающихъ правильное теченіе мысли сновидѣній. Согласно теоріи первобытной магіи, дикарь, практикующій способы лѣченія посредствомъ шума, огня, ударовъ, изгоняетъ не «духовъ», а самую болѣзнь, проникшую въ тѣло, какъ посторонній предметъ. Если даже дикарь самъ объясняетъ, что онъ изгоняетъ духа, вселившагося въ больного, то это не идетъ въ разрѣзъ съ теоріей Фрезера: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ объясненіемъ старыхъ, издавнихъ способовъ лѣченія вѣрой въ духовъ, явившейся позже, на новой ступени развитія. На первоначальной же ступени, по словамъ Спенсера, «сложные объекты и отношенія понимаются въ терминахъ простыхъ объектовъ и отношеній, съ которыми они имѣютъ сходство».

Съ тѣмъ же самымъ состояніемъ сознанія имѣемъ мы дѣло и въ области сельско-хозяйственныхъ заклинаній. И здѣсь, употребляя выраженіе Фрезера, человѣкъ «схожими дѣйствіями вызываетъ схожія явленія», безъ непремѣнной вѣры въ духовъ. Онъ убираетъ себя и свое жилище цвѣтами, чтобы зацвѣли посѣянныя имъ хлѣбныя растенія; онъ радуется приходу пѣвцовъ, напѣвающихъ ему изобиліе; онъ изгоняетъ порчу, болѣзнь огнемъ, шумомъ, обходомъ, опахиваніемъ; онъ обливаетъ деревья или самого себя водою, чтобы политы были дождемъ его поле и посѣвы. При этомъ безразлично, существуетъ ли уже въ это время вѣра въ духовъ. Какъ говоритъ Фрезеръ, «магія относится къ духамъ такъ же, какъ и къ неодушевленнымъ факторамъ: она понуждаетъ или насилуетъ ихъ вмѣсто того, чтобы ихъ примирить или умилостивить, какъ это сдѣлала бы религія». Фрезеръ даже сближаетъ магію съ наукой, такъ какъ магія, по его мнѣнію, основана «на особой грубой философіи», содержащей въ себѣ зародышъ современныхъ понятій объ естественномъ законѣ».

Digitized by Google

Изложивъ теорію первобытной магіи, г. Аничковъ пытается ближе подойти къ сущности явленій, называемыхъ этимъ именемъ.

Съ нашей точки зрѣнія, заклинанія и очищенія—дѣйствія ирраціональныя, могущія увѣнчаться успѣхомъ лишь сверхъестественнымъ путемъ. Принято думать (этимъ довольствуется и Фрезеръ), что первобытный человѣкъ не раздѣляетъ феноменовъ двухъ отдѣловъ—детерминизма и сверхъестественнаго порядка явленій. Здѣсь, съ нашей точки зрѣнія, ошибка первобытнаго человѣка. Но «ошибка» эта распространяется не такъ широко, какъ думали до недавняго времени, и воззрѣнія современнаго человѣка разнятся отъ воззрѣній дикаря не такъ ужъ сильно.

Къ послѣднему выводу пришли особенно подъ вліяніемъ изученія такихъ явленій, какъ внушеніе, вліяніе на разстояніи и пр. Какъ показалъ А. Лангъ, эти явленія, мало изслѣдованныя современнымъ человѣкомъ, давно знакомы дикарямъ, и знакомы полнѣе и лучше, чѣмъ европейцамъ. Таково, напримѣръ, явленіе сосредоточенія мысли, результатомъ чего является внушаемость. Внесенное современнымъ человѣкомъ въ область научнаго детерминизма, это явленіе заставляетъ значительно измѣнить взглядъ и на ту «ошибку» первобытнаго человѣка, о которой говоритъ Фрезеръ. Если Тэйлоръ не довѣрялъ искренности зулусовъ, прибѣгавшихъ для нахожденія потерянныхъ предметовъ къ сосредоточенію мысли, къ внутреннему откровенію и объяснялъ дѣйствія, называемыя дикарями «открытіемъ вратъ разстоянія» вѣрой въ духовъ предковъ, то современный ученый относится къ этому нѣсколько иначе.

Иначе, чѣмъ раньше, нужно смотрѣть и на сверхъестественное врачеваніе. Какъ и «открытіе вратъ разстоянія», его надо включить въ область скорѣе естественныхъ, чѣмъ сверхъестественныхъ пріемовъ воздѣйствія человѣка на природу (въ данномъ случаѣ—на природу самого человѣка). Шаманъ, самъ находясь въ экстазѣ, приводя въ экстазъ всѣхъ присутствующихъ и самого паціента, стремится внушить ему здоровье. И здѣсь, стало быть, нѣтъ смѣшенія раціональнаго съ ирраціональнымъ, и здѣсь приходится сузить область «ошибки».

Со смѣшеніемъ и ошибкой мы сталкиваемся не при очищеніяхъ и изгнаніяхъ, не при отрицательныхъ заклинаніяхъ, а при «наговариваніи» счастья, при заклинаніяхъ положительныхъ.

Это смѣшеніе—неизбѣжное слѣдствіе строго-эгоцентрическаго міросозерцанія первобытнаго человѣка. Онъ не можетъ не вѣрить, что своимъ экстазомъ, помогающимъ ему «открывать врата разстоянія» и врачевать болѣзни, онъ можетъ вызвать дождь, ускорить цвѣтеніе полезныхъ для него растеній, обезпечить себѣ успѣхъ на охотѣ, на рыбной ловлѣ, при посѣвѣ, изгнать все дурное изъ своего жилища, стада или поля.

Анализируя и углубляя теорію Фрезера, г. Аничковъ вноситъ въ нее еще одну существенную поправку. Фрезеръ противополагаетъ первобытную магію, т. е. народную обрядность, религіи и сближаетъ ее съ зачатками науки. По мнѣнію г. Аничкова, народная обрядность не только возникаетъ изъ міровоззрѣнія, которое нужно назвать религіознымъ, но

Digitized by Google

и основана въ значительной степени на представленіи о божествѣ. Это божество—самъ человѣкъ, вѣрующій въ свою власть надъ природой, служащей только ему одному, это божество — шаманъ, совершающій обрядъ. И не на томъ основана вѣра въ этого человѣка-божество, что онъ населенъ духами. Вѣра въ божественность заклинателя вытекаетъ изъ того же процесса, что и самое заклинаніе. Заклинатель—это тотъ членъ первобытной общины, который болѣе склоненъ приходить въ состояніе экстаза подъ давленіемъ своихъ желаній. Вѣра въ него дастъ ему силу, а вѣра эта коренится въ его способности сосредоточиться на одномъ желаніи. «То, чего желаетъ человѣкъ—и не можетъ не желать съ той точки зрѣнія, на которую всталъ—тому онъ вѣритъ», говоритъ Фейербахъ; «желаніе есть требованіе того, чего нѣтъ; воображеніе, вѣра представляетъ это человѣку какъ бы существующимъ на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ религіи, нѣтъ бога безъ желанія». Эти «желанія», эти потребности, чисто жизненныя, а не познавательныя, и лежатъ въ зародышѣ религіознаго сознанія, съ которымъ связана первобытная магія.

Такимъ образомъ разрѣшаетъ г. Аничковъ первую изъ поставленныхъ себѣ задачъ—рѣшить, что̀ можетъ дать изученіе народной обрядности для исторіи развитія религіознаго сознанія.

Вторая задача изслѣдованія—выяснить значеніе связанной съ весенней обрядностью пѣсни для исторіи литературы и вообще для науки о прекрасномъ въ реферируемой нами первой части труда г. Аничкова привела автора къ гипотезѣ, что обрядовая пѣсня-заклинаніе есть самостоятельно возникшій и первоначальный видъ народной поэзіи. Обрядъ и пѣсня-заклинаніе связаны между собой органически. Переходя отъ обряда къ пѣснѣ, мы переходимъ собственно только къ другой сторонѣ одного и того же явленія. Обрядъ безъ пѣсни—немыслимъ. Пѣсня-заклинаніе способствуетъ появленію экстаза, необходимаго для сосредоточенія сознанія на одномъ опредѣленномъ желаніи, а съ другой стороны выражаетъ словомъ самое пожеланіе. Синкретическая первобытная пѣсня, облеченная въ ритмическую форму, заняла середину между первоначальной, зачаточной формой сознанія религіознаго и первымъ проблескомъ сознанія эстетическаго. Такимъ образомъ, двойственность задачъ въ итогѣ завершилась ихъ объединеніемъ.

Разсмотрѣніемъ отношеній этой гипотезы объ обрядовой пѣснѣ къ теоріямъ искусства—игры, предложеннымъ Шиллеромъ и Спенсеромъ, а также къ теоріи Бюхера, изложенной въ его «Arbeit und Rythmus», заканчивается первая часть работы г. Аничкова—«Отъ обряда къ пѣснѣ». Вторая часть будетъ посвящена тому пути, который ведетъ отъ пѣсни къ поэзіи.

Мы постарались реферировать съ возможной для журнальной замѣтки полнотой богатое содержаніе книги г. Аничкова. Эта книга не то, что нѣмцы называютъ «das wissenschaftliche Kleingewerbe»—кустарное научное производство. Здѣсь вопросъ поставленъ широко, выясняется, какъ органическая часть крупнаго и важнаго цѣлаго. Уже, въ этомъ одномъ, помимо привлеченія громаднаго матеріала для рѣшенія поста-

Digitized by Google

вленныхъ вопросовъ, заключается большое достоинство книги г. Аничкова и ея право на самое пристальное вниманіе со стороны всѣхъ, интересующихся фольклоромъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Н. Мендельсонъ.

Кустарная промышленность на Кавказѣ. Вып. II. Ковровый промыселъ курдовъ Сурмалинскаго, Эчміадзинскаго и Александропольскаго уѣздовъ, Эриванской губерніи. Тифлисъ 1903 г. Изданіе Кавказскаго Кустарнаго Комитета. Стр. 135, ц. 1 р.

Содержаніе настоящей книги гораздо шире ея заглавія, и описанію коврового промысла посвящена только третья глава книги, занимающая менѣе половины ея. Въ первой главѣ дана характеристика географическихъ условій Эриванской губерніи и краткое описаніе вообще жизни курдовъ. Этотъ небольшой, но толково составленный очеркъ не претендуетъ, конечно, на самостоятельное значеніе, но онъ вполнѣ умѣстенъ въ качествѣ введенія къ послѣдующимъ главамъ. Вторая глава содержитъ въ себѣ характеристику экономической жизни курдовъ въ 23 селеніяхъ, подвергшихся спеціальному изслѣдованію. Кромѣ текста, мы здѣсь находимъ очень подробныя поселенныя таблицы, въ которыхъ собраны детальныя свѣдѣнія о населеніи, землепользованіи, скотоводствѣ, экономическихъ категоріяхъ хозяйствъ и о платежахъ; всего въ этихъ таблицахъ 91 графа. Еще болѣе подробными являются бюджетныя таблицы относительно 41 хозяйства. Здѣсь въ 258 графахъ сопоставлены свѣдѣнія о составѣ и численности семьи, объ имуществѣ (скотъ, земля, строенія, одежда, и утварь, сельскохозяйственный инвентарь); далѣе слѣдуетъ приходъ: отъ земледѣлія, отъ скотоводства, отъ промысловъ отхожихъ и мѣстныхъ, отъ торгово-промышленныхъ предпріятій; расходъ: на содержаніе скота, на земледѣліе, на пищу, на одежду и утварь, на рабочихъ, за помолъ, отопленіе, освѣщеніе, куреніе, матеріалы для промысловъ, подати, непредвидѣнные расходы и т. д., заканчиваются таблицы итоговыми цифрами о бюджетномъ балансѣ. Доходы и расходы натурой переведены на деньги, но въ то же время указано и количество получаемыхъ или потребляемыхъ расходовъ. Какъ поселенныя, такъ и бюджетныя таблицы по своей обстоятельности могутъ служить образцомъ подобныхъ работъ, а болѣе подробная разработка цифръ, приведенныхъ въ нихъ, можетъ послужить матеріаломъ для очень цѣннаго изслѣдованія. Третья глава посвящена спеціально ковровому промыслу и здѣсь, кромѣ обстоятельнаго описанія техники производства, обстановки, матеріала, инструментовъ и орнамента, дано изслѣдованіе экономическаго значенія этого промысла и его роли въ курдскомъ хозяйствѣ. Техническая часть снабжена хорошо выполненными рисунками на 8 отдѣльныхъ таблицахъ, а экономическое изслѣдованіе опять содержитъ много цифровыхъ данныхъ.

А. Максимовъ.

Digitized by Google

В. Чернышевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверского, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ. СПБ. 1903. (Отдѣльн. отт. изъ Сборника Отд. рус. яз. и слов. И. Академіи Наукъ, т. LXXV).

В. И. Чернышевъ одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ собирателей особенностей народныхъ діалектовъ. Съ 1898 г. онъ напечаталъ рядъ матеріаловъ по діалектологіи въ Сборникѣ и Извѣстіяхъ Отд. рус. яз. и слов. И. Академіи Наукъ. Назову «Свѣдѣнія о Мещовскомъ говорѣ» и «Дополненія къ нимъ», «Списокъ словъ портновскаго языка», «Свѣдѣнія о народн. говорахъ нѣкоторыхъ селеній Московскаго у.», «Краткія свѣдѣнія о нѣкотор. говор. Дмитровскаго, Богородскаго и Егорьевскаго уу.», «Свѣдѣнія о говорахъ Юрьевскаго, Суздальскаго и Владимирскаго уу.», «Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго у.» Кромѣ того, имъ составлена была «Программа для собиранія особенностей великорусск. говоровъ», изданная Академіей Наукъ въ 1900 г. и представляющая сводъ изъ двухъ прежнихъ академическихъ программъ, составленныхъ отдѣльно для сѣверно-и южно-великорусскаго нарѣчій (1896 г.), съ дополненіями по новымъ источникамъ.

Ограничиваясь вообще скромной ролью собирателя, г. Чернышевъ снабжаетъ свои отчеты и необходимыми заключительными замѣтками, обобщающими наблюденія, и здѣсь изрѣдка позволяетъ себѣ высказать ту или другую историческую догадку, главнымъ образомъ, въ интересахъ того же обобщенія. Если многія изъ записей сдѣланы на основаніи кратковременнаго знакомства съ говоромъ, на основаніи опроса немногихъ лицъ (все это всегда оговорено), то всеже, какъ видно изъ выписанныхъ выше заглавій трудовъ, и площадь наблюденій г. Чернышева весьма значительна, а количество посѣщенныхъ имъ селъ и деревень очень велико; кромѣ того,—и это главное,—его записи отличаются чрезвычайной точностью и осторожностью, что поднимаетъ ихъ научное достоинство. Въ 1898 г. г. Чернышевъ проѣхалъ отъ ст. Поварово Николаевской ж. д. до ст. Пушкино М.-Ярославской и въ посѣщенныхъ имъ селеніяхъ Московскаго у. установилъ три типа говоровъ: московскій умѣренно акающій, сильно акающій (съ яканьемъ) и окающій (съ чертами аканья подъ вліяніемъ московскаго). Въ 1899 г. онъ продолжаетъ изученіе границъ оканья и аканья въ Дмитровскомъ и Богородскомъ уу. Московск. губ. и Егорьевскомъ Рязанской; въ Богородскомъ у., уже у границъ Егорьевскато, онъ открылъ цоканье и чеканье,—явленія, продолжающіяся и въ егорьевскихъ говорахъ, которые мало изучены, но которые интересно сравнить съ касимовскими, изученными проф. Е. Ѳ. Будде («Къ исторіи великорусск. говоровъ». Казань, 1896). Въ томъ же году онъ прошелъ пѣшкомъ отъ Юрьева Владимирской губ. до Суздаля и далѣе до с. Боголюбова (въ 11 в. отъ Владимира) и изслѣдовалъ владимирскіе говоры въ междурѣчьѣ Пекши и Нерли; оказалось, что мѣстные окающіе говоры слишкомъ отличаются отъ другихъ сѣверно-великорусскихъ, чтобъ считать ихъ одинаковыми (какъ это старался доказать Колосовъ, вопреки Далю), и болѣе сходны съ московскими (отличаясь, конечно, отъ послѣднихъ, между прочимъ, оканьемъ);

Digitized by Google

въ то же время они представляютъ интересную (въ историческомъ отношеніи) смѣсь цоканья съ отсутствіемъ его въ предѣлахъ одного и того же селенія.—Изучая непосредственно самъ народные говоры, г. Чернышевъ прибѣгаетъ и къ другому способу полученія діалектологическихъ свѣдѣній: такъ, его «Матеріалы для изученія... Мещовскаго у.» заключаютъ въ себѣ записи, сдѣланныя, по его порученію, его учениками (сельской школы).—Въ послѣднемъ трудѣ по діалектологіи, заглавіе котораго выписано въ началѣ моей замѣтки, мы имѣемъ результаты наблюденій г. Чернышева надъ говорами селеній, лежащихъ по дорогѣ отъ Твери къ Москвѣ, недалеко отъ Николаевской ж. д. и стараго шоссе изъ Москвы въ Петербургъ; эти наблюденія, слѣдовательно, производились по тому пути, гдѣ должны встрѣтиться границы сѣверно-великорусскаго нарѣчія съ такъ называемымъ «московскимъ нарѣчіемъ». Здѣсь установлено г. Чернышевымъ три типа говоровъ: окающій владимирскаго типа, окающій новгородскаго типа (названія условныя) и акающій московскаго типа, и указано точно ихъ распредѣленіе по посѣщеннымъ селеніямъ. Говоры 1-го типа окружаютъ Тверь, Клинъ и смѣшиваются здѣсь съ говорами 2-го и 3-го типовъ. «Московскіе говоры распространились позднѣе первыхъ двухъ по торговымъ путямъ на Новгородъ и Петербургъ и явились и окрѣпли прежде въ городахъ. Поэтому Тверь, Клинъ акаютъ, но кругомъ ихъ, кажется, больше оканья, чѣмъ аканья».

Я остановился на нѣкоторыхъ трудахъ г. Чернышева потому, что они касаются говоровъ Московской губ. и соприкасающихся съ нею мѣстностей. Наблюденія надъ этими говорами весьма важны. Наши свѣдѣнія по русской діалектологіи вообще далеко еще не полны, представленіе же о такъ называемомъ «московскомъ нарѣчіи», кажется, болѣе всего смутно. Со времени Даля извѣстно, что Москва стоитъ на рубежѣ двухъ нарѣчій: южно-и сѣверно-великорусскаго, что предѣлы московскаго говора, самаго близкаго къ литературному, чрезвычайно тѣсны, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы во всѣ стороны уже встрѣчаются особенности другихъ нарѣчій; но, какъ далеко въ дѣйствительности простираются границы московскаго говора, гдѣ проходятъ границы южно-и сѣверно-великорусскаго нарѣчія и какого рода смѣсь представляютъ «переходные» говоры Московской губерніи,—все это до сихъ поръ еще не выяснено вполнѣ. И если за послѣднее время съ успѣхами русской діалектологіи наши свѣдѣнія о русскихъ діалектахъ вообще расширяются, а также и въ указанномъ частномъ вопросѣ туманъ нѣсколько начинаетъ разсѣиваться, то здѣсь наука будетъ обязана въ извѣстной степени работамъ г. Чернышева. Искренно желаемъ ему и далѣе той же любви и энергіи, которыя онъ вкладываетъ въ свое дѣло.

Помимо интереса спеціально діалектологическаго, труды г. Чернышева представляютъ и болѣе широкій этнографическій. Имъ собрано и напечатано большое количество пѣсенъ и другихъ произведеній народнаго творчества. Въ «Свѣдѣніяхъ... о народн. говорахъ Московск. у.» (Прил.

Digitized by Google

№ 3 къ LXVIII т. Сборника) мы находимъ нѣсколько пѣсенъ и сказокъ и цѣнный мѣстный словарь (болѣе тысячи словъ); «Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго у.» (Сборн. т. LXX) заключаютъ болѣе полутораста №№ народныхъ произведеній, между ними 121 пѣсня, 11 сказокъ, разсказы бытовые и очерки народныхъ вѣрованій, описанія обычаевъ, значенія сновъ, примѣты и пр. Къ этой работѣ, кромѣ того, приложено письмо акад. Ѳ. Е. Корша объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ. Наконецъ, въ послѣдней работѣ г. Чернышевъ напечаталъ около 70 пѣсенъ изъ Московск. уѣзда.—Давъ такимъ образомъ значительное количество матеріала по современной народной пѣснѣ, г. Чернышевъ заинтересовался вопросомъ и объ ея происхожденіи и составѣ. Въ послѣдней работѣ читатель найдетъ, кромѣ текстовъ, также и замѣтки автора о народныхъ пѣсняхъ; въ нихъ указываются варіанты и книжные источники приведенныхъ пѣсенъ, а въ статьяхъ: «Гдѣ сложена народная пѣсня» и «Народныя и ненародныя пѣсни» анализируется ихъ содержаніе и высказываются мысли объ ихъ происхожденіи. Содержаніе большинства пѣсенъ показываетъ автору, что мы имѣемъ не древнюю ихъ редакцію, и что наши пѣсни обработаны въ большинствѣ случаевъ въ средней Россіи, въ Московской области. На основаніи изученія матеріала старинныхъ пѣсенниковъ и сравненія его съ пѣснями народными авторъ приходитъ къ заключенію о некрестьянскомъ происхожденіи русской пѣсни, о старой и глубокой связи ея съ книжной поэзіей и говоритъ о роли города и помѣщичьей усадьбы въ развитіи пѣсни, а также о переходѣ пѣсни въ народъ. Эти соображенія не всѣ отличаются новизною (авторъ указываетъ своихъ предшественниковъ), но они цѣнны тѣмъ, что основаны на пристальномъ изученіи какъ содержанія народной пѣсни, такъ и литературы старыхъ печатныхъ пѣсенниковъ.

Д. У.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXXIX. 1903 г., вып. I—III.

Наиболѣе интересной изъ статей, помѣщенныхъ въ настоящихъ выпускахъ «Извѣстій», является, конечно, «О центральномъ Тибетѣ» *Г. И. Цыбикова* (вып. III), представляющая предварительное сообщеніе о его путешествіи въ Лхасу́, прочитанное въ общемъ собраніи Географическаго общества 7-го мая текущаго года. Хотя это только «предварительное» сообщеніе и къ тому же, какъ указываетъ самъ авторъ, его инкогнито и принятая имъ на себя роль простого паломника очень часто мѣшали собиранію нужныхъ свѣдѣній, что легко могло бы возбудить подозрительность мѣстныхъ властей, всеже статья читается съ большимъ интересомъ и даже въ теперешнемъ видѣ содержитъ не мало новаго. Къ статьѣ приложено 9 прекрасныхъ фотографическихъ снимковъ съ г. Лхасы и главнѣйшихъ монастырей Тибета. Снимки эти сдѣланы калмыкомъ Овше Мучкиновичемъ Норзуновымъ, тоже совершившимъ паломничество въ Лхасу́ почти одновременно съ Г. И. Цыбиковымъ, но

Digitized by Google

вернувшимся оттуда нѣсколько раньше. Его снимки были доставлены раньше снимковъ г. Цыбикова, тоже занимавшагося фотографированіемъ, и раньше были отпечатаны. Г. Норзуновымъ произведено было 45 снимковъ, г. Цыбиковымъ болѣе 32; перечень тѣхъ и другихъ фотографій напечатанъ въ приложеніи къ статьѣ г. Цыбикова.—*Свенъ Гединъ* въ своемъ предварительномъ сообщеніи о «Путешествіи въ центральную Азію» (1899—1901 г.) (вып. II) разсказываетъ, между прочимъ, о найденныхъ имъ въ развалинахъ въ пустынѣ Гоби китайскихъ рукописяхъ и монетахъ, относимыхъ спеціалистами къ III вѣку по Р. Х., и проливающихъ новый свѣтъ на физическую и политическую географію центральной части Азіи въ первые вѣка послѣ Р. Х. и на послѣдовавшія затѣмъ въ ней перемѣны.—*В. В. Марковичъ* въ своей статьѣ «На ледникахъ Дигоріи» (вып. I) сообщаетъ кое-какія очень бѣглыя замѣтки о дигорцахъ; въ числѣ рисунковъ, приложенныхъ къ этой статьѣ, есть фотографія дигорскаго аула Ногкау Стырди, иллюстрирующая типъ дигорскихъ построекъ. Такія же бѣглыя замѣтки о карачаевцахъ и кабардинцахъ мы находимъ въ статьѣ *В. Ѳ. Новицкаго* «Въ горахъ Кавказа» (вып. II). *В. Л. Сѣрошевскій* въ письмѣ на имя секретаря географическаго общества разсказываетъ о своей поѣздкѣ въ селеніе дауръ, солонъ и баргутъ, расположенныя по Аргуни, Хайлару и ихъ притокамъ.

А. Мкс.

П. Д. Первовъ: Эпитеты въ русскихъ былинахъ. Подъ такимъ заглавіемъ отпечатана въ 1902 г. небольшая брошюра, въ которой авторъ разбираетъ былинные эпитеты. Представляя собою одну изъ художественныхъ красотъ произведеній народнаго творчества, эпитеты имѣютъ болѣе глубокое значеніе, нежели простое опредѣлительное слово,—и выясненіе внутренняго смысла эпитетовъ, исторіи ихъ образованія и развитія представляетъ собою большой интересъ не только въ филологическомъ, но и въ художественномъ отношеніи.

Авторъ вышеназванной брошюры, говоря, что «русскій эпосъ очень богатъ эпитетами и стоитъ въ этомъ отношеніи рядомъ съ Гомеровскимъ», добросовѣстно перечисляетъ эти эпитеты и старается добраться до первоосновы каждаго изъ нихъ путемъ сравненій и сопоставленій былинныхъ эпитетовъ съ однозначущими словами санскритскаго, латинскаго, греческаго и славянскихъ языковъ. Авторъ старается опредѣлить корень каждаго эпитета и разъяснить его существенное значеніе, причемъ, какъ видно изъ его ссылокъ, руководится филологическими замѣчаніями и изъясненіями Аѳанасьева, Потебни, Караджича, Макса Мюллера.—Обширный матеріалъ, который представляютъ собою эпитеты русскаго эпоса, требовалъ бы болѣе подробной и разносторонней обработки, нежели та, которую нашелъ нужнымъ дать авторъ въ своей работѣ, но, очевидно, онъ имѣлъ въ виду лишь очеркъ учебно-воспитательнаго характера, который онъ и предложилъ читателямъ въ своей небольшой брошюрѣ.

Е. Е.

Digitized by Google

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. XIX, вып. 3 и 4.

Въ настоящемъ двойномъ выпускѣ «Извѣстій» помѣщены между прочимъ четыре небольшихъ статейки по этнографіи инородцевъ: *И. В. Яковлевъ* «Изъ жизни пермскихъ вотяковъ Гондырскаго края»,—здѣсь описаны общественныя моленія и празднества вотяковъ язычниковъ («курыськон», «вось», масляница, «быдзымпая»), свадьба и похороны; описаніе очень краткое, но относительно моленій сообщается кое-что новое; *Р. П. Догулей* «Святки у крещеныхъ татаръ Мамадышскаго и Лаишевскаго уу. Казанской губ.»,—описаны увеселенія молодежи и гаданіе; *И. В. Яковлевъ* «Замѣтка о священномъ озерѣ Вотяковъ Казанскаго у. и моленіи на немъ»,—сообщается интересная легенда о священномъ озерѣ, въ которомъ цыганка вымыла грязное бѣлье и которое по этому случаю переселилось на быкахъ въ другое мѣсто; *К. Прокопьевъ* «Обрядъ прохожденія въ земляныя ворота»,—описанъ любопытный обрядъ, примѣняемый чувашами въ случаяхъ эпидеміи; детали обряда очень интересны; въ прохожденіи черезъ земляныя ворота принимаетъ участіе все мужское и женское населеніе деревни, изъ чужихъ же деревень никто, даже гости и работники по прохожденію не допускаются; ёмзя-женщина и ёмзя-мужчина читаютъ каждый особыя молитвы, первая надъ кашей, второй надъ водой; первымъ проходитъ черезъ ворота мужчина—единственный сынъ у родителей и за нимъ остальные мужчины, потомъ—дѣвушка—единственная дочь у родителей, и за ней прочія женщины, наконецъ прогоняютъ и скотъ. Къ этому же обряду пріуроченъ и обрядъ добыванія новаго огня путемъ тренія двухъ кусковъ дерева.

А. Мкс.

Д-ръ Якобій. Религіозно-психическія эпидеміи. Изъ психіатрической экспертизы. («Вѣстникъ Европы», 1903 г., книга 10-я и 11-я).

Выдающійся этнографическій интересъ представляетъ статья д-ра Якобія о религіозно-психическихъ эпидеміяхъ, помѣщенная въ «Вѣстникѣ Европы». Правда, оригинальный, научный матеріалъ, которымъ располагалъ почтенный авторъ, въ статьѣ почти отсутствуетъ: свою психіатрическую экспертизу онъ приводитъ in extenso, свои антропологическія и этнографическія наблюденія даетъ только въ конечныхъ результатахъ, не предоставляя, такимъ образомъ, читателю возможности вникнуть въ суть того научнаго анализа, который продѣлалъ самъ авторъ, прежде чѣмъ написалъ свой популярный очеркъ. Этого, конечно, нельзя поставить ему въ вину, такъ какъ цѣль популярнаго очерка въ популярномъ журналѣ обусловлена не научнымъ анализомъ, а научными выводами. Тѣмъ не менѣе нельзя не пожелать, чтобы этотъ вопросъ былъ обработанъ авторомъ и для спеціальной научной литературы.

Обратимся однако къ самому очерку.

Авторъ останавливается преимущественно на хлыстовствѣ, а въ немъ на «супоневскомъ дѣлѣ», которое самъ изслѣдовалъ на мѣстѣ. Кромѣ

Digitized by Google

того, въ очеркѣ приводятся для сопоставленій «тираспольскія самопогребенія», обслѣдованныя проф. Сикорскимъ («Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ». Кіевъ. 1897), дѣло въ Павловкахъ, а также другія религіозно-психическія эпидеміи въ Россіи и въ другихъ странахъ.

Въ вопросѣ о психическихъ заболѣваніяхъ д-ръ Якобій, вмѣстѣ съ проф. Сикорскимъ, д-ромъ Bregо и др., первенствующую роль приписываетъ расѣ. Въ частности, для главнаго факта, разбираемаго въ его статьѣ, эту роль играетъ финская раса. Зазываніе и принятіе духа (хлыстовство), схожденіе заживо въ могилу (тираспольское дѣло) и тому подобные акты совершались въ отдаленныя времена жизни той или другой расы «не какъ проявленіе душевной болѣзни, а какъ особое, специфическое проявленіе народной психики». Затѣмъ, путемъ передачи наслѣдственности, эти психическіе акты повторяются въ отдаленныхъ потомкахъ. Изъ трехъ формъ наслѣдственности—прямой, боковой и атавистической—послѣдняя, атавистическая, «представляетъ передачу психопатическаго элемента отъ его болѣе или менѣе отдаленнаго предка»; дарвинисты объясняютъ теперь «инстинктъ», какъ «воспоминаніе предыдущихъ поколѣній». Итакъ, остановившись на значеніи финской расы въ событіяхъ супоневскаго дѣла, авторъ подводитъ свои разсужденія къ сопоставленію психики хлыстовства съ антропологическими и этнографическими данными первобытной культуры вообще и финскаго шаманства въ частности. Въ хлыстовствѣ онъ останавливается на трехъ основахъ, дѣлающихъ эту секту совершенно чуждой христіанству: 1) низведеніе («сманиваніе») на землю и въ человѣка съ неба Св. Духа путемъ пѣнія, шума и сильныхъ мышечныхъ движеній, по большей части ритмированныхъ, доводящихъ человѣка до особаго психофизическаго состоянія, спеціально пригоднаго для вселенія Духа; 2) ненависть и чувство гадливости къ браку, къ парному и постоянному сожительству мужчины и женщины, и свобода половыхъ сношеній до «свальнаго грѣха» включительно; 3) братство сектантовъ и посвященныхъ; кромѣ того, 4) хлысты питаютъ отвращеніе отъ дѣторожденія и нелюбовно къ дѣтямъ относятся и 5) у нихъ отсутствуетъ семейная связь въ кровномъ родствѣ. Въ результатѣ своихъ сопоставленій хлыстовства и финскаго шаманства, д-ръ Якобій приходитъ къ такимъ заключеніямъ: 1) религіяч культъ хлыстовъ есть восточно-финскій шаманизмъ почти въ чистомъ видѣ; 2) враждебное отношеніе хлыстовъ къ браку, «бракоборное ученіе» ихъ, безпорядочныя половыя отношенія, свальный грѣхъ—все это есть возвращеніе къ первоначальнымъ общественнымъ формамъ коммунальнаго брака и гетэризма; 3) братство хлыстовъ, ихъ враждебное отношеніе къ дѣторожденію, малая семейная связь, гинекократія и т. д. составляютъ логическія послѣдствія возвращенія къ комунальному браку; 4) въ общемъ хлыстовство есть общественное явленіе реверсивнаго характера, возвращеніе къ древней первоначальной культурной стадіи—человѣчества вообще (коммунальный бракъ и гетэризмъ) и финской расы въ частности (шаманизмъ).

Digitized by Google

Доказательство того, что супоневцы (Брянскаго уѣзда Орлов. губ.)— восточные финны, авторъ находитъ, очевидно, больше въ своихъ наблюденіяхъ, которыя приводитъ здѣсь часто въ видѣ краткой характеристики: «чистѣйшая финка по чертамъ и краскамъ», «финскій типъ въ самомъ полномъ его выраженіи» и т. п. Приведены также и нѣкоторыя историческія данныя, начиная съ лѣтописныхъ, кончая свѣдѣніями о переселеніи крѣпостныхъ. Но извѣстно, какъ мало и они даютъ для возстановленія расоваго типа. Эта часть очерка поэтому является наименѣе убѣдительной въ научномъ смыслѣ, хотя читатель и не перестаетъ вѣрить опытному автору, считая весьма вѣроятнымъ финское происхожденіе супоневцевъ.

Причинами, которыя порождаютъ атавистическое возвращеніе къ первобытной психикѣ, въ очеркѣ д-ра Якобія выставлены: нищета, пьянство и невѣжество въ духовномъ отношеніи (11 кн. 154 стр.), въ частности у женщинъ—«голодъ на впечатлѣнія» и слишкомъ ранняя половая жизнь (или попытки къ ней), порождающія у нихъ истерію и кликушество. Толчокъ къ заболѣванію дается извнѣ, чаще всего какимъ-нибудь психически-больнымъ субъектомъ, который заразительно дѣйствуетъ на наиболѣе тяжело пораженныхъ психопатическимъ и дегенеративнымъ элементомъ. Административныя и другія репрессіи усиливаютъ экзальтацію. Въ «супоневскомъ дѣлѣ» началось съ религіознаго движенія, направленнаго Василіемъ Д. въ духѣ Евангелія; но въ этомъ усмотрѣли (особенно становой приставъ; священникъ не былъ противъ) «сектантскую пропаганду», отказали имъ въ причастіи, потомъ было «возбужденіе», ихъ судили, Василій Д. былъ посаженъ въ тюрьму. Среди возбужденныхъ и огорченныхъ лже-сектантовъ выдѣлился Осипъ Потапкинъ, «душевно-больной, страдающій параноіей уже въ стадіи перехода въ слабоуміе». Сначала безпрекословно подчиняясь Василію Д., онъ, съ его удаленіемъ, самъ полуграмотный, сталъ толковать Евангеліе и свернулъ въ проповѣди своей на подкупающую доктрину автоматизма: «человѣкъ можетъ призвать въ себя Св. Духа, который входитъ въ него и управляетъ имъ какъ машиною, уничтожая всякую волю»; доктрина эта изложена у него въ нестройныхъ, нелѣпыхъ утвержденіяхъ параноика». Потапкинъ попалъ на благопріятную почву: «паталогически-пораженное уже населеніе, жаждущее чего-то духовнаго и совершенно лишенное его, дико невѣжественное и психически крайне неустойчивое».

Супоневское движеніе Потапкина встрѣтило и противодѣйствіе въ нѣкоторой части мѣстнаго населенія, особенно среди мужчинъ, оскорбившихся за своихъ бабъ, ходившихъ на «радѣнія» «принимать плоть и кровь» отъ Потапкина. Изъ ихъ среды выдѣляется «ревнитель православія» Тихонъ Б., тоже «типичный финнъ и чертами лица, и красками, представляетъ анатомическія стигматы дегенераціи». Это—центръ, вокругъ котораго группируются «разносители домовъ сектантовъ». Имъ и ему подобными «ревнителями православія» пользуются блюстители порядка и церкви, избирая ихъ «въ члены для противодѣйствія сектантамъ и для охраненія дѣтей отъ зараженія сектантствомъ» (10, стр. 758).

Digitized by Google

Авторъ, какъ уже упомянуто, приводитъ многія параллели и, между прочимъ, останавливается на первой лекціи проф. Lacassange'а, посвященной «Медицинѣ былого времени и врачу XX вѣка». Выписка изъ этой лекціи интересна по своимъ отношеніямъ къ событіямъ «супоневскаго дѣла». А именно, самъ Lacassange по Мишле (Исторія Франціи), Кальмелю («Объ эпидимическихъ проявленіяхъ умопомѣшательства») и Lavisse'у («Исторія Франціи», III т.) даетъ характеристику психическаго состоянія Франціи отъ XIII до XV вѣковъ: «Помѣшательство становится эндемичнымъ на всемъ Западѣ. Оно проявляется въ процессіяхъ бичевальщиковъ (flagellants), въ конвульсивныхъ болѣзняхъ, какъ хореоманія, пляска св Витта, тарантелла, макабрскій танецъ. Въ первые года XV вѣка нищета народа ужасающая, голодные годы слѣдуютъ одинъ за другимъ, народъ голодаетъ, мозгъ людей возбужденъ, самъ король французскій Карлъ VI—умалишенный. При этомъ общемъ возбужденіи общественная опасность растетъ. Дьяволъ вмѣшивается въ дѣло и будетъ мучить человѣчество въ теченіе трехъ вѣковъ. Онъ сначала принимается за низшіе слои общества, самые бѣдные и наиболѣе поддающіеся... Психическая болѣзнь царитъ во всей Европѣ. Сотни тысячъ демономаніаковъ гибнутъ на кострѣ»...

Наши эпидеміи авторъ считаетъ еще не столь опасными; но онѣ могутъ быть грозны въ будущемъ. Разумныя экономическія мѣры, медицина и вообще наука должны стоять на стражѣ народнаго благополучія.

Д-ръ Якобій попутно захватываетъ и много частныхъ вопросовъ этнографическаго характера, а также этнографическихъ параллелей въ наукѣ и жизни разныхъ народовъ. Ихъ безъ интереса нельзя обойти при чтеніи его очерка. Надо думать, что еще не разъ русскіе этнографы возвратятся къ вопросамъ подобнаго характера, и тогда будетъ умѣстно воспользоваться цѣнными указаніями почтеннаго автора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать, чтобъ вопросъ о роли шаманскаго культа въ хлыстовствѣ былъ обслѣдованъ самостоятельно, внѣ отдѣльныхъ фактовъ, вродѣ супоневскаго дѣла, гдѣ все «чистѣйшіе финны». Это важно потому, что шаманскій культъ, во-первыхъ, развился на почвѣ анимизма [1]) и свойственъ не только восточно-финнамъ, но и многимъ другимъ малокультурнымъ племенамъ, а во-вторыхъ, проводимая у автора мысль объ атавистическомъ возвращеніи однихъ и тѣхъ же субъектовъ къ психикѣ и первобытнаго человѣчества вообще и восточно-финновъ въ частности предстаяляется искусственно обоснованной, неубѣдительной. Съ этой точки зрѣнія статья д-ра Якобія была-бы болѣе цѣнной, если-бы заключала въ себѣ больше сырого, развѣдочнаго матеріала, который бы далъ возможность провести болѣе убѣдительныя сравненія.

Вл. Б.

---

[1]) См. В. М. Михайловскій: Шаманство. Вып. I.

Digitized by Google

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Амурскій край. 1903. 67. *Z*, Съ береговъ Селемджи. Описывается печальная жизнь новоселовъ.—**74.** „Между старожилами и новоселами“ на Амурѣ часто возникаютъ недоразумѣнія изъ-за пользованія землею. Описываются пререканія въ с. Ивановскомъ, гдѣ старожилы владѣютъ 80—100 десят. захваченной земли.—**75.** Хохлы въ Америкѣ. (По статьѣ г. Тапа о мал.-русс. слободѣ въ сѣв. Дакотѣ, изъ „Русс. Вѣд.“).—**83.** Д. Ново-Алексѣевка. (Средне-Бѣльской волости). Земельнымъ надѣломъ въ настоящее время постановили на шесть лѣтъ пользоваться такъ: предоставляется каждому члену общества право распахивать и засѣвать не болѣе ста десятинъ на дворъ, причемъ съ каждой распаханной десятины подушныхъ и земельныхъ повинностей платится въ общественную кассу по 83 коп. Такимъ образомъ богатый дворъ, засѣвающій 100 десятинъ, платитъ въ общественную кассу 83 рубля, а бѣднякъ за одну десятину—платитъ 83 копѣйки. Ранѣе земельнымъ надѣломъ пользовались несправедливо: количество засѣва десятинъ для двора не ограничивалось, и богатые сельчане по 100—200 десятинъ засѣвали, а платили подушныхъ и земельныхъ повинностей столько же, сколько платилъ и засѣвающій одну—двѣ десятины. **84.** „Поселокъ Таврическій“ основанъ всего 2-й годъ. Повинностей пока никакихъ не отбываютъ. Тавричане первый годъ нуждались и скучали, а теперь привыкли. Земля—черноземъ.

Виленскій Вѣстникъ. 145. Модный танецъ Cake Walk; этотъ тропическій танецъ, подражающій движеніямъ кенгуру, входитъ въ моду во Франціи и Англіи.—**152, 158, 160** и **164.** Чаровники и знахари западно-русскаго простонародья. Посмертный очеркъ протоіерея *Іоанна Бермана.* **157.** „*П. Кр.*“ Легенда о Каменномъ человѣкѣ. Разбойникъ умеръ, проклятый монахомъ, и превратился въ камень. Слышно, какъ въ этомъ камнѣ „бьется проклятое сердце“.—**172.** Ю. Ѳ. Крачковскій (скончался 23-го іюля). Покойный не мало потрудился для извлеченія изъ юридическихъ актовъ цѣнныхъ историческихъ фактовъ.

Восточное Обозрѣніе. 1903. 121. Корреспонденція съ низовьевъ Онона. Обычай красть невѣстъ все болѣе и болѣе распространяется, главнымъ образомъ потому, что этимъ путемъ избѣгаютъ крупныхъ расходовъ, связанныхъ съ обыкновенной свадьбой.—**122.** Съ дальняго Востока, корр. М. Черниховскаго. Излагается содержаніе доклада даотая Эпь-минь вице-королю Ю-ан-ши-каю по поводу принудительнаго обращенія китайцевъ въ христіанство. Много фактовъ, рисующихъ дѣятельность европейскихъ миссіонеровъ.—**127.** Корреспонденція съ Онона о врачебной дѣятельности ламъ, конкуррирующихъ съ врачами.—**128.** Изъ писемъ *Н. М. Ядринцева* объ Алтаѣ. Сообщено г. Бантовымъ. Въ статьѣ есть свѣдѣнія объ извѣстномъ изслѣдователѣ Алтая С. И. Гуляевѣ. Въ отрывкахъ изъ писемъ Н. М. Ядринцева есть указанія, довольно многочисленныя, на его этнографическіе и археологическіе интересы на Алтаѣ. Есть свѣдѣнія о культурѣ черневыхъ татаръ, кузнецкихъ и бійскихъ. Они, по мнѣнію Н. М. Ядринцева, находятся на переходной ступени къ быту осѣдлому. У нихъ есть задатки ремеслъ. Н. М. Ядринцева интересуетъ, что татары называютъ „кендыремъ“. Конопля это, крапива, или другое растеніе? Онъ думаетъ, что

Digitized by Google

первая ткань была приготовлена изъ „кендыря“.—**137.** Корреспонденція изъ Олекминска. Бытовое и юридическое положеніе башкиръ—конокрадовъ, сосланныхъ въ Якутскую область изъ Уфимской и Оренбургской губерній.—**146.** Окинскій отдѣльный родъ. Характеристика хозяйственнаго и экономическаго положенія этого рода, выдѣленнаго въ самостоятельную единицу при раздѣленіи въ 1890 г. бывшей Тункинской думы (Иркутской губерніи). Сами буряты не умѣютъ стряпать хлѣба, а привозятъ муку русскимъ, которые за плату и приготовляютъ имъ хлѣбъ. Ростовщичество очень развито среди бурятъ этого рода, а деньги очень дороги: 40—50% роста—явленіе обыкновенное—**147.** Корреспонденція изъ с. Бирюльскаго. Крестьяне объясняли засуху тѣмъ, что отводитъ тучи мастеръ, ремонтировавшій церковь, которому дождь былъ невыгоденъ. Такому же подозрѣнію подвергся одинъ ссыльный, дѣлавшій кирпичи подъ открытымъ небомъ, не имѣя денегъ построить сарай. Одни крестьяне хотѣли его побить, другіе просили не отводить дождя.—**148.** Артурскіе очерки. *В. Козлова.* Изъ жизни китайскихъ рабочихъ - кули, представляющихъ крупную конкуррирующую силу для русскихъ рабочихъ. Крайняя непритязательность кули. Ихъ максимальный заработокъ—80—100 чохъ въ день (чохъ= $^1/_{12}$—$^1/_{16}$ копейки).—**154**—Корреспонденція изъ Тѣлина (Манджурія). Подробное описаніе культуры опія, его сбора, употребленія для куренія.—**156.** Корреспонденція изъ с. Бирюльскаго сообщаетъ о вѣрѣ крестьянъ въ колдуній, заговаривающихъ молоко у коровъ. Черти, по вѣрованію крестьянъ, таскаютъ изъ люлекъ маленькихъ дѣтей.—**164.** Письма изъ Якутскаго улуса. Роль водки въ жизни якутовъ. Ни одно сколько-нибудь важное событіе въ жизни якутовъ не обходится безъ питья водки. Выработался цѣлый церемоніалъ поклоновъ, старшинства, мѣстничества при питьѣ водки. Перечисляя всѣ случаи, когда якуты пьютъ водку, авторъ рисуетъ довольно полную картину якутской жизни.—**165.** Скопческое кладбище. М. Ольминскаго. Приводятся эпитафіи стихотворныя, довольно интересныя для характеристики скопческаго творчества и міровоззрѣнія.—**175.** Оживающіе нравы (этнографическія замѣтки). Въ с. Бирюльскомъ до сихъ поръ существуетъ обычай покупки невѣстъ. Калымъ колеблется отъ 10 до 100 рублей. Торгъ ведется ранѣе того, чѣмъ женихъ или сваты увидятъ невѣсту. Очень распространены внѣбрачныя сожительства. Дѣвушка, имѣвшая дѣтей, скоро можетъ выйти замужъ, такъ какъ за нее берутъ меньше калыма, она дешевле.—**180.** Корреспонденція изъ Олекминска. На ярмаркѣ якуты развлекаются своимъ танцемъ, носящимъ названіе „эге-кай-гокъ-оге-кай-гокъ“. Это танецъ мѣстный, незнакомый якутамъ другихъ округовъ. Взявшись подъ руки, образовавъ кругъ, все время постепенно расширяющійся, якуты выдѣлываютъ ногами оригинальное па, выкрикивая на разные голоса припѣвъ, давшій названіе танцу. По словамъ стариковъ, это припѣвъ забытой пѣсни героическаго періода. Происхожденіе его таково: нѣкогда, когда якуты еще только появились въ краѣ, бѣлыя березы еще не росли, и бѣлыхъ людей еще не было, якутамъ жилось хорошо: рыбы въ рѣкахъ и озерахъ было много, а въ лѣсу было много „сохатыхъ“ (лосей) и другихъ звѣрей. Но вотъ Богъ разгнѣвался за что-то на якутовъ, и вся рыба скрылась въ далекихъ моряхъ, а звѣри вернулись въ тѣ далекіе отъ Олекминскаго округа лѣса, откуда пришли сюда якуты. Наступилъ страшный голодъ и народъ сталъ вымирать. Собрались якуты на высокую гору и начали упрашивать Бога сжалиться надъ ними и доставить имъ какую-нибудь добычу. Долго молились якуты, усердно „шаманили“ жрецы; но добычи нигдѣ не видно было. Когда старый шаманъ, потерявъ было надежду умилостивить Бога, ударивъ въ послѣдній разъ въ бубенъ, упалъ на землю лицомъ внизъ и началъ корчиться въ судорогахъ, а народъ началъ готовиться къ страшной голодной смерти, изъ лѣсу выбѣжало двое „сохатыхъ“ неимовѣрной величины и направились какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ шаманъ. Шаманъ поднялся на ноги и началъ плясать, за нимъ пустились въ плясъ остальные якуты. Шаманъ пѣлъ пѣсню въ честь сжалившагося надъ ними Бога, каждый куплетъ которой заканчивался припѣвомъ „эге-кой-гок-ого-кой-гок“. Пѣсню якуты забыли, но

Digitized by Google

припѣвъ и танецъ запомнили, и танцемъ этимъ развлекаются въ минуты изобилія — ярмарки и т. д. Ходятъ и другія легенды объ этомъ оригинальномъ танцѣ олекминскихъ якутовъ, но приведенная, кажется, наиболѣе распространенная.—**182**. Изъ жизни Олекминскихъ скопцовъ. Матеріалы, относящіеся къ 60-мъ годамъ, рисуютъ положеніе скопцовъ на мѣстѣ ссылки и тѣ мѣры, которыя принимались противъ распространенія ихъ ученія.—**189**. Воспоминанія изъ жизни въ Маньчжуріи. Н. Прокоповича. Описывается, между прочимъ, празднованіе китайскаго новаго года въ Цицикарѣ. Интересно аллегорическое изображеніе борьбы дракона съ солнцемъ. На нитяхъ привѣшено небольшое изображеніе дракона и красный полый шаръ со свѣчкой внутри. Невидимымъ механизмомъ эти двѣ фигуры приводятся въ дѣйствіе Драконъ налетаетъ на солнце, отскакиваетъ, кувыркается и снова принимается за работу.—**195**. Сообщеніе изъ с. Перфилова (со словъ „Сиб. Вѣстн.") о нѣкоторыхъ суевѣріяхъ. Для „присухи" вырѣзаютъ у сукъ половыя части, поджариваютъ, смѣшиваютъ ихъ съ говядиной или другой ѣдой и даютъ тому, кого надо „присушить".— Въ томъ же номерѣ сообщается, что въ селѣ Гадалеѣ крестьяне олицетворили сибирскую язву. Ее представляютъ въ видѣ худощавой страшной старухи на козьихъ ножкахъ. Она плохо видитъ и потому иногда ошибается: приметъ лошадь за корову и сгубитъ ее. Чтобы обмануть старуху, крестьяне гримируютъ рогатую скотину: сбиваютъ рога, надѣваютъ узду на корову или дегтемъ рисуютъ на ней шлею, хомутъ, сѣдло, узду.—Въ корреспонденціи изъ с Бирюльскаго говорится о положеніи женщины въ крестьянской средѣ. Она не имѣетъ своего имущества. Деньги, заработанныя дочерью, идутъ отцу. Авторъ знаетъ случаи, когда женщины, чтобы пріобрѣсти права на заработанныя ею деньги и вообще измѣнить свое подневольное положеніе, надѣвали мужской костюмъ и достигали своей цѣли, измѣняли свое экономическое положеніе.— **193 и 198**. Право и обычай въ жизни крестьянъ приленскаго края. *Dieudonné*. Авторъ разсматриваетъ вопросъ о происхожденіи и современномъ состояніи приленской поземельной общины. Она представляетъ собой ту стадію въ эволюціи этого обычно-правоваго института, когда родовая община переходитъ въ сельскую. Земельный бытъ приленца представляетъ изъ себя зданіе, лишенное юридическаго фундамента. Матеріалъ для послѣдняго можетъ и должно дать обычное право приленца. Вторая часть статьи посвящена вопросу о гражданскихъ правахъ и сословномъ судѣ.—**211**. Къ енисейскимъ остякамъ (путевые наброски) *Н. Федорова*. Авторъ совершилъ свою поѣздку на „елимкѣ"—родъ большой крытой лодки грузоподъемностью до 600 пудовъ. Онъ описываетъ двѣ остановки: въ с. Сургутскомъ (по Енисею) и у богатаго остяка Николая. Главная же стоянка была въ с. Карманномъ, на лѣвомъ берегу Енисея, куда спутники автора ѣхали на ярмарку. Авторъ подробно говоритъ о наружности остяковъ, ихъ костюмахъ, юртахъ и подробно останавливается на эксплоатаціи, которой подвергаются остяки со стороны русскихъ торговцевъ.—**213**. Корреспонденція изъ с. Ермаковскаго Минусинскаго уѣзда. Нѣкоторыя болѣзни крестьяне приписываютъ змѣѣ, заползшей внутрь человѣка. Для изгнанія змѣи надо выпить конскаго кала, смѣшаннаго съ конскимъ потомъ и деревяннымъ масломъ, и выпариться въ банѣ.—**226**. Изъ бумагъ сибирскаго патріота. *Т. Фаръ*. Сообщаются неизданные матеріалы, характеризующіе отношеніе Н. М. Ядринцева къ инородческому вопросу.

Вѣстникъ Юга. 1903. 419. *Романченко, Т. Н.* Памяти И. И. Манжуры. По поводу 10-лѣтія со дня смерти. Авторъ вспоминаетъ объ этнографической дѣятельности этого талантливаго писателя-этнографа, почившаго такъ безвременно (3-го мая, 1893). Многія его работы и стихотворенія не напечатаны и разбрелись куда-то по разнымъ рукамъ. Могила его сейчасъ заброшена. Авторъ призываетъ его почитателей поддержать могилу и почтить память біографическимъ очеркомъ или статьей о немъ [1]).

---

[1]) См. о немъ „Этн. обозр." XVIII, 165. Некрологъ.

Digitized by Google

Дальній Востокъ. 1903. 104. Азіатскій Востокъ. О выставкѣ бронзы въ Уено въ императорскомъ музеѣ древностей (см. здѣсь хронику).—**105.** Въ о-вѣ изученія Амурскаго края. О-во до сихъ поръ преслѣдовало только научныя цѣли; по мнѣнію ревизіонной комиссіи, необходимо согласовать ихъ съ цѣлями практическими, заинтересовавъ мѣстный промышленный міръ, особенно въ изслѣдованіяхъ естественно-историческихъ. На премію имени Ѳ. Ѳ. Буссе за сочиненіе объ Амурскомъ краѣ никто соч-ій не представилъ. — **120.** *Стрѣлокъ*, У мукденскихъ могилъ. Авторъ описываетъ личныя наблюденія, касаясь при этомъ культа предковъ у китайцевъ. (См. о томъ же статью Н. Г-ко: Императорскія могилы вблизи Мукдена въ „Землевѣдѣніи", 1903, кн. 1).

Естествознаніе и Географія. 1903. 3 и **4.** *Житковъ, Б.* Новая земля. Путевыя замѣтки. (Прод. и ок.).—**3. 4.** и **5.** *Киргхгофъ, А.* Человѣкъ и земля. (Перев. *В. Н.* Прод. и ок.). - **5.** *Житковъ, Б.* Городъ Мангазея и торговый путь въ Ялмалъ (съ 1 картой) [1].—Происхожденіе древнѣйшихъ домашнихъ животныхъ. (Перев. *С.*). Изложено по работѣ проф. д-ра К. Келлера (изданіе подъ тѣмъ же заглавіемъ въ Цюрихѣ).—Изученіе отечества въ Финляндіи. (По Больду).—**6.** *Зографъ, Ник. проф.* Современная теорія жизни. (Съ 3 рис.)—**6.** и **7.** *Брандтъ А. Ѳ., проф.* По Черному морю и Дунаю. Отрывокъ изъ путевыхъ воспоминаній.—**8.** *Кивакурцевъ, П.* Манчжурія. Очеркъ. — *Филипповъ, А. М.* Еще о Мангатеѣ и о торговомъ пути черезъ Ялмалъ.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ. **1903. Т. XIX., вып. 2.** *Ахмаровъ, Г. Н.* О языкѣ и народности мишарей. Какъ говоритъ самъ авторъ, его труды есть „лишь попытка, на основаніи данныхъ языка, собственныхъ ихъ (мишарей) преданій и нѣкоторыхъ другихъ соображеній, опредѣлить приблизительное ихъ происхожденіе, остающееся до сихъ поръ вопросомъ спорнымъ".—*Люшинъ, Л. Н.* Описаніе башкирскаго бунта 1755 года.—*Катановъ, Н. Ѳ.* Шведъ Филиппъ-Іоганнъ Страленбергъ и труды его по Россіи и Сибири (начала XVIII вѣка).—*Горталовъ, Н. К.* Отчетъ о занятіяхъ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ 15—28 авг. 1902 г. Приложеніе: 1) Протоколы Собраній О-ва, 2) Отчетъ О-ва за 1902 г.

Пермскія губернскія Вѣдомости. 1903. 82. *Модестъ.* Радовница. Изображена современная картина этого народнаго праздника — Очерки Корейскаго быта Уссурійскаго края (по „Амурскому краю").—**83.** Безпоповщинскій скитъ (изъ статьи проф. П. П. Смирнова въ „Христіан. Чтеніи"). Почти около каждаго скита вырыты пещерки, но входы въ нихъ такъ искусно скрыты, что постороннему ихъ и не отыскать. Особеннымъ почетомъ пользуются переписчики книгъ „по уставу". Есть въ предгоріи Урала безпоповцы-пустынники. Были случаи добровольнаго голоданія въ пещерѣ, которое сопровождалось стономъ, криками, рыданіемъ, грызли зубами свои же руки и ноги, о томъ только и молили Бога, чтобы жизнь скорѣе прекратилась; одни жили дней 25, другіе 40.—**90.** Жертвоприношеніе сына (изъ газ. „Мшацъ"). Въ с. Байандуръ Аслямазовъ, видѣвшій во снѣ Бога, повелѣвавшаго принести сына въ жертву, дабы исцѣлиться, сдѣлалъ это, зарѣзавъ 7-ми мѣсячнаго сына. Населеніе недовольно, что такой „святой" человѣкъ заключенъ въ тюрьму. — Мормоны въ Германіи. Ихъ тамъ 19 0 ч., изъ нихъ 150—миссіонеры. Германское правительство рѣшило изгнать этихъ полигамистовъ, послѣдователей ученія Брагама Юнга. Ни къ чему не привелъ ихъ протестъ передъ америк. посломъ въ Берлинѣ. Мормонамъ объявленъ срокъ ихъ выселенія.—**111.** Интересный музей. Со словъ „Нов. Врем." описывается (кратко) богатый частный музей древностей, принадлежахій Ѳед. Мих. Плюшкину въ Псковѣ.

Правительственный Вѣстникъ. 1903. 76. Пазрѣцкая ц.-прих. школа среди лопарей.—Въ даръ Кіевскому музею древностей. (Отъ Имп. Арх. Комиссіи).—**83.** Выставка японскаго искусства.—Музей Воронежск. церковнаго истор.-арх. музея.—Населеніе Китайской Имперіи 426.447.000 чел.—**86.** С.-Петер-

[1] См. изслѣдованіе проф. *Д. Н. Анучина*: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака" Древности", т. XIV).

Digitized by Google

бургъ по переписи 15 декабря 1900 г.—**90** и **91**. *(Корр.)* Международный конгрессъ историческихъ наукъ въ Римѣ.—**92**. Въ Имп. Русс. Археол. О-вѣ были доклады (19 апр.) *Б. А. Тураева*: „Изъ исторіи Книги мертвыхъ", *Г. Ф. Церетели* „Персы Тимоѳея Милетскаго" и *Х. М. Лопарева* „О генуэзской рукописи X вѣка".—**93**. Географическій очеркъ Тобольскаго сѣвера. Содержаніе доклада *А. А. Дунѣна-Горкавича* въ Геогр. О-вѣ, 22 апр.—**94**. Въ Арх. О-вѣ заслушаны доклады (23 апр.): *А. А. Спицына*: „Къ исторіи колонизаціи Суздальской земли и сѣверо-востока" и *А. А. Воронова*: „Изъ поѣздки по восточному берегу Онежскаго озера. Бѣсовъ носъ, Муромскій монастырь. Спицынъ высказалъ мнѣніе, что на сѣверѣ колонизаціонное движеніе шло отъ кривичей. На скалахъ „Бѣсова носа" и „Перьихъ носовъ" изображены человѣч. фигура, осьмиконечный крестъ, лебеди, ящерицы, рыба, елка, лопата, сани и др. предметы; рисунки, вѣр., XVI вѣка.—**100**. А. П. Кирпичниковъ (некр.) —**101**. Въ Имп. Арх. О-вѣ 1 мая заслушанъ докладъ *А. Т. Маркова*: „О мусульманскихъ медаляхъ" (историч. очеркъ возникновенія медалей на востокѣ) и проф. *П. П. Воеславскаго*: „О нефритовомъ надгробіи Тамерлака".—**102**. Годичное засѣданіе того же о-ва (2 мая). По прочтеніи отчета *П. П. Попрыжкинъ* сдѣлалъ сообщеніе: „Архитектура сербскихъ храмовъ.—К. В. Кедровъ (некр.)—**105**. Докладъ Цыбикова о путешествіи въ Тибетъ. (Въ Геогр. О-вѣ, 7 мая).—**115**. Изслѣдованіе древнихъ каменныхъ сооруженій въ Чигиринѣ производится В. В. Хвойкомъ. По его опредѣленію, они относятся къ XV—XVI вв. Но многое, „спрятанное въ землю", вѣроятно еще ждетъ своихъ археологовъ.—**119**. Изъ „Вилен. Вѣстн." приведенъ циркуляръ попечителя виленскаго учебнаго округа объ изученіи народностей Ковенской губ. (См. „Этн. обозр.", 1903, № 3, Хроника). **124**, **125** и **126**. Старыя и новыя теоріи о происхожденіи румынъ. Указаны: 1) Iohan Thunman, „Untersuchungen über die Geschichte der österlichen europaeischen Völker. Leipzig. 1174. 2) F. J. Sulzer, „Geschichte der Transalpischen Dacien. Wien 1781—1782. 3) I. Chr. Engel: „Geschichte der Moldau und Valachei. Halle. 1804. 4) Ioc. Шафоринъ „Славянскія древности; 5) Миклошичъ „Die slavischen Elemente in Ruminischen. Wien 1862. 4) Рёсслеръ Romanische Studien. Untersuchungen zur ältern Geschichte Romaniens". 1871. 7) Томашекъ: „Zur walachischen Frage". 1872, 8) Бидерманъ: Die Romanien und ihre Verbreitung in Oesterreich. Graz. 1877. 9) Ѳ. И. Успенскій. „Образованіе второго болгарскаго царства". Од. 1879. 10) М. И. Соколовъ: „Очерки по древней болгарской исторіи". Спб. 1878. 11) М. С. Дриновъ: Заселеніе Балканскаго полуострова. 12) I. Юнгъ: „Römer und Romanien in den Donauländern; die Fasten der Provinz Dacien. Innsbruck. 1890. 13) Гастонъ Пари: Romania. Recueil. consacré à l'étude des langues et des litteratures romanes 1878. №7. 14) Iosif Ladislav Pič: „Abstammung der Rumaenen. Leipz. 1880 15) К. Я. Гротъ: „Моравія и мадьяры. Спб. 1881. 16) Его же: Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ. Варш. 1889. 17) Н. Швикеръ. „Этнографія Венгріи". 1877, 18) Paul Hunfalvi: „Die Rumänen und ihre Ansprüche. Wien" 1883. 19) V. M. Burla: „Hunfalvy si teoria lui Roessler". 20) Ar. Densusianu: „Limba rumâna în lupta", 1893. 21) B. Häjdeu: „Genealogia popoarelorn balcanice". Bucuresci. 22) E. Гермузаки: „Fragmente zur Geschichte der Rumünen". 1878 23) A. Д. Ксенополъ. „Revista pentra istorie, archeologie, si filologie vol. I—IV 1883—1885. 24) А. И. Яцимирскій: „Труды Слав. Комиссіи М. арх. о-ва". 1992. 25) Раду Росетти: „Invasiunile slavilor in peninsula Balcanico si formatiunea nationalitatei române". Revista Nouâ, an VII, 2, 1894. 26) Dr. Ladislav Réthy: „Deslegarea chestiunei originei românilor", 1896 27) Ovide Densusianu: „Histoire de la langue roumaine". 28) Д. Я. Самоквасовъ: „Исторія русскаго права" Варшава. 1888. 29) Д. Н. Анучинъ: „Кто вводитъ въ науку большія недоразумѣнія". М. 1888.—Авторъ очерка въ „Прав. Вѣстникѣ" приходитъ къ заключенію, что вопросъ объ этническомъ типѣ румынъ можетъ быть рѣшенъ только по даннымъ антропологіи, которыя сейчасъ находятся въ зачаточномъ состояніи. — **127**. Русская народно-бытовая медицина. Очеркъ

Digitized by Google

составленъ по книгѣ Панова.—**128**. Воронежскій Церк.-археол. Комитетъ. (Дѣятельность). **132**. Переселеніе инородцевъ изъ Кульджи въ Россію. Докладъ г.-м. Техменева, отмѣтившаго стихійное переселеніе въ Россію киргизъ, дунганъ и таранчей кульджинскаго района.—**138**. Исландія русскаго былевого эпоса. Очеркъ составленъ по поводу результатовъ, добытыхъ г. Ончуковымъ на Печорѣ.

Приднѣпровскій Край. 1903 1846. Къ Археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ. Открытіе въ Кіевѣ предварительнаго комитета подъ предсѣдательствомъ проф. В. Б. Антоновича.—**1845**. Находка клада въ монастырѣ. Въ Кіево-Михайловскомъ м-нѣ найдены вещи, зарытыя, вѣроятно, въ Батыево нашествіе; есть уники, проливающіе новый свѣтъ на русское искусство до-татарской эпохи.—**1849**. Новости наукъ: тюремный жаргонъ (см. хронику). **1850**. *Сочинскій, П.* Потомокъ запорожцевъ. Въ Новомосковскѣ живетъ Мих. Ив. Гаркуша, 104 лѣтъ отъ роду. Авторъ приводитъ его разсказы о старинѣ.—**1852**. Мѣстн. хроника: Комитетъ арх. съѣзда привлекаетъ предводителей дворянства для оказанія содѣйствія съѣзду и выставкамъ. Въ ученой архивной комиссіи назначенъ докладъ о заслугахъ покойнаго проф. А. И. Маркевича. Въ Нахичевань-на-Дону командированъ А. И. Ильинъ для палеонтологич. раскопокъ.—**1854**. *Обыватель.* Умалишенные въ деревняхъ (Корр. изъ Маріуполя). Въ д. Ново-Успеновкѣ зажиточный крестьянинъ помѣшался; зарѣзалъ жену и самъ повѣсился въ колодцѣ. Мѣры не принимаются, если помѣшанный ничего „не учинилъ". Другой фактъ: пришелъ со службы солдатъ и психически заболѣлъ: пересталъ ѣсть, ходить и только *нюхалъ мяту*, при этомъ говорилъ, что ему явился Спаситель, что онъ блаженный, перерожденный, братъ св. Георгія Побѣдоносца. Нашлись бабы, которыя увидѣли въ этомъ психопатѣ нѣчто святое. (Срв. статью д-ра *П. Якобія*: Религіозно-психическія эпидеміи. „Вѣстн. Европы", 1903, 10, 11).—**1860**. Крестьянская изба. Описываются антигигіеническія условія въ крестьянскихъ жилищахъ села Малышева Воронеж. у. (изъ „Сарат. Зем. Недѣли", № 3).—**1903**. Гибель пустыни. Сгорѣлъ Святоозерскій монастырь, основ. въ XIV в., въ нынѣшнемъ Гороховецкомъ уѣздѣ. **1904**. Исторія одного умопомѣшательства. Убійцы-русскіе, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе, взвели на еврея Беккера обвиненіе въ ритуальномъ убійствѣ. Тотъ заболѣлъ маніей преслѣдованія и сталъ оправляться тогда, когда выяснились истинныя обстоятельства дѣла.—**1921**. *Красный человѣкъ*, Закладка Музея имени А. Н. Поля (31 авг.).—**1937**. Матеріалы къ XIII археол. съѣзду.—**1943**. Грузинскій писатель Виссаріонъ Нижарадзе въ сванетскомъ селеніи Адиши, какъ передаетъ „Кавказъ", нашелъ пергаментное евангеліе, переписанное въ 897 году. Евангеліе это самое древнее изъ числа извѣстныхъ пока датированныхъ евангелій, а именно—аѳонскаго евангелія, переписаннаго въ 913 году, джручскаго, переписаннаго въ Шатберди въ 936 году, нархальскаго, появившагося въ свѣтъ въ 973 г., и кн. Грузинскаго, переписаннаго въ 955 году.—**1976**. Въ архивной комиссіи. Дѣятельность ея со времени открытія, т. е. съ 16 марта 1903 г.—**1963**. Въ архивной комиссіи. Засѣданіе 30 сентября. Г. Шевченко предпринимаетъ на своей землѣ раскопки. Гг. Синявскій и Бертоградовъ командируются для участія въ составленіи описей церковныхъ архивовъ.—Трактовался вопросъ о переносѣ областного Ярославскаго съѣзда съ 1905 на 1906 г. А. С. Синявскій сдѣлалъ докладъ: „Исторіографъ Новороссійскаго края проф. А. И. Маркевичъ"; В. И. Пичета сдѣлалъ докладъ: „Записки Юрія Крижанича о Малороссіи".

Русскій антропологическій Журналъ. Изданіе Антропологич. Отдѣла И. О. Л. Е. А. и д. Основанъ 30 марта 1900 г. въ честь проф. Д. Н. Анучина. Подъ ред. *А. А. Ивановскаго*. **1903 № 2**. *Чепурковскій, Е.* Къ антропологіи русскихъ женщинъ I. Антропологическіе типы. Авторъ произвелъ измѣренія 825 взрослыхъ крестьянокъ Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской и Ярославской губерній. Среди нихъ опредѣляются два типа: 1) свѣтловолосый, съ голубыми или сѣрыми глазами, умѣренно-брахицефальный, широколицый, средняго роста, 2) темноволосый, съ карими глазами, болѣе длинно-

Digitized by Google

головый и длиннолицый, болѣе низкорослый. Есть и смѣшанный типъ. Свѣтлый типъ многочисленнѣе темнаго: 17% свѣтл., 13% темн., 70% смѣш. Въ смѣшанномъ типѣ много темнорусыхъ часто съ сѣрыми или голубыми глазами. По росту и формѣ головы указанные типы занимаютъ промежуточное положеніе отъ британокъ и скандинавокъ къ обитательницамъ Южной Россіи и отчасти Азіи. Свѣтлый типъ географически преобладаетъ больше въ направленіи къ центральнымъ губерніямъ.—*Вильга, Г.* Зубы въ антропологическомъ отношеніи. Антропологія все болѣе и болѣе расширяетъ область своихъ изслѣдованій, и то, что раньше относилось къ аномаліямъ, теперь получаетъ совершенно иное освѣщеніе. Такъ различныя колебанія въ особенностяхъ зубовъ обнаруживаютъ не только индивидуальные признаки, но и расовые. Авторъ приводитъ мнѣнія выдающихся ученыхъ о расовыхъ особенностяхъ зубовъ, указываетъ этнологическія и другія условія при болѣзняхъ зубовъ (особенно костоѣды); разсматриваетъ далѣе искусственное деформированіе и другія поврежденія, окрашиваніе зубовъ у разныхъ племенъ; біологическія проблемы при изученіи зубовъ, палеонтологическія находки, наконецъ аномаліи зубовъ и условія развитія зубовъ.—*Ивановскій, Ал.* Киргизы Средней орды. Антропологич. работы о киргизахъ извѣстны слѣдующія: 1) А. Н. Харузинъ — Киргизы Букеевской орды; 2) Н. Л. Зеландъ — Киргизы (Омскъ, 1885), 3) Мацеевскій и Поярковъ: Краткія этнограф. замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. (Омскъ, 1883), 4) Ujfalvy de Mezö-Kövesd: Le Kohistan, le Ferghanah et Kuldja (Paris. 1878); Expédition scientif. française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan (Paris, 1880), 5) В. Д. Троновъ—Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизовъ (Спб. 1891) и др. Несмотря на это, трудъ А А. Ивановскаго представляетъ большой интересъ, такъ какъ авторъ пользуется подлинными цыфрами личныхъ измѣреній (157 суб.). Изслѣдованные имъ киргизы отличаются по типу отъ киргизовъ, изслѣдованныхъ А. Н. Харузинымъ, Мацѣевскимъ и Поярковымъ, Зеландомъ, Уйфальви. Не придавая этимъ различіямъ рѣшающаго значенія, авторъ высказываетъ мнѣніе, что заблуждались другіе авторы (гл. обр. А. Н. Харузинъ), думая, что крайняя степень метисаціи киргизовъ, отсутствіе „строго опредѣленнаго типа киргиза", „господство трехъ типовъ", присутствіе „типовъ", клонящихся то къ кавказской, то къ монгольской расѣ, опредѣляются изъ имѣющихся антропологическихъ данныхъ.—*Прохоровъ, К.* Къ антропологіи великоруссовъ Елатомскаго уѣзда Тамбовской губерніи. На основаніи данныхъ изслѣдованія 950 субъектовъ, авторъ характеризуетъ типъ елатомскихъ великоруссовъ: темноволосый (преобладаетъ темнорусый), свѣтлоглазый (преобладаніе голубыхъ), роста ниже средняго, (блондины низкорослы, брюнеты высокорослы), грудь развита хорошо. В-р. населеніе уѣзда вообще смѣшанное: живутъ мордва, мещера, татары и др. инородцы, всего 3,94%. 964 годъ—годъ побѣды Святослава—авторъ считаетъ годомъ государственнаго объединенія даннаго края; къ этому времени, м. б., относятся многочисленные городки и городища—„мордовскія тверди". При Батыѣ здѣсь жили выходцы изъ Крыма (татары), около XV вѣка русскій элементъ уже господствовалъ. Произошла, какъ думаетъ авторъ, ассимиляція мѣстныхъ инородцевъ, включая и татаръ, вліяя тѣмъ самымъ на измѣненіе физическаго типа.—*Синицкій, Л.* Біологическіе корни человѣческаго общества. Излагается содержаніе работы д-ра Бека (Р. Веск) подъ тѣмъ же заглавіемъ.—Критика и Біографія.—Извѣстія и замѣтки.

Русскія Вѣдомости. 1903. 281. По поводу областныхъ археологическихъ съѣздовъ. Письма въ редакцію А. В. Селиванова и Д. Н. Анучина по поводу статей на ту же тему, помѣщенныхъ въ № 266 „Русс. Вѣд.".—**284.** *Э. Ю.*, „Добрыня Никитичъ", опера-былина А. Т. Гречанинова. (Большой театръ, 14-го октября). Авторъ, разбирая народныя и другія основы сюжета и музыкальныхъ мелодій, отдаетъ композитору дань справедливости, какъ преемнику, гл. обр., Римскаго-Корсакова и Бородина.—**289—290.** *Дживелеговъ А.* Теодоръ Моммзенъ (1817—1903).—**291.** *Корсаковъ, В. В.* Изъ общественной жизни въ Китаѣ. Между прочимъ, описано разбойничество, расширившее свою дѣятель-

Digitized by Google

ность организаціей отрядовъ амазонокъ; обученныя европейскому военному строю, одѣтыя въ военную форму, съ головными уборами на подобіе индусскихъ тюрбановъ, онѣ бились и съ бо́льшимъ мужествомъ, и съ бо́льшею жестокостью, нежели мужчины.—**292.** Крымъ. Сильное движеніе татаръ въ Турцію, не смотря на то, что оттуда получаются неутѣшительныя извѣстія.—**296.** *Соболевъ, М.* Экономическій переломъ и земство въ Сибири. Разсматривая переломъ въ переходѣ Сибири отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, авторъ трактуетъ о необходимости введенія учрежденій, которыя стали бы на защиту сельскаго населенія.—**297** и **301.** *Танъ* Русскіе въ Канадѣ. Изъ дорожныхъ впечатлѣній.—**306.** *Рубиновъ, Н.* „Илья пророкъ Третій".—„Я—Илья пророкъ, главный смотритель христіанской католической церкви на Сіонѣ! А если вы этому не вѣрите, то вы—скотина, грязная собака, паршивое животное, лгунъ и мерзавецъ!" Такова проповѣдь старичка—пророка, привлекшаго огромную публику въ самую большую залу Нью-Іорка. Это — Джонъ Доуи. Онъ не просто религіозный энтузіастъ, а еще основатель самостоятельной „церкви въ Сіонѣ", Илья пророкъ сіонистовъ. Первый прор. Илья былъ разрушитель, второй прор. Илья былъ Іоаннъ Креститель, а Джонъ Доуи, Илья Третій—Возстановитель (Restorer), какъ онъ себя называетъ. При помощи своихъ послѣдователей онъ построилъ себѣ городъ Сіонъ. Его религія имѣетъ практическую подкладку: фабричное производство, торговля—вотъ основы благосостоянія доуистовъ; ихъ нравственный кодексъ—отсутствіе спирта, табака и увеселительныхъ заведеній; комфортъ, хорошая пища—поддерживаютъ въ нихъ бодрый духъ и личное достоинство. Дѣятельность Доуи полна эксцентричностей. Послѣдователей это только увлекаетъ. Во всемъ Нью-Іоркѣ горячо обсуждается вопросъ: „Что онъ—мошенникъ или маніакъ?"

С.-Петербургскія Вѣдомости. 236. *Богдановъ, И. И.* Изъ Зауралья I. Трактуется о вредѣ для народнаго хозяйства черезполосицы. II. Несовершенные способы обработки, необходимость „выселковъ" (или „заимокъ").—*Лотоцкій, А.* Открытіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.—Изъ статьи *А. Сиротинина* въ „Русск. Школѣ" приводятся свѣдѣнія, что мадьяризація дѣлаетъ большіе успѣхи въ народной школѣ у словаковъ.—Изъ Сиб. Вѣстн." взяты свѣдѣнія объ изгнаніи бѣса въ Барнаулѣ изъ крестьянина „отцомъ Тарасомъ".—**242.** Изъ „Орлов. Вѣстн." даны свѣдѣнія о женскомъ костюмѣ этн. отдѣла с.-х. выставки. Приведены также нѣкот. свадебные обряды.—**248.** Къ исторіи нашихъ древнихъ монетъ (см. здѣсь „хронику").—**268, 269.** Цѣнный вкладъ въ нашу финскую литературу (Очеркъ о Спельманѣ).—**271.** Изъ „Сарат. Дневн." приведены свѣдѣнія о праздникѣ Покрова въ деревнѣ. „Покровъ"—покровитель свадебъ, равно какъ и „Пятница-Параскева". Покровъ защищаетъ отъ холода, отъ безкормицы. Есть также обычай „закармливанія" скотины на зиму,—особый снопъ „пожинальникъ".—**273.** Изъ „Саратов. Лист." о жизни киргизъ Букеевской орды.—**282.** *Абрамовъ Иванъ,* Оживающая старина. Авторъ лѣтомъ объѣхалъ центральныя губерніи съ этнографической цѣлью и сообщаетъ о вымираніи стариннаго женскаго костюма—**285.** *Л-въ, В.* Среди инородцевъ Передается содержаніе книги Я. Я. Полферова („Среди инородцевъ"), объѣхавшаго Караногайскую степь, Калмыцкіе улусы, Киргизскія степи въ Тургайской области и Башкирію. Описывается жалкая жизнь инородцевъ.—**286.** Статистика поляковъ въ Пруссіи (по изданіямъ прусской статистики). Поляки живутъ въ 170 округахъ: въ 108 число ихъ увеличилось, въ 62—уменьшилось.

Сѣверный край. 1903. 235. *Е., А.* На выставкѣ. Авторъ останавливается на дефектахъ выставки. — **242, 245** и **246.** *Романовъ, Н. В.* Письма съ выставки. **251.** *Мурманщикъ,* Съ Мурмана. Плохой уловъ рыбы, пьянство (каз. лавка), все пропито, грозитъ голодная зима.—**252.** Національная американская библіотека въ Вашингтонѣ съ русскимъ Отдѣломъ. Завѣдуетъ русскимъ отдѣломъ г. Бабинъ, окончившій курсъ въ Cornell University, въ Итакѣ, и занимающійся спеціально исторіей Соед. Штатовъ. **271** и **277.** *Піотрашко,* Сельское хозяйство на выставкѣ Сѣвернаго края.—**315.** *А,* Письма изъ Архангельска. Развитіе судоходства въ сѣв. моряхъ и помощь поморамъ на судостроеніе.

Digitized by Google

Сѣверо-Западное Слово. 1903. 1651. Ковна. Сообщается о смерти педагога и археолога Ник. Петр. Авенаріуса. Имъ помѣщались статьи по нумизматикѣ, между прочимъ, „о кунахъ“ въ „Извѣст. Арх. о-ва“.—**1659.** В. Г. Короленко въ дѣлѣ о мултанскомъ жертвоприношеніи. Интервью съ Н. П. Карабчевскимъ. (Изъ „Русск. Сл.“). Какъ извѣстно, защитительная рѣчь В. Г. въ судѣ касалась, гл. обр., религіозныхъ вѣрованій вотяковъ и возможности у нихъ человѣческихъ жертвоприношеній — **1667.** Въ „Уральцѣ“ напечатаны воспоминанія *М. Е. Вѣрушкина.* О пребываніи В Г. Короленка на Уралѣ лѣтомъ 1901 г. В. Г. путешествовалъ съ авторомъ, съ цѣлью собрать матеріалы для повѣсти о Пугачевѣ. В. Г. рылся въ архивахъ, разспрашивалъ старыхъ людей, наблюдалъ, записывалъ, фотографировалъ виды, избы, улицы поселковъ, типичныхъ казаковъ и людей, одѣтыхъ по старинному; улицу въ Дарьинскомъ поселкѣ онъ срисовалъ карандашемъ.

Digitized by Google

Новости этнографической литературы.

Арнольди, С. С. Цивилизація и дикія племена. Спб. 1904. Ц. 1 р. 20 к. (Перепечатка изъ „Отеч. Записокъ" 1869—70 гг.).

Его-же Современныя ученія о нравственности и ея исторія. (Оттуда же). Спб. 1903—1904. Ц. 1 р.

Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи виленскаго учебнаго округа. Томъ 13-й. Вильна. 1902. Тип. А. Сыркина. 4 д., XXXVI+235 стр., 400 экз.

Атласъ харьковскаго намѣстничества 1787 г. съ топографическимъ описаніемъ (посвящается XII археологическому съѣзду). Изд. харьковск. губерн. статистич. комитета подъ редакціей В. В. Иванова. Харьковъ. 1902. Тип.-лит. М. Зильберберъ и с-вья 4 д., 8 стр., 2 табл. рис., 1 планъ и 1 карта. 220 экз.

Базаровъ, III.—Лх. Образцы монгольскаго народнаго творчества. (Отд. оттискъ изъ „Записокъ восточн. отд. Имп. русск. археолог. общ." Томъ XIV). Спб. 1902. Тип. Имп. академіи наукъ. 8 д. Стр. съ 092 по 0106; 85 экз.

Барсовъ, Е. О русскихъ народныхъ пѣснопѣніяхъ. Лекціи. М. 1903. Ц. 40 к.

Бартольдъ, В. Историко-географическій обзоръ Ирана.. Спб. 1903. XII+176 стр. Съ картой.

Бунинъ, А. И. Гдѣ находились города Липецкъ и Ворголъ, а также и другія мѣста, упоминаемыя въ лѣтописяхъ подъ 1283—1284 гг.? (Оттиски изъ 2-го тома Трудовъ XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ) Москва. 1901. Тип. А. Снегиревой. 4., 8 стр., 50 экз.

Бѣляевъ, И. Д Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ. 4-е изданіе М. 1903. Ц. 2 р.

Василенко, В. И. Этнографическіе матеріалы, собранные по Полтавской губерніи. Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по Полтавской губерніи. Отдѣлъ I-й, II-й и III-й. Кустарные промыслы, сельское хозяйство и землевѣдѣніе, народныя поговорки и изреченія. Харьковъ. 1902. Тип. „Печатное дѣло" кн. К. Гагарина. 8 д., 80 стр. (Отд. оттиски изъ Сборника Историко-Филолог Общества Т. 13· 1902 г.). 15 экз.

Верманъ, К., проф. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. И. Сомова (Около 2.200 стр., больш. формата и убористой печати, съ 1.500 иллюстр. въ текстѣ, 80 геліогравюрами и рѣзан. на деревѣ черн. картинами и 50 хромолит.). Томъ 1-й, вып. 2—4. Спб.-1902. Тип. т-ва „Просвѣщеніе". 8 д., стр. съ 49 по 160 и 8 таблицъ рисунк. 9.000 экз. II 1 р. 20 коп.

Верховой, Н., Ярославль. Историч. монографія о времени основанія города. Рыб. 1903. 33 стр. Ц. 25 к.

Вильга, Г. О зубахъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Диссертація. М. 1903. 287 стр. (Цѣнная работа для антрополога).

Вольтеръ, Э. А. Чудсколитовскіе элементы въ новгорскихъ пятинахъ. Часть 1-я. Пятины Вольская, Деревская и Шелонская. Трудъ Ю. Ю. Трусмана. Ревель. Тип. Г. Матизена. 1898. 8 д., X+376 стр. Рецензія. Спб. Тип. академіи наукъ. 4 д., 10 стр. 60 экз.

Digitized by Google

Врадій, П. В. Этюды о змѣяхъ. Ц 50 к.

Врацій В. П. Китайскія легенды и повѣрья. (Корректурный листъ in folio; всего 8 экз.) Спб. 1903. Ц. 2 р.

Голубовскій, П. В., проф. Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Руси способъ защиты таборомъ? (оттиски изъ 2-го тома Трудовъ XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ). Москва. 1901. Тип. А. Снегиревой. 4 д., 10 стр., 75 экз.

Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся до Грузіи. Томъ II, выпускъ II. Съ 1769 по 1801 годъ. Подъ редакціей А. А. Цагарели, орд. проф. Имп. спб. университета. Спб. 1902. Тип. В. Киршбаума 8 д., LV+330 стр., 750 экз.

Гусевъ А. Н. Историко-справочный путеводитель. Харьковъ. его прошлое и настоящее въ рисункахъ и описаніяхъ, съ приложеніемъ снимковъ, воспроизведенныхъ съ рѣдкихъ картинъ, акварелей, гравюръ, фотографій съ натуры, чертежей, плановъ города 1768 года и новѣйшаго. Издалъ А. Н. Гусевъ. Харьковъ. 1902. Тип. А. Дарре. 8 д., 1+260 стр. и 12 фототип. снимковъ 1.200 экз.

Данилевичъ, В. Е. Донецкое и Хорошевское городища. (Отд. оттиски изъ сборника историко-филологическаго общества. Томъ 13-й 1902 г.). Харьковъ. 1902. Тип. „Печатное дѣло" кн. К. Гагарина. 8 д., 3 стр., 200 экз.

Дурново, Н., Южно великорусскія дѣепричастія на мчи и мши (Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника") Варшава. 1902. Тип. Варш. учебнаго округа 8 д., 17 стр. 100 экз.

Дѣтскій пѣсенникъ. Русскія и латышскія народныя пѣсни, употребляемыя въ училищахъ. Изд. Д. Данцигеръ. Рига. 1902 Тип. Л. Бланкенштейна. 24 д., 64 стр., 6.000 экз. Ц. 10 коп. На русскомъ и латышскомъ языкахъ.

Еврейскій, ежегодникъ на 5664 (1903—1904) годъ Календарь съ иллюстраціями. Спб. 1903. Ц. 25 к.

Евсѣевъ, И. Е. Замѣтки по древне-славянскому переводу Св. Писанія VI. Книга пророка Даніила въ переводѣ жидовствующихъ, по рукописи XVI в. Изд Имп. об ва исторіи и древностей россійскихъ при москов. университетѣ Москва. 1902. Тип. Университетская. 8 д., 36 стр. 100 экз. Ц. 30 коп.

Зигфридъ. (Нибелунги). Siegfried (Das Nibelungenlied). Пособіе для классного и домашняго чтенія. Примѣчаніями, синонимами и словарями, построчными и алфавитнымъ снадбилъ Максъ Фишеръ. Изд. 4-е книжн. магазина В. Думнова Москва. 1902. Тип. университетская. 8 д., 3+131 стр. 3.000 экз. Ц. 40 коп.

Зинченко, Николай. Театръ при Петрѣ Великомъ. Очеркъ. Спб. 1904. Ц. 15 коп.

Златоверховниковъ, Н. И Памятники старины и новаго времени и другія достопримѣчательности Курской губерніи. Изд. курскаго губернскаго статистическаго комитета. Курскъ. 1902. Тип. губернск. правленія. 8 д., 2+98 стр., 420 экз. Ц. 50 коп.

Иловайскій, Д. Вторая дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому (Посвѣщается двѣнадцатому археологическому съѣзду). Москва. 1902. Тип. „Русскаго т-ва печатн. и издат. дѣла". 8 д., IV+106 стр., 650 экз. Ц. 40 коп.

Каринскій, Н. М. О говорахъ восточной половины Бронницкаго уѣзда Спб. 1903. Ц. 2 р.

Кизеветтеръ, А. А. Посадская община въ Россіи XVIII ст. М. 1903. Ц. 5 р.

Кнаузъ, Ѳ. И. проф. О происхожденіи имени народа Русь. (Оттиски изъ 2-го тома трудовъ XI археологич. съѣзда въ Кіевѣ). Москва. 1901. Тип. А. Снегиревой. 4 д., 16 стр. 75 экз.

Кобеко, Д. Ф. Отзывъ о сочиненіи С. А. Бѣлокурова. О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи (Отд. оттискъ изъ „Отчета о XLII присужденіи наградъ графа Уварова"). Спб. 1902. Тип. академіи наукъ. 4 д., 26 стр 60 экз.

Digitized by Google

Колтовской, Е. Бессарабскіе конокрады. Ихъ бытъ, пріемы и языкъ. Изъ записокъ слѣдователя. Кишиневъ. 1902. Тип. А. Гольденштейна. 16 д., 74 стр. 1.000 экз. Ц. 30 коп.

Краснянскій, В. Г Минскій департаментъ Великаго Княжества Литовскаго. Спб. 1903 г.

Кристъ, Е. Кобзари и лирники Харьковской губерніи. (Отд. оттиски изъ сборника историко-филологическаго общества. Томъ 13-й. 1902 г.). Харьковъ. 1902. Тип. „Печатное дѣло" кн. К. Гагарина. 8 д., 15 стр. 200 экз.

Латышевъ, В. В. академикъ. Присяга гражданъ города Херсонеса таврическаго. Греческій текстъ съ русскимъ переводомъ и краткими объясненіями. Севастополь. 1902. Тип Д. Харченко. 8 д., 16 стр., 1.000 экз. Ц. 10 коп.

Литвинова, П. Я. Южно-русскій народный орнаментъ. Черниговская губернія. (Уѣзды: Конотопскій, Кролевецкій, Новгородъ-Сѣверскій и Стародубскій). Выпускъ 2-й. Съ предисловіемъ проф. Е. К. Рѣдина. Изд. харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда. Харьковъ. 1902. Тип. М. Зильбербергъ и сыновья. 4 д., 19 стр. и 20 таблицъ узоровъ. 600 экз.

Львовъ, Вл. Русская Лапландія и русскіе лопари. Географ. и Этнограф. очеркъ, М. 1903, стр. 81. Ц. 25 к.

Лѣтопись занятій археографической комиссія. 1884—1894 гг Вып. XI-й Спб. 1903. Ц 3 р.

Малинка, Ал. Н. Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фальклору. (Черниг., Волынск., Полтавск. и нѣкот. др. губ.). Колядки, щедровки, загадки, пословицы, заговоры, народн. медицина, примѣты, разсказы и сказки. Изд. редакціи „Земскаго сборника Черниговской губ." Черниговъ. 1902. губ. земства. 8 д., XXI+1+388 стр., 75 экз.

Маргаритовъ, Сергѣй, маг. богословія. Исторія русскихъ раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ. Изд. 2-е Кишиневъ. Тип. Кашевскаго. 8 д., 191 стр., 1.500 экз.

Марръ, Н. Арабское извлеченіе изъ сирійской хроники Марибаса. (Отд. оттискъ изъ „Записокъ восточн. отд. Имп. русск. археолог. общ." Томъ XIV). Спб. 1902. Тип. Имп. академіи наукъ. 8 д., стр. съ 078 по 091; 60 экз.

Марръ, Н. Грамматика древне-армянскаго языка. Этимологія. Вып. II. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Масловъ, С. Лирники Полтавской и Черниговской губерній. (Отд. оттиски изъ сборника историко-филологическаго общества. Томъ 13-й. 1902 г.). Харьковъ. 1902. Тип. „Печатное дѣло" кн. К. Гагарина. 8 д., 12 стр. 200 экз.

Миллеръ, Д П. Архивы Харьковской губерніи. (Отд. оттиски изъ сборника историко-филологическаго общества. Томъ 13-й. 1902 г.). Харьковъ. 1902. Тип. „Печатное дѣло" кн. К. Гагарина. 8 д., IV+239 стр., 200 экз.

Монье, Ф. Опытъ литературной исторіи. Италіи XV вѣка. Кватроченто. Пер. съ фр. К. С. Шварсалона. Спб. 1903. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Стр. 592. Ц. 4 р.

Мюнцъ, Вильгельмъ, раввинъ Ритуальное убійство и присяга. Открытое письмо депутату рейхстага г. Либерманъ-фонъ Зонненбергу. Переводъ Г. Генкеля. Изд. III. Бусселя. Спб. 1902. Тип. Бусселя. 8 д., 14 стр., 1.000 экз Ц. 15 к.

Мюрэ, Морисъ. Еврейскій умъ. Переводъ съ французскаго Е. Отоцкой. Спб. 1902. Тип. П. Сойкина. 8 д., XIX+307 стр., 2.000 экз. Ц. 1 руб.

Некрасовъ, И. Я. Повѣрья и обычаи Сургутскаго края. 1903, стр. 230.

Новицкій, А. П. Исторія русскаго искусства. Выпускъ 11-й. Москва. 1902. Тип. т-ва А. И. Мамонтова. 4 д., Стр. съ 401 по 480 и таблицы фотот., 3.600 экз.

Новомбергскій, Н. Островъ Сахалинъ. Съ приложеніемъ автобіографіи и портретъ убійцы Ѳедора Широколобова. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к. (Этотъ трудъ представляетъ основательное и весьма цѣнное изученія Сахалина и его населенія).

Digitized by Google

Носиловъ, К. Д. На Новой Землѣ. Очерки и наброски. Съ 38-ю рис. Спб. 1903. Изд. А. С. Суворина. Стр. 327. Ц. 1 р. 75 к.

Описаніе архива Александро-Невской лавры за время царствованія Императора Петра Великаго. Т. I. 1713—1716 годы. С.- Петербургъ. 1903.

Пантусовъ, Н. Н. Древности средней Азіи. (3. Памятникъ Денгекъ въ Лепсинскомъ уѣздѣ. 4. Памятникъ Козу-Керпешъ и Баянъ-Сылу въ Лепсинскомъ уѣздѣ). Съ 4 таблицами. Казань. 1902. Тип. Имп. университета. 8 д., 21 стр. и 4 таблицы фотот., 300 экз.

Пругавинъ, А. С. Религіозные отщепенцы. (Очерки современнаго сектантства). Вып. II. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Его же. Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости. Очеркъ изъ исторіи раскола по архивнымъ даннымъ. Спб. 1903. 31 стр. Ц. 25 к.

Раббенно, У. Аграрный вопросъ въ австралійскихъ колоніяхъ. Пер. съ итальянск. А. Ульяновой. 1903. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 267. Ц. 2 р.

Радловъ, В. В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Выпускъ 15-й. Третій томъ, выпускъ 3-й. Спб. 1902. Тип. академіи наукъ. 4 д., стр. съ 641 по 960 столб. 600 экз. Ц. 1 р.

Рамаяна. Индійская эпическая поэма. Переводъ Ю. А. Роменскаго. Спб. 1903. Тип. „Искусство и худож. промышл.“ Н. Собко. 8 д., 150 стр., 1.200 экз.

Ростовцевъ, Г. И. Къ характеристикѣ физическаго развитія населенія Дмитровскаго уѣзда. Изд. моск. губ. земства. М 1903. 57 стр. 37 коп.

Русовъ, М. А. Поселенія и постройки крестьянъ Полтавской губерніи. (Отд. оттиски изъ сборника историко-филологическаго общества. Томъ 13-й 1902 годъ). Харьковъ. 1902. Тип. „Печатное дѣло“ кн. К. Гагарина. 8 д., 48 стр., 1 карта и 1 таб. чертежей, 200 экз.

Савинъ, А. Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ. М. 1903. 485 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Село Братская-Борщаговка. Историческій и бытовой очеркъ. (Оттискъ изъ газ. „Кіевское Слово“). Кіевъ. 1902. Тип. газ. „Кіевское Слово“. 12 д, 20 стр. 200 экз.

Сергѣевичъ, В. Древности русскаго права. Т. III. Землевладѣніе. Тягло. Порядокъ обложенія. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Симони, П. К. Сказки о Петрѣ Великомъ въ записяхъ 1745—1754 гг. I—IV. Спб. 1903. Ц. 75 к.

Соболевскій, А. И., проф. Палеографическій изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв. изданные кіевской коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Вып. I. Кіевъ 1899 г. Рецензія. Спб. Тип. Академіи Наукъ. 8 д., 5 стр., 60 экз.

Списокъ населенныхъ пунктовъ Стерлитамакскаго уѣзда. Составленъ въ маѣ мѣсяцѣ 1902 года. Изд. стерлитамакской уѣздной земской управы. Стерлитамакъ. 1902. Тип. А. Кузнецова. 8 д., 141+1 стр., 200 экз.

Спицынъ, Влад. Очерки тунгузскаго языка. Спб. 1903. Ц. 75 к.

Тиховскій, П. Кобзари Харьковской губерніи. (Отд. оттиски изъ сборника историко-филологическаго общества. Томъ 13-й. 1902 года). Харьковъ. 1902. Тип. „Печатное дѣло“ кн. К. Гагарина. 8., 4 стр., 200 экз.

Треневъ, Д. К. Памятники древне-русскаго искусства церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ. Краткое описаніе церкви, иконъ кисти Симона Ушакова и проч. ея достопримѣчательности. Съ прилож. 15 табл. съ 45 фототипіями. М. 1903. Ц. въ папкѣ 10 р.

Успенскій, В. И. и Писаревъ, С. Благовѣрный князь Михаилъ Александровичъ Тверскій. Древняя повѣсть о его жизни. Выпись изъ лицевого Царственнаго Лѣтописца. Спб. 1903. Ц. 3 р.

Ихъ же. Благовѣрный князь Михаилъ Ярославичъ Тверскій. Выпись изъ лиц. Царств. Лѣтописца. Спб. 1903. Ц. 5 р.

Филимоновъ, К. Изъ нашей старины. Бѣглые въ Коштугской волости Вытегорскаго уѣзда. (Перепечатано изъ „Олон. Губернск. Вѣд.“). Петрозаводскъ. Тип. Губернскан. 12 д., 14 стр., 50 экз.

Digitized by Google

Флоринскій, Т. Д., проф. Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію. IX (Оттискъ изъ университетскихъ извѣстій за 1902 годъ). Кіевъ. 1902. Тип. Имп. университета св. Владимира. 8 д., 63 стр., 200 экз.

Флоринскій, Т. Д., проф. Отзывъ о сочиненіи г. Фридрика Вестберга. Комментаріи на записку Ибрагима ибн-Якуба о славянахъ. 1899 (Рукопись, 4 тетради, 274 стр.). Рецензія. Спб. Тип. Академіи Наукъ. 3 д., 14 стр., 60 экз.

Францевъ, В.А. Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія учебныя связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава. 1902. Тип. варш. учеб. округа. 8 д., 1+II+386+LXXI+VI+1 стр., 600 экз. Ц. 3 р.

Ханенко, Б. Н. и В. И. Древности приднѣпровья. Antiquitès de la region du Dniepre. Эпоха славянская (VI — XIII в.). Epoque slave (VI — XIII). Выпускъ V. Кіевъ Тип. С. Кульженка. 4 д., VI+63+1 стр. и XL таблицъ фотот. 400 экз.

Харламовъ, В. Докладъ объ археологическихъ изысканіяхъ въ первомъ донскомъ и донецкомъ округахъ области Войска Донскаго. **Тимощенковъ, Ив.** Отчетъ объ археологическомъ обслѣдованіи древняго городища при балкѣ Рыгиной. Вблизи ст. Каменской донецкаго округа, Области Войска Донскаго. **Богачевъ, Вл.** Отчетъ объ изысканіяхъ, произведенныхъ на Кобяковомъ городищѣ и прилежащей мѣстности въ юртѣ Аксайской станицы, Черкасскаго округа, 25 мая—2 іюня 1901 года. Новочеркасскъ. Тип. областнаго Войска Донского. 8 д., 12+11+4 стр. 800 экз.

Цунзеръ, Е. Гамнагенъ. Пѣвецъ. Пѣсни и загадки. Съ виленскаго изданія. 1897 г. Вильна. 1902. Тип. А. Розенкранца и М. Штриѳтзетцера. 16 д., 30+2 стр. 6000 экз. (на евр языкѣ).

Чупровъ, А. Отзывъ о книгѣ А. Мануилова: „Аренда земли въ Ирландіи". Москва. 1895 г. (Изъ отчета о седьмомъ присужденіи Академіею Наукъ премій митрополита Макарія въ 1897 г.). Спб. Тип. Академіи Наукъ. 4 д., 10 стр. 60 экз.

Шницеръ, Я.Б. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. Съ 155 рис. и 19-ю отдѣльными таблицами, печатанными красками и золотомъ. Спб. 1903. Изд. А. Б. Маркса Ц. 4 р.

Щербина, А.Д. Литературная исторія русскихъ сказаній о флорентійской уніи. Одесса. 1902. Тип. „Экономическая". 8 д., 48 стр., 100 экз.

Arkell Hardwck An Ivory Trader in North Kenia. London, Longmans, Green. 1903.

Beck, P.Dr. Die biologischen Wurzeln der menschlichen Gemeinschaft. („Politisch—anthropologische Revue" Mai, 1903).

Bericht des Museums für Völkerkunde in Lübeck für das Jahr 1902. Lübeck, 1903.

Boas, F. a. Hunt, G. Kwakintl Tests, II. Mem. of the american Mus. of Not. History. Vol. 5 Decemb. 1902.

Cock. A de и **Teirlinck, Js.**, Kinderspel en. Kinderlust in Zuid—Nederland. Deerde Deel. Gent, 1903.

Crawley, E. The mystic Rose. A study in comparative marriage. La Macmillon, 1902.

Delitzsch, F. Babel u Bibel. Neue durchgesehene Ausgabe. Stuttgart, 1903.

Fishberg, M. Physical anthropology of the Jews. Pigmentation. („Amerikan Anthropologist", 1903, 1.).

Frazer, J.G. Le rameau d'or. Etude sur la Magie et la Religion. Trad. de l'Anglais. P. 1903.

Frobenius, L. Völkerkunde in Charakterbildern des Lebens, Treibens u. Denkens der Wilden u. der reiferen Menschheit. 2 B. Hannover, Jänecke, 1902.

Digitized by Google

Haas, A. Rügensche Sagen u. Märchen. 3 Aufl. Stettin, 1903.

Happel, Z. Die religiösen u. philosophischen Grundanschauungen der Inder. Giessen, Ricker, 1902.

Hellwig, A. Das Asylrecht d Naturvölker. B. 1903.

Journal von der Reise aus Astrachan nach Chiwah und Bucharen 1732. Спб. 1902. Тип. академіи наукъ. 8 д, 96 стр., 605 экз.

Krämer, A. Die Samoainseln. B.III 5 u.letzte Lief. Stuttgart, 1903.

Ling Roth, H. Great Benin Its Costoms, Art a. Horrors, Halifax, 1903.

Mead, Ch. W The Musical Instruments of the Incas. Supplement to Amer. Museum Journal, 1903, July.

Menne, K. Die Entwickelung d. Niederländer z. Nation. Eine anthropogeographische Skizze. Halle, Gebauer-Schwetschke. 1903

Michelis, E. de, L'origine degli Indo-Europei. Torino, 1903.

Niederle, L. Narodopisna mapa uherských Slováku na zakladê sčitani lidu z roku 1900. Praha, 1903.

Nietzold, J. Die Ehe in Aegypten zur ptolemäisch-römischen Zeit. Leipzig. Veit, 1903.

Radermacher, L Das Jenseits im Mythos der Hellenen. Bonn, 1903.

Retzius Gustav und **Furst, Carl, M.** Anthropologia suecica.. Стокгольмъ. 1902. 4° VII+301 стр., 130 табл., 14 картограммъ, 7 разноцвѣтныхъ изображеній и проч. (См. отзывъ въ „Русс. Антропол. Журналѣ", 1903. 2.).

Schweiger Lerchenfeld, A. v. Die Frauen des Orients in d. Geschichte, in d Dichtung u. im Leben. Wien u. Lpz. Hartleben 25 вып. 1 в.—1903.

Semon, R. Im australischen Busch u. an den Küsten des Korallenmeeres. Lpz. Engelmann, 1903.

Sievers, W. Süd—u. Mittelamerika. 2 Aufl. Wien u. Leipzig, Bibl. Zust. 1903

Sommier, Stephen. Note volanti sui Karaciai ed alcune misure di Abasá, Kabardini e Abasékh. („Arch. per l'Antropologia e l'Etnologiä, vol. XXXI). (Карачаевцы, сванеты, абазинцы. абадзехи и кабардинцы).—

Steinmetz, S. R. Rechtsverhältnisse v. eingeborenen Völkern in Afrika u. Oceaniën. Berlin, 1903.

Stern, B. Medizin, Aberglaube u. Geschlechtsleben in der Türkei. Berlin, 1903.

Stoll. O. Suggestion u. Hypnotismus in der Völkerpsychologie. 2 umg u. verm. Aufl. Leipzig, 1903.

Stübler, Z. Anthropogeographische Studien in der sächsischen Schweiz. Leipzig, 1903.

Thilenius, G. Ethnographische Ergebnisse aus Melanesien. II Th. Halle 1903.

Wilutzky, T. Vorgeschichte des Rechts. Berlin, 1903.

Digitized by Google

ХРОНИКА.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э. и состоящей при немъ Музыкально Этнографической Комиссіи за 1902—1903 годъ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла, согласно выборамъ 19 декабря. 1901 года, составляли: предсѣдатель поч. чл. *В. Ѳ. Миллеръ*, избранный на 11-е двухлѣтіе; товарищъ предсѣдателя непр. чл. *Н. А. Янчукъ*; секретарь непр. чл. *В. В. Богдановъ*; библіотекарь дѣйств. чл. *А. А. Борзовъ*, помощникъ библіотекаря дѣйствит. чл. *Е. Н. Елеонская*.

Въ отчетномъ году Этнографическій Отдѣлъ имѣлъ 9 засѣданій: изъ нихъ 2 публичныхъ, соединенныхъ съ засѣданіями Музыкально-Этнографической Комиссіи, и 7 закрытыхъ.

На засѣданіяхъ слѣдующія лица сдѣлали сообщенія:

1. *Вс. Ѳ. Миллеръ*—три сообщенія: а) «Къ былинѣ о Глѣбѣ Володьевичѣ», б) «Имя былинной кіевской княгини», в) «О татахъ и татскомъ языкѣ».

2. *А. Д. Григорьевъ*: «Путешествіе Вавилы со скороходами».

3. *П. В. Ивановъ*: «Шуточныя и плясовыя пѣсни Купянскаго уѣзда». (Доложилъ *Н. А. Янчукъ*»).

4. *Е. Ѳ. Коршъ*: «Ю. Н. Мельгуновъ по личнымъ воспоминаніямъ и его заслуги въ области музыкальной ритмики».

5. *Е. Э. Линева*: «Ю. Н. Мельгуновъ какъ новаторъ въ изслѣдованіи народной музыки».

6. *А. В. Марковъ*—два сообщенія: а) «Еще объ имени кіевской княгини» б) «О поѣздкѣ на Кольскій полуостровъ лѣтомъ 1903 г.».

7. *А. Л. Масловъ*: «Ю. Н. Мельгуновъ, какъ изслѣдователь русской народной пѣсни».

8. *Б. В. Миллеръ*: «О поѣздкѣ къ талышинцамъ Ленкоранскаго уѣзда».

9. *В. Ѳ. Минорскій* — два сообщенія: а) «О тайной персидской сектѣ людей Истины. Часть I.» б) То же. Часть II.

10. *В. П. Налимовъ*—два сообщенія: а) «Нѣкоторыя черты изъ языческаго міросозерцанія зырянъ». б) «Изъ зырянскихъ вѣрованій».

11. *Ѳ. В. Поярковъ*: Сватовство у дунганъ» (доложилъ *А. Н. Максимовъ*).

Digitized by Google

12. *А. Ф. Самойловъ*: «По поводу музыкальныхъ инструментовъ съ нормальнымъ строемъ» (съ демонстраціей «энгармоніума» Аппуна).

13. *П. Н. Сокольниковъ*: «О шаманствѣ у якутъ по свѣдѣніямъ, записаннымъ отъ шамана Сабырысъ».

14. *В. И. Степановъ*: «Современныя народныя пѣсни (частушки)». (Доложилъ *В. В. Богдановъ*).

15. *Н. А. Янчукъ*—два сообщенія: а) «Народная музыка на Харьковскомъ Археологическомъ съѣздѣ» (съ демонстраціей картинъ на экранѣ). б) «Нѣсколько словъ памяти Ю. Н. Мельгунова».

Всего 15-ю лицами доложено 22 сообщенія.

Изъ изданій Этнографическаго Отдѣла въ отчетномъ году продолжалъ выходить журналъ «Этнографическое Обозрѣніе» подъ редакціей *Вс. Ѳ. Миллера* и *Н. А. Янчука*, вступивъ въ 1903 году въ 15-й годъ изданія. Въ этомъ же году вышелъ «Указатель» къ Этн. Обозрѣнію» кн. XXXII—LI (1897—1901), составленный непр. чл. *Г. И. Куликовскимъ*, по порученію Отдѣла.

Обмѣнъ изданіями, пополненіе библіотеки пожертвованіями, присылки въ Отдѣлъ этнографическихъ коллекцій продолжались, какъ и въ предыдущіе годы. Коллекціи передавались въ Дашковскій Этнографическій Музей.

Въ отчетномъ году, по приглашенію Московскаго Археологическаго Общества Этн. Отдѣлъ принялъ участіе: 1) въ обсужденіи программы для собиранія этнографическихъ предметовъ къ выставкѣ на XIII археологическомъ съѣздѣ, 2) въ оцѣнкѣ 9 докладовъ этнографическаго содержанія, читанныхъ на XII археологическомъ съѣздѣ и 3) въ обсужденіи по вопросу о лирникахъ и бандуристахъ, поступившему въ Моск. Арх. О-во изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Музыкально-Этнографическая Комиссія, состоящая при Отдѣлѣ, имѣла въ отчетномъ году семь засѣданій, изъ которыхъ два было соединенныхъ съ Этнографическимъ Отдѣломъ Общества, причемъ одно изъ нихъ, 19 марта, было торжественное, посвященное памяти покойнаго члена Общества Ю. Н. Мельгунова по случаю исполнившагося десятилѣтія со дня его кончины. Засѣданія посвящались дѣламъ распорядительнаго характера и научнымъ сообщеніямъ изъ области народной музыки, обыкновенно сопровождаемымъ демонстраціями народныхъ пѣсенъ въ исполненіи голосомъ или при помощи фонографа, а иногда также въ сопровожденіи народныхъ инструментовъ.

Слѣдующія лица участвовали своими докладами въ засѣданіяхъ комиссіи:

Д. И. Аракчіевъ: О музыкальныхъ грузинскихъ инструментахъ изъ собраній Дашковскаго Этнографическаго Музея и Московской Консерваторіи (два сообщенія).

Ѳ. Е. Коршъ: Воспоминанія о Ю. Н. Мельгуновѣ и его заслуги въ области музыкальной ритмики.

Digitized by Google

Е. Э. Линева: Ю. Н. Мельгуновъ, какъ новаторъ въ изслѣдованіи русс. народной пѣсни.

А. Л. Масловъ: Ю. Н. Мельгуновъ, какъ изслѣдователь русс. народной пѣсни.

А. Ф. Самойловъ: О музыкальныхъ инструментахъ съ нормальнымъ строемъ и объ энгармоніумѣ Аппуна.

Н. А. Янчукъ: а) о народной музыкѣ на Харьковскомъ Археологическомъ Съѣздѣ. б) Нѣсколько словъ памяти Ю. Н. Мельгунова.

Всего было доложено восемь сообщеній шестью лицами. Сообщенія Н. А. Янчука и А. Л. Маслова, посвященныя памяти Мельгунова, напечатаны въ «Этнографическомъ Обозрѣніи», кн. LVIII. Докладъ г-жи Линевой помѣщенъ въ «Русской Музыкальной Газетѣ».

Для нѣкоторыхъ занятій Коммиссія въ отчетномъ году избирала особыя подкоммиссіи, каковыхъ было двѣ: одна для разсмотрѣнія бумагъ, оставшихся послѣ Мельгунова, другая для составленія школьнаго сборника народныхъ пѣсенъ. Изъ оставшагося наслѣдія Мельгунова въ настоящее время готовится къ печати его «Учебникъ ритмики», который будетъ изданъ коммиссіей на средства ея члена П. Д. Самарина, подъ редакціей акад. Ѳ. Е. Корша; остальныя бумаги частью находятся на разсмотрѣніи членовъ, частью переданы въ архивъ, какъ не представляющія особеннаго интереса. Для дальнѣйшаго изданія намѣченъ переводъ «Ритмики» Вестфаля въ переводѣ и съ добавленіями Мельгунова, а также его записи народныхъ пѣсенъ, еще неизданныхъ. Задуманный коммиссіею школьный сборникъ законченъ составленіемъ, и вскорѣ будетъ приступлено къ его печатанію. Онъ будетъ содержать пѣсни для младшаго возраста, расположенныя въ порядкѣ постепенной трудности, въ количествѣ 50—55 номеровъ, выбранныхъ частью изъ существующихъ сборниковъ, а частью изъ ненапечатанныхъ еще матеріаловъ, собранныхъ коммиссіею.

Кромѣ этого изданія, коммиссія выработала планъ изданія «Трудовъ» коммиссіи, куда будутъ входить рефераты, читанные въ засѣданіяхъ коммиссіи, и другія научныя статьи по музыкальной этнографіи, а также собираемые коммиссіей новые музыкально-этногр. матеріалы, наконецъ библіографія по тѣмъ же вопросамъ и протоколы коммиссіи. Первый томъ этого изданія уже почти приготовленъ къ изданію и будетъ содержать главнымъ образомъ статьи и матеріалы по народной музыкѣ великорусской, малорусской и кавказской, приблизительно на 10 печатныхъ листовъ. Для напечатанія этого тома коммиссія располагаетъ пока 400 рублями.

Для обезпеченія изданія дальнѣйшихъ трудовъ, а также для пріисканія нѣкоторыхъ средствъ на научныя экскурсіи коммиссія черезъ посредство акад. Корша входила въ сношенія съ II Отдѣленіемъ Академіи Наукъ, которое выразило готовность поддержать коммиссію передъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, если къ нему поступитъ ходатайство о назначеніи коммиссіи постоянной субсидіи по примѣру существующей при И. Р. Географическомъ Обществѣ Пѣсенной Коммиссіи.

Digitized by Google

Если это ходатайство будетъ имѣть успѣхъ, то коммиссія будетъ имѣть возможность вести свои изслѣдованія съ опредѣленной системой и расширить кругъ своихъ дѣйствій.

Какъ на новое предпріятіе коммиссіи можно указать на начатое въ этомъ году изученіе и научное описаніе народныхъ музыкальныхъ инструментовъ, имѣющихся въ московскихъ учрежденіяхъ и частныхъ собраніяхъ; что должно дать интересный и мало изученный матеріалъ для исторіи музыки.

Далѣе коммиссіи пришлось въ этомъ году принять нѣкоторое участіе въ петербургскихъ торжествахъ по случаю 200-лѣтія Петербурга и въ разработкѣ вопроса объ огражденіи народныхъ пѣвцовъ, кобзарей и лирниковъ отъ административныхъ преслѣдованій. По просьбѣ Петербургскаго Педагогическаго Общества, были составлены записки о народныхъ пѣсняхъ, относящихся къ Петру В. и его эпохѣ, съ указаніемъ пѣсенъ для публичнаго исполненія хоромъ и оркестромъ на юбилейныхъ торжествахъ. Пѣсни дѣйствительно были исполнены въ обработкѣ и подъ управленіемъ нашего сочлена Н. С. Кленовскаго. По вопросу о лирникахъ и бандуристахъ, возбужденному на Харьковскомъ Археологич. Съѣздѣ отъ Министерства Внутр. Дѣлъ поступилъ въ Этногр. Отдѣлъ черезъ Моск. Археологич. Общество запросъ, направленный затѣмъ въ коммиссію, которая и дала по этому запросу свое мотивированное заключеніе о желательности оградить народныхъ пѣвцовъ отъ неосновательныхъ притѣсненій со стороны чиновъ мѣстной администраціи.

Кромѣ того, въ засѣданіяхъ коммиссіи выступали пѣвцы съ репертуаромъ пѣсенъ своей области, что давало возможность не выѣзжая изъ Москвы дѣлать наблюденія надъ пѣснями извѣстнаго района, а иногда и записывать ихъ фонографомъ. Такъ *М. Е. Пятницкій* познакомилъ коммиссію съ воронежскими пѣснями, которыя были записаны съ голоса В. В. Пасхаловымъ, а также фонографированы; *В. К. Шевченко*—съ пѣснями кубанскихъ казаковъ, исполняемыми имъ съ бандурою.

Не имѣя возможности въ отчетномъ году устроить этнографическій концертъ по примѣру прошлыхъ лѣтъ, коммиссія ограничилась устройствомъ музыкальнаго отдѣленія въ публичномъ засѣданіи, посвященномъ памяти Мельгунова, а на будущее время выработала новый планъ публичныхъ платныхъ собраній, въ которыхъ музыкальному исполненію будутъ предшествовать лекціи о музыкѣ и пѣснѣ того или другого народа.

Бюро коммиссіи составляли: Предсѣдатель *Н. А. Янчукъ*, товарищъ предсѣдателя *А. Т. Гречаниновъ*, секретарь *А. Л. Масловъ* и съ 1-го октября 1903 г. *Е. Э. Линева*, библіотекарь *В. В. Пасхаловъ* и казначей *А. В. Марковъ*.

Весною и лѣтомъ 1903 года слѣдующіе члены Отдѣла и Музыкально-Этнографической Комиссіи совершили поѣздки съ этнографическими цѣлями.

1. *Д. П. Аракчіевъ* ѣздилъ на Кавказъ, гдѣ собралъ дополнительныя свѣдѣнія къ своимъ матеріаламъ по грузинской музыкѣ.

Digitized by Google

2. *А. Д. Григорьевъ* провелъ лѣто въ Московской губерніи, гдѣ собралъ свѣдѣнія по мѣстному говору, а также сдѣлалъ нѣкоторыя записи народныхъ пѣсенъ.

3. *Е. Н. Елсонская* была въ Калужской губерніи, гдѣ обратила особенное вниманіе на народный костюмъ, образцы котораго ею были коллекціонированы.

4. *А. М. Завадскій* провелъ время на Кавказѣ, гдѣ, при помощи фонографа, записалъ около ста пѣсенъ кумыкскихъ, чеченскихъ и другихъ. Имъ сдѣланы также наблюденія надъ бытомъ мѣстнаго населенія.

5. *Е. Э. Линева* ѣздила въ Полтавскую и Екатеринославскую губерніи для собиранія и изслѣдованія малороссійскихъ пѣсенъ. Ею вывезено нѣсколько десятковъ фонограммъ съ напѣвами.

6. *Б. В. Миллеръ* былъ на Черноморскомъ берегу Кавказа, гдѣ имъ собраны дополнительныя свѣдѣнія по быту карачаевцевъ, а также по турецкимъ пѣснямъ, образцы которыхъ напечатаны въ LVIII-ой книгѣ «Этн. Обозрѣнія».

7. *Вс. Ѳ. Миллеръ*, проводя лѣто на Кавказѣ, занялся изученіемъ татовъ, ихъ языка и творчества. Имъ составленъ словарь татскаго языка (до 2000 словъ), собраны тексты, (сказки, юмористическіе разсказы), обработана грамматика.

8. *В. Ѳ. Минорскій* продолжалъ занятія персидской этнографіей.

9. *А. В. Марковъ* посѣтилъ с. Поной, на Терскомъ берегу Кольскаго полуострова, становище Восточную Лицу на Мурманѣ и с. Шалякушку, Каргопольскаго у. Олонецкой губ. Въ эту поѣздку записаны тексты 19 старинъ, 3 духовныхъ стиховъ, 35 пѣсенъ, преимущественно свадебныхъ, 7 свадебныхъ причитаній и приговоровъ и 1 свадебнаго заговора («отпуска»). Ко всѣмъ текстамъ записаны мелодіи посредствомъ фонографа. Кромѣ того, собраны письменные и устные матеріалы по исторіи села Поноя, а также пріобрѣтены двѣ рукописи: одна, XVI вѣка, содержитъ описаніе чудесъ Николая Чудотворца, а другая, начала XIX в., представляетъ собою небольшой сборникъ раскольничьихъ виршъ и духовныхъ стиховъ.

10. *В. П. Налимовъ* провелъ лѣто 1903 года, съ 1-го іюня по 15-е августа, среди зырянъ въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи. Имъ записаны: зырянскія пѣсни—любовныя, семейныя и другія бытовыя; легенды, сказанія и вѣрованія; заклинанія и заговоры; сказки миѳическія, героическія, шуточныя, дѣтскія и другія; прибаутки, пословицы; обряды похоронные, свадебные и др.; примѣты; игры; сдѣланы словарныя дополненія къ словарямъ Лыткина, Саввантова, Видемана, Рогова и др.; произведены наблюденія надъ современнымъ бытомъ зырянскаго народа, характерами зырянъ, ихъ языкомъ и проч.; пріобрѣтены костюмы и игрушки. Кромѣ того, имъ сдѣланы антропологическія измѣренія и наблюденія надъ 193 зырянами.

11. *А. С. Хахановъ* ѣздилъ въ Сванетію, гдѣ производилъ этнографическія и археологическія изысканія.

Digitized by Google

Въ отчетномъ году Этнографическій Отдѣлъ присудилъ очередную премію Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, учрежденную при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, въ память Международныхъ конгрессовъ по антропологіи и доисторической археологіи и зоологическаго, собиравшихся въ Москвѣ въ 1892 году. Изъ представленныхъ на премію по этнографіи сочиненій достойнымъ преміи признанъ былъ трудъ (въ рукописи) *В. Ѳ. Минорскаго*: «Тайная персидская секта «людей истины». На означенный трудъ былъ составленъ отзывъ проф. *А. Е. Крымскаго*, просмотрѣнный комиссіей по присужденію преміи и единогласно принятый Этнографическимъ Отдѣломъ. Отзывъ составленъ нижеслѣдующій:

Тайная секта «ахл-ихакк» «людей истины» насчитываетъ многочисленныхъ послѣдователей въ персидскомъ Курдистанѣ, на западѣ и сѣверѣ Персіи и отчасти въ русскомъ Закавказьи. Европейскіе путешественники, какъ теперь выяснено кропотливыми поисками В. Ѳ. Минорскаго во всевозможныхъ періодическихъ изданіяхъ и рѣдкихъ книгахъ, издавна проявляли большой интересъ къ этой таинственной сектѣ, но въ силу скрытности ея послѣдователей не могли ничего о ней узнать вѣрнаго, не могли достать ея священныхъ книгъ (которыхъ, какъ теперь оказывается, есть достаточно), и даже тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя удавалось собрать этимъ путешественникамъ, оставались неизвѣстными ученому міру. Профессоръ-иранистъ В. А. Жуковскій, которому посчастливилось въ 1886 г. записать около 30 полустишій, содержавшихъ что-то въ родѣ краткаго символа вѣры «людей истины», и который даже это небольшое количество данныхъ могъ въ то время считать за прямое откровеніе для науки, полагалъ, что о сектѣ «людей истины» имѣются свѣдѣнія въ европейской литературѣ только у Петерманна и Гобино, при чемъ выводы Петерманна совсѣмъ «случайны и слишкомъ далеки отъ истины» (Зап. Вост. Отд., т. II, стр. 3), а свѣдѣнія Гобино проблематичны, потому что основаны исключительно на устныхъ данныхъ, безъ обладанія какимъ бы то ни было письменнымъ памятникомъ или надежнымъ произведеніемъ (ib., стр. 3). Имѣя въ виду очень извѣстную библіографическую начитанность проф. Жуковскаго, мы ясно можемъ понять, до чего неизвѣстна наукѣ была и продолжаетъ быть эта секта.

Длинная глава, посвященная В. Ѳ. Минорскимъ обзору европейскихъ сочиненій, гдѣ, хоть случайно и попутно, встрѣчаются указанія на секту «людей истины», служитъ теперь свидѣтельствомъ, что проф. Жуковскій ошибался: свѣдѣнія о сектантахъ проникали въ европейскую этнографическую литературу довольно часто, начиная съ конца XVIII вѣка, только забывались,—главнымъ образомъ, вѣроятно, въ силу ихъ неопредѣленности и сбивчивости. Надо изумляться усердію и количеству энергіи, которое пришлось потратить В. Ѳ. Минорскому на библіографическіе поиски; можно указать вдобавокъ къ его тщательному обзору, что о «людяхъ истины» есть также особая глава у Вильсона въ его книгѣ о

Digitized by Google

Персіи (Нью-Йоркъ 1895);—но въ концѣ концовъ надо сознаться, что весь этотъ усердный и исчерпывающій подборъ разрозненныхъ этнографическихъ упоминаній и сообщеній имѣлъ бы самъ по себѣ значеніе преимущественно лишь библіографическое, а самая секта «людей истины» осталась бы по-прежнему невѣдомой и загадочной для насъ, если бы г. Минорскому не удалось раздобыть ея священныя книги, послужившія главнымъ и вполнѣ надежнымъ матеріаломъ для его изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, и упомянутая глава труда г. Минорскаго имѣетъ свою несомнѣнную цѣнность въ томъ отношеніи, что дальнѣйшимъ изслѣдователямъ ужъ не придется повторять кропотливой работы автора въ поискахъ за литературой предмета: все, что когда-либо писалось о «людяхъ истины», теперь г. Минорскимъ собрано, вкратцѣ изложено и характеризовано.

Послѣ обозрѣнія литературы предмета, г. Минорскій предлагаетъ въ русскомъ переводѣ пріобрѣтенные имъ подлинные источники, а именно, религіозныя книги секты и прочіе документы, равно какъ устныя записи. Надо замѣтить, что эти источники написаны не на обыкновенномъ персидскомъ литературномъ языкѣ, знаніемъ котораго обладаютъ многіе, но на смѣшанномъ курдско-персидскомъ, на нелитературныхъ нарѣчіяхъ, даже прямо на курдскомъ языкѣ. Чтобы перевести все это на русскій языкъ, г. Минорскому надо было не только обладать знаніемъ иранской діалектологіи (что у него есть), но и очень усердно поработать надъ правильной передачей сбивчивыхъ, невыработанныхъ терминовъ и выраженій на русскій языкъ. Такимъ образомъ, этотъ отдѣлъ труда г. Минорскаго тоже заслуживаетъ большой признательности и похвалы.

Третья часть труда—самое изслѣдованіе о сектѣ, сдѣланное на основаніи пріобрѣтенныхъ и обнародованныхъ имъ источниковъ, сопоставленныхъ съ общимъ ходомъ развитія религіозныхъ сектъ въ персидскомъ исламѣ. Что касается исторіи секты, то г. Минорскій не считаетъ возможнымъ приписывать сектѣ еврейское или индусское происхожденіе, какъ это дѣлали его предшественники, а считаетъ ее сложившейся довольно поздно, въ мусульманскій періодъ, на курдской почвѣ; большое вліяніе имѣли на нее крайнія шіитскія секты, особенно исмаилитовъ. Какъ представляютъ себѣ свою исторію сами «люди истины», здѣсь я не считаю нужнымъ распространяться, въ виду того, что Этнографическій Отдѣлъ уже ознакомился съ этимъ пунктомъ въ одномъ изъ своихъ засѣданій изъ устнаго реферата самого г. Минорскаго. По этой же причинѣ я не буду останавливаться на изложеніи догматовъ секты, на ея морали, на ея религіозныхъ обрядахъ: рефераты г. Минорскаго уже познакомили Отдѣлъ со всѣми этими частями его изслѣдованія.

Остается только, въ заключеніе, дать общую характеристику обширнаго труда г. Минорскаго. Полный новыхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ фактовъ, онъ, кромѣ того, отличается стройностью изложенія, критической проницательностью въ изслѣдованіи, умѣньемъ автора разобраться въ очень запутанныхъ данныхъ и свидѣтельствуетъ о большихъ зна-

Digitized by Google

ніяхъ и начитанности автора. Профессорскій совѣтъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ уже оцѣнилъ этотъ трудъ, постановивши напечатать его на институтскій счетъ въ серіи «Трудовъ по востоковѣдѣнію». Со стороны Этнографическаго Отдѣла онъ тоже вполнѣ заслуживаетъ присужденія преміи, въ качествѣ важнаго научнаго вклада въ этнографію.

50-лѣтній юбилей дня рожденія Владимира Галактіоновича Короленка, исполнившійся 15-го іюля 1903 года, былъ сочувственно встрѣченъ во многихъ мѣстахъ Россіи, а въ иныхъ и отпразднованъ торжественно. 14-го ноября происходило чествованіе Вл. Г. Короленка въ Петербургѣ въ кружкѣ литераторовъ, ученыхъ, друзей и почитателей уважаемаго писателя. Этнографическій Отдѣлъ черезъ своего делегата выразилъ чувства глубокаго уваженія автору «Сна Макара» и защитнику вотяковъ въ извѣстномъ «Мултанскомъ дѣлѣ».

Біографія Снельмана. Въ 1895—1901 г. вышелъ на шведскомъ языкѣ въ Гельсингфорсѣ трудъ проф. Рейна «Іоганнъ Вильгельмъ Снельманъ. Историко-біографическій очеркъ». Русскій переводъ только что изданъ по распоряженію статсъ-секретаря Плеве. Такъ какъ Снельманъ игралъ большую роль въ исторіи финскаго самосознанія въ связи съ изученіемъ народнаго творчества и языка, то очеркъ о немъ получаетъ большой интересъ для этнографіи.

Gustav Schlegel, извѣстный синологъ, скончался въ Лейденѣ 15-го октября н. с. 1903 г. Шлегель въ дѣтскомъ еще возрастѣ началъ изучать китайскій языкъ подъ руководствомъ синолога Гофмана. 17-ти лѣтъ онъ отправился въ Китай въ качествѣ переводчика. Здѣсь онъ ревностно занимался составленіемъ голландско-китайскаго словаря (Nederlondsch-Chineesch Woordenboek), капитальнаго труда. Докторская степень получена имъ за работу о китайскихъ играхъ. 32 л. Шлегель вернулся вслѣдствіе заболѣванія на родину и черезъ три года занялъ профессуру въ Лейденѣ по кафедрѣ китайскаго языка. Шлегелемъ написано 250 работъ и статей по его спеціальности. Изъ крупныхъ трудовъ его слѣдуетъ назвать «Uranographie chinoise». Вмѣстѣ съ синологомъ Cordier онъ началъ издавать Toung-Pao, извѣстное періодическое изданіе, посвященное географіи, этнографіи и языкамъ Восточной Азіи. Скончался Шлегель 53 лѣтъ.

(*Globus*).

Этнографическій фризъ. Для вновь сооружаемаго при русскомъ музеѣ Императора Александра III этнографическаго музея изготовляется громадный бронзовый фризъ, рисующій типы различныхъ народностей, обитающихъ въ Имперіи.

Придньпр. Кр.

Digitized by Google

«Политическая антропологія» — «Politische Anthropologie» — подъ такимъ заглавіемъ L. Woltmann представилъ недавно изслѣдованіе о вліяніи теоріи трансформизма на ученіе о политическомъ развитіи народовъ. Акторъ стремится дать болѣе научное обоснованіе мыслямъ, высказаннымъ ранѣе Гобино и Чемберлэномъ.

Русс. Вѣд.

Научное антропологическое общество въ Харьковѣ основывается по почину профессоровъ мѣстнаго Императорскаго университета. По мысли учредителей, оно не должно носить спеціальнаго характера и будетъ доступно для каждаго образованнаго человѣка. Предметами занятій общества будутъ антропологія, психологія и этнографія. Уставъ общества въ скоромъ времени поступитъ на утвержденіе въ обычномъ порядкѣ.

Прав. Вѣст.

Слѣды первобытнаго человѣка найдены были подъ Кіевомъ въ толщѣ Батыевыхъ горъ. Мѣсто было изслѣдовано хранителемъ кіевскаго музея В. В. Хвойко и археологомъ С. А. Мазараки. Ими найдено небольшое пространство, занятое костями мамонта и частями дерева, обугленнаго огнемъ. Въ общемъ несомнѣнна была наличность стоянки первобытнаго человѣка, относящейся къ палеолитической эпохѣ. Къ сожалѣнію, произвести систематическое изслѣдованіе стоянки было невозможно, такъ какъ она находилась на большой высотѣ, на очень крутомъ откосѣ горы.

Русс. Вѣд.

Вопросъ о прародинѣ индоевропейцевъ, занимавшій столькихъ ученыхъ и рѣшавшійся столь различно, до сихъ поръ продолжаетъ вызывать новыя научныя гипотезы. Одной изъ новыхъ попытокъ къ разрѣшенію этого вопроса является книга de Michelis—a, L' origine degli Indo-Europei. Torino, 1903. Де-Михелисъ опровергаетъ существующія теоріи Гёксли, Нидерле и Шрадера, Сержи и Тэйлора и др. Онъ справедливо указываетъ на ошибочность смѣшенія двухъ разнородныхъ понятій: раса и народъ, что приводило опять таки къ существеннымъ ошибкамъ. Признавалось единство протаріевъ не только какъ народа, но и какъ расы. Однако, и въ то далекое время индоевропейскіе народы представляли по всѣмъ вѣроятіямъ смѣшеніе различныхъ расъ. Чистыя длинноголовыя населяли сѣверную и южную Европу лишь въ доарійскій періодъ. Съ началомъ неолитическаго періода повсюду появляется смѣшеніе съ короткоголовыми; эти послѣдніе преобладаютъ во многихъ мѣстностяхъ и по всѣмъ вѣроятіямъ вошли сильной долей въ составъ арійскихъ народовъ. Де Михелисъ въ этихъ короткоголовыхъ неолитическаго періода не хочетъ видѣть угро-римскія племена. По его понятію, это были народы, жившіе одновременно съ первобытными аріями; въ нихъ вошли тѣ же расовые элементы, но въ различныхъ отношеніяхъ и

Digitized by Google

подъ дѣйствіемъ другой среды. Еще до начала неолитическаго періода, одно или нѣсколько племенъ, говорившихъ на языкѣ, родственномъ урало-алтайскимъ языкамъ, отдѣлились, по мнѣнію де-Михелиса, отъ родственныхъ народовъ, діалектически уже обособившихся отъ нихъ. Со временемъ они инкорпорировали сосѣднія племена, говорившія на родственныхъ или чужихъ языкахъ. Такимъ образомъ ихъ языкъ развивался въ направленіи, противоположномъ индоевропейской группѣ языковъ. Постепенно, въ теченіе всего неолитическаго періода, появился одинъ большой народъ съ общимъ языкомъ, въ которомъ, однако, были и различныя нарѣчія. Къ концу неолитическаго періода отдѣльные арійскіе народы раздѣлились и переселились на позднѣйшія мѣста жительства. Центромъ разселенія арійцевъ де Михелисъ считаетъ средину восточной Европы: область между среднимъ теченіемъ Дуная и низовьями Волги. Границами этой области онъ считаетъ на сѣверѣ Карпаты, на югѣ и западѣ — Дунай.

(*Globus*).

Славянское погребеніе XI—XV вѣковъ обнаружено археологическими раскопками членовъ с.-пб-го арх-го института 14-го мая 1903 г., близъ мызы «Войсковицы» по балтійской ж. д. Изслѣдованная мѣстность была излюбленнымъ мѣстомъ погребеній обитателей въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Всего вскрыто было 10 кургановъ. Встрѣчены были слѣдующіе типы погребеній: полное сожженіе, погребеніе трупа въ сидячемъ положеніи и позднѣйшее, такъ называемое «жальничное» погребеніе, въ лежачемъ положеніи. Костяки сохранились плохо. Женскихъ погребеній встрѣтилось два. Предметы, какъ это обычно для сѣверныхъ кургановъ, найдены въ очень незначительномъ количествѣ. Встрѣчено нѣсколько колецъ, бронзовыхъ браслетовъ, ножи, копье, стальтово-сердоликовыя бусы, бронзовый крестъ на шейной цѣпочкѣ изъ того же металла. Крестъ этотъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, могъ носиться какъ амулетъ и язычниками, не понимавшими христіанскаго его значенія. Встрѣтился также бронзовый предметъ неизвѣстнаго назначенія. Нѣкоторые изъ эксскурантовъ высказали предположеніе, что это могла быть гривна.

Прав. Вѣстн.

Новыя данныя по древне-греческой культурѣ, весьма интересныя и полныя, обнаружены производившимися подъ руководствомъ Б. В. Фармаковскаго раскопками на мѣстѣ древняго греческаго города Ольвіи (близъ нынѣшняго с. Парутина Одесскаго уѣзда).

Есть основаніе предполагать, что раскопки Ольвіи дадутъ болѣе цѣльную картину античной жизни, чѣмъ въ Херсонесѣ: здѣсь древній городъ открывается намъ въ различныя эпохи его существованія,— видны улицы Ольвіи, общественныя зданія, могильныя сооруженія и т. д. Наиболѣе древнія сооруженія восходятъ къ VI вѣку до Р. Х.;

Digitized by Google

выше идутъ сооруженія V—IV вв. съ хорошей кладкой изъ прямоугольныхъ камней; затѣмъ слѣдуютъ постройки IV—III вв., уступающія по техникѣ болѣе древнимъ сооруженіямъ и, наконецъ, встрѣчаются остатки большихъ зданій, относящихся къ эпохѣ II и I вв., когда Ольвія была разрушена, какъ предполагаютъ, готами. Городъ былъ опоясанъ грандіозной стѣной изъ массовыхъ плитъ позднѣйшей римской эпохи. Среди раскопанныхъ развалинъ найдено много цѣнныхъ археологическихъ предметовъ—обломки вазъ, амфоръ, орнаментовъ,—найдены надписи и т. д. При раскопкѣ открытаго въ Ольвіи погребальнаго склепа онъ оказался уже разграбленнымъ.

Русс. Вѣд.

Доисторическій городъ на Критѣ, около Русоллакоса, найденный еще въ прошломъ году, откопанъ англичанами въ теченіе минувшаго лѣта.

Это—довольно большой городъ съ правильными улицами; улицы узки, иногда не болѣе 5-ти футовъ; съ одной стороны имѣются тротуары, а съ другой—сточные желоба. Многія постройки относятся къ микенскому періоду. Фасады домовъ—изъ плитнаго песчаника; цистерны, канализація и разнообразіе въ домашней утвари указываютъ на зажиточность и комфортъ тогдашнихъ жителей. Они сѣяли пшеницу и горохъ, фабриковали масло и, повидимому, вино; вели торговлю съ Іоническими островами, Пелопонесомъ и Египтомъ. Въ окрестностяхъ города найдено домикенское святилище на одномъ холмѣ; храмъ когда-то былъ окруженъ массивной стѣной циклопической кладки изъ большихъ, грубо отесанныхъ камней. Внутри этой ограды въ землѣ найдено множество цѣлыхъ и разбитыхъ расписныхъ терракотовыхъ фигуръ. Среди нихъ находятся фигуры мужчинъ и женщинъ въ характерныхъ домикенскихъ нарядахъ въ родѣ тѣхъ, которые изображены на найденныхъ Ивэнсомъ кнозскихъ фрескахъ; есть между терракотами и фигуры животныхъ: быковъ, барановъ, козъ, свиней, собакъ, птицъ и проч.

Русс. Вѣд.

Херсонесскій сборникъ древностей. Ко дню наступающаго въ текущемъ году пятидесятилѣтія херсонесскихъ археологическихъ раскопокъ предположено издать отдѣльный сборникъ, содержащій описаніе открытыхъ въ Херсонессѣ древностей, посвященный памяти археолога гр. Уварова, положившаго начало этимъ раскопкамъ. Надъ собираніемъ матеріала и археографіей работаютъ на мѣстѣ некрополя профессора петербургскаго и казанскаго университетовъ.

Приднѣпр. Кр.

Крупное художественное археологическое изданіе предпринимается въ Миланѣ: альбомъ снимковъ съ живописи римскихъ катакомбъ, съ

Digitized by Google

объяснительнымъ текстомъ Вильперта. Изданіе будетъ состоять изъ 264 иллюстраціей, изъ которыхъ 133 въ краскахъ. Всѣ иллюстраціи съ величайшею точностью передаютъ характеръ живописи въ катакомбахъ, въ числѣ ихъ имѣются древнѣйшія изображенія евангельскихъ сценъ. Цѣна на изданіе назначена 375 франковъ.

Придньпр. Кр.

Музей воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета вступилъ въ третій годъ своего существованія. Онъ успѣлъ обогатиться значительнымъ количествомъ предметовъ, которые послужатъ впослѣдствіи цѣннымъ матеріаломъ для историковъ Воронежскаго края. Къ началу минувшаго года въ музеѣ числилось 339 №№ печатныхъ изданій, 136 рукописей, 105 предметовъ церковно-богослужебнаго значенія и 37 №№ (въ томъ числѣ двѣ коллекціи) разныхъ предметовъ, имѣющихъ значеніе не для церковной собственно, но для общей археологіи и исторіи края. Общее количество поступившихъ въ музей пожертвованій довольно значительно (историческій архивъ музея заключаетъ въ себѣ 1679 дѣлъ). Весьма интересны коллекціи разныхъ предметовъ изъ древняго могильника и съ полей с. Буйловки и Горохова, Павловскаго уѣзда, доставленныя священникомъ Д. Поповымъ и Суриковымъ. Въ составъ этихъ коллекцій входятъ каменные ножи и наконечники стрѣлъ, черепа изъ могильника, древніе глиняные сосуды (въ цѣломъ видѣ и черепкахъ, съ разнообразными орнаментами), костяные предметы (съ изображеніемъ оленя), женскія украшенія (части ожерелій, серьги), бронзовые и желѣзные наконечники стрѣлъ, принадлежности конской сбруи, обломки сабель, часть кольчуги, пушечныя ядра изъ затопувшаго когда-то на Дону судна, татарскія монеты и пр. Нѣкоторые предметы изъ этихъ коллекцій лѣтомъ 1902 года были представлены, вмѣстѣ съ подобными имъ предметами изъ воронежскаго губернскаго музея, на археологическую выставку, устроенную харьковскимъ археологическимъ съѣздомъ.

„Правит. Вѣст. и Ворон. Телегр.“

Къ исторіи нашихъ древнихъ монетъ. К. В. Болсуновскій издалъ въ Кіевѣ брошюру «Русскія монетныя гривны, ихъ формы и происхожденіе» (съ 2 таблиц. рисунковъ). По поводу вопроса о гривнахъ-лодкахъ авторъ вдается въ вопросъ о судостроеніи въ древнемъ Приднѣпровьѣ. Судостроеніе въ X-омъ вѣкѣ было повсемѣстно. Строили суда не только для себя (князья, купцы и посадники), но и на продажу. Русскія суда были меньше греческихъ изъ-за мелководья. Владѣлецъ судна, проводившій на немъ иногда полжизни, смотрѣлъ на свою ладью, какъ на жилище, которому давался иногда видъ коня, лебедя, буйвола, разныхъ чудовищъ и т. п. («Скандинавскій карабль на Руси», А. А. Котляревскаго, въ «Трудахъ моск. арх. о-ва, 1865,

Digitized by Google

90—95 стр.). Корабли иногда носили названія «Сокола», «Коршуна», «Орла» и т. п. Въ XIV вѣкѣ съ причалившихъ къ берегу собиралась пошлина «побережное» сборщиками «побережниками». Авторъ предполагаетъ, что если бы татары не остановили развитія гражданственности въ вел. княжествѣ кіевскомъ, то впослѣдствіи монеты его украшались бы носами кораблей и судовъ, какъ на асахъ италіанскихъ и на античныхъ монетахъ М. Азіи. Отъ своей гипотезы, что всѣ виды монетной русской гривны произошли отъ различныхъ типовъ судовъ авторъ откажется не прежде, чѣмъ будетъ объяснено иными доводами присутствіе якорей на болѣе древнихъ типахъ гривенъ.

С.-Пет. Вѣд.

Древнѣйшій памятникъ права. Въ № 1-мъ Nouvelle Revue historique de droit français et étranger за 1903 помѣщена статья извѣстнаго юриста *R. Dareste-a*, Le cade babylonien d'Hammourabi. Она содержитъ въ себѣ переводъ кодекса Гаммураби—древнѣйшій изъ открытыхъ донынѣ памятниковъ права. Вавилонскій кодексъ (открытый при раскопкахъ Моргана въ Сузахъ) относится къ XXI-му вѣку до Р. Хр. Лишь пять вѣковъ спустя было составлено законодательство Моисея. Сводъ Ману относится, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, къ XI-му вѣку до Р. Хр. Единственнымъ современнымъ кодексу Гаммурабизаконодательный памятникомъ могло бы быть уложеніе египетскихъ фараоновъ—но до сихъ поръ оно еще не было открыто. Новооткрытый вавилонскій кодексъ играетъ важное значеніе для сравнительной исторіи права.

Изъ литературы по германскому праву выдѣляется недавно вышедшій трудъ Конрада Борнхака «Preussische Staats-und Rechtsgeschichte». До этого въ данномъ вопросѣ чувствовался большой пробѣлъ.

Новый трудъ по исторіи брака вышелъ въ теченіе прошлаго года въ англійской этнографической литературѣ. *Crawley E.* The mystic Rose. A study of primitive marriage, London, 1902, обратившій на себя вниманіе спеціальной критики. Заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія о немъ изъ рецензіи на него Дюркгейма въ l'Année sociologique 1901—1902. Въ своемъ этюдѣ по исторіи брака Кроулэй остановился на двухъ вопросахъ: объ ограничительныхъ правилахъ въ сношеніяхъ обоихъ половъ и объ отношеніи этихъ правилъ къ примитивнымъ формамъ брака. Существованіе у многихъ народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ цивилизаціи, ограничительныхъ правилъ, разъединяющихъ оба пола, извѣстно. Многія народности строятъ отдѣльныя помѣщенія для мужчинъ и женщинъ или раздѣляютъ жилище на мужскую и женскую половину. Иногда юношамъ и дѣвушкамъ, даже братьямъ и сестрамъ, не разрѣшается жить въ одномъ домѣ, иногда то же запрещеніе касается и женатыхъ людей. Мужчины и женщины какъ будто составляютъ два враждебныхъ лагеря. Отдѣленіе одного пола отъ другого особенно рѣзко

Digitized by Google

и строго соблюдается въ нѣкоторые періоды жизни: при рожденіи ребенка, напримѣръ, при наступленіи зрѣлости и пр. Кроулэй оттѣняетъ религіозный характеръ этихъ ограничительныхъ правилъ. Каждый полъ является для другого запретнымъ—табу. Это табу наиболѣе опредѣленно соблюдается въ сношеніяхъ двухъ половъ, кот. «всегда признаютъ опасными». Ограничительныя правила, о которыхъ идетъ рѣчь, и извѣстныя во французской этнографической литературѣ подъ названіемъ tabou sexuel, обратили за послѣднее время вниманіе изслѣдователей, которые пытались дать имъ объясненіе. Кроулэй со своей стороны сближаетъ этого рода запрещенія съ табу, связаннымъ съ прикосновеніемъ къ тому или другому предмету. Въ гл. IV—VII своего труда онъ собралъ многочисленные примѣры послѣдняго вида табу, въ которыхъ ясно сквозитъ понятіе, что прикосновеніе къ чему либо ведетъ за собой опредѣленные результаты. Дикарь, по мнѣнію Кроулэя, вѣритъ, что при прикосновеніи передаются извѣстныя свойства лица или предмета. Всякое качество, всякій аттрибутъ имѣетъ какъ бы тенденцію распространяться, передаваться. При прикосновеніи къ лицу или предмету или къ ихъ изображенію, при совмѣстномъ ѣденіи и пр. происходятъ эти своего рода заразы. Вотъ почему является необходимость удаляться отъ всего, что можетъ оказать гибельное дѣйствіе. Все новое, чужое, неизвѣстное легк вызываетъ безпокойство и страхъ. Оба пола настолько отличаются характеромъ, физіологическими признаками, занятіями и т. д., что представляютъ другъ для друга именно нѣчто неизвѣстное, чуждое и потому страшное. Отсюда—тенденція къ взаимному отдаленію другъ отъ друга. Кромѣ того, женщина слабѣе мужчины, и мужчина долженъ бояться при прикосновеніи къ ней и тѣсномъ сообществѣ воспринимать это губительное качество слабости, выдѣляющееся изъ нея. Натянутость объясненія Кроулэя, кажется, очевидна сама собой. Вѣрованія въ силу и дѣйствія прикосновенія безъ сомнѣнія существуютъ у первобытнаго человѣка, но едва ли могутъ быть основой и регулирующимъ принципомъ въ отношеніяхъ половъ. «Всякій, понимающій огромную разницу между нарушеніемъ гигіены и святотатствомъ, пишетъ по этому поводу Дюркгеймъ, легко почувствуетъ слабую сторону объясненія (Кроулэя). Еслибы женщина была опасна только благодаря тому, что стоитъ ниже мужчины въ физическомъ отношеніи, приближаться къ ней считалось бы неосторожностью, но не беззаконіемъ», за которое слѣдуетъ обыкновенно тяжкое наказаніе со стороны группы. Если группа «вмѣшивается въ подобныя дѣйствія и наказываетъ ихъ, они очевидно не просто вредны для поступающаго такъ, но являются нарушеніемъ религіознаго принципа, покушеніемъ противъ существа священнаго». Кромѣ того, если мужчина способенъ былъ бы «заражаться» слабостью отъ женщины, женщина, въ свою очередь, могла бы заимствовать силу у мужчины; слѣдовательно, ей не зачѣмъ было бы избѣгать мужчины. Ограничительныхъ правилъ, касающихся отношеній между полами, касался и Дюркгеймъ въ своей статьѣ: La prohibition de l'inceste et ses origines. Année Social. I.

Digitized by Google

Онъ пытался поставить ихъ въ связь съ представленіями дикарей о крови, какъ вмѣстилищѣ жизненной силы, души. Кроулэй не согласенъ съ нимъ: онъ не признаетъ, чтобы дикарь считалъ кровь за нѣчто священное. Вторая часть труда Кроулэя посвящена свадебнымъ обрядамъ. Онъ видитъ во многихъ изъ нихъ способъ ослабить или уничтожить то гибельное дѣйствіе отъ сношенія половъ, кот. вызвали будто бы ограничительныя правила. Съ этой его гипотезой соглашается и Дюркгеймъ, признавая за ней большое значеніе. Обряды очищенія имѣютъ въ виду сдѣлать менѣе опасной близость супруговъ. Ту же цѣль преслѣдуютъ и другіе обряды: ношеніе невѣстой покрывала, замѣна жениха и невѣсты подставными лицами, разлученіе супруговъ въ теченіе нѣкотораго времени послѣ свадьбы и т. д. Этимъ будто бы выражалось стремленіе свести до минимума вредъ отъ взаимной близости. Изъ этого же стремленія вытекаетъ и требованіе, чтобы невѣста избѣгала жениха, уступая будто бы насилію, также и обрядъ защиты дѣвушки родными и пр. Обрядъ похищенія невѣсты будто бы имѣлъ цѣлью обезоружить вражескую силу, грозящую новобрачнымъ. Другіе свадебные обряды, по мнѣнію Кроулэя, играютъ болѣе положительную роль: они имѣютъ цѣль создать связь между супругами. Таковыми является: обрядовое совмѣстное вкушеніе пищи и питья, обмѣнъ одежды и пр. Къ этой же категоріи обрядовъ Кроуэль причисляетъ, по мнѣнію Дюркгейма, вполнѣ справедливо, и обмѣнъ подарковъ между женихомъ и невѣстой. Но Кроулэй идетъ еще далѣе: онъ считаетъ плату за невѣсту своего рода подаркомъ. Справедливо отмѣчаетъ Дюркгеймъ его ошибку. «Покупка жены, говоритъ онъ, юридическій актъ, весьма отличный отъ магическаго дѣйствія, лежащаго въ основѣ дачи подарковъ». Въ послѣднихъ главахъ Кроуэль касается обычаевъ и обрядовъ, связанныхъ съ кувадой и ограничительными правилами, характеризующими отношенія между зятемъ и тещей (Tabou de la belle-mère). Эти послѣднія, по мнѣнію Кроулэя, являются слѣдствіемъ воззрѣнія, что на тещу зять смотритъ какъ на мать. Доказательствъ этого положенія, приводимыхъ Кроулэемъ, Дюркгеймъ не счелъ нужнымъ выписать въ своей рецензіи, такъ какъ считаетъ ихъ сбивчивыми и мало доказательными.

Кувада, по мнѣнію Кроулэя, вытекаетъ изъ тѣхъ узъ, которыя бракъ создаетъ между женой, мужемъ и дѣтьми. Отецъ продѣлываетъ обряды кувады съ тѣмъ, чтобы отвлечь злую силу и козни духовъ отъ жены и ребенка, подставляя себя вмѣсто матери. Едва ли при такой основной мысли кувады она могла бы вылиться въ устойчиво и вѣками иногда сохранившійся обрядъ. Еслибы кувада была только магическимъ дѣйствіемъ, отвращающимъ колдовство и пр., она бы выродилась въ болѣе легкія и удобныя формы для ограждающаго себя отъ нечистой силы, чѣмъ трудноисполнимыя иногда мучительныя выраженія кувады. Вопросу объ источникахъ экзогаміи, наконецъ, Кроулэй посвящаетъ послѣднюю главу. Онъ выводитъ начало экзогаміи изъ совокупности ограничительныхъ правилъ, раздѣляющихъ оба пола. Изложивъ главныя положенія Кроулэя, Дюркгеймъ останавливается на основной мысли его и крити-

Digitized by Google

куетъ ее. Кроулэй опровергаетъ существованіе коммунизма на первичныхъ стадіяхъ развитія человѣчества. Онъ не только отрицательно относится, наряду со многими новѣйшими изслѣдователями исторіи семьи, къ общности женъ и обязательному промискуитету; онъ не признаетъ коммунизма не въ одной сторонѣ быта первобытнаго человѣка. Кроулэй считаетъ этого послѣдняго крайнимъ индивидуалистомъ и доказываетъ свое положеніе тѣмъ, что дикарь будто бы, изъ вышеприведеннаго страха «заразы» свойствами лицъ, съ которыми ему приходится сталкиваться, всячески старается избавиться отъ близости съ другими людьми и по возможности изолироваться отъ нихъ. Это стремленіе кажется Кроулэю яркимъ проявленіемъ индивидуализма. Но, возражаетъ ему Дюркгеймъ, именно вѣра въ способность воспринимать такъ быстро вліянія окружающихъ лицъ и предметовъ, могло бы служить признакомъ, что у первобытнаго человѣка нѣтъ еще никакого сознанія своей индивидуальности. Вѣдь если бы онъ себѣ ясно представлялъ индивидуальность отдѣльнаго лица, строго опредѣленную во внутреннихъ качествахъ и во внѣшнемъ обликѣ, онъ не могъ бы даже допустить мысли, что различные индивиды могутъ такъ легко и настолько смѣшивать свои свойства, что становятся почти неразличаемыми, что все это происходитъ въ одномъ лицѣ отражается въ другомъ и т. д. Стремленіе индивида избѣгать внѣшнихъ сношеній и изолироваться можно было бы только считать за усиліе избѣжать окружающаго его коммунизма, отъ безличности, подавляющей его. «Можно видѣть въ этомъ, заканчиваетъ Дюркгеймъ, зародышъ индивидуализма, который старается укрѣпиться; въ этой мѣрѣ можно сказать, что индивидуализмъ существуетъ и на этой стадіи эволюціи» человѣчества. Но это только скромный зародышъ, которому все угрожаетъ и который все стремится подавить. Въ заключеніе Дюркгеймъ предупреждаетъ читателя, что встрѣчаются у Кроулэя нѣкоторыя неточности въ приводимыхъ фактахъ; къ тому же при многочисленности фактическаго матеріала, Кроулэй не всегда разборчивъ въ его выборѣ: обряды, вѣрованія и т. д. приводимые имъ въ доказательство своихъ положеній, взяты изъ быта народовъ и племенъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи—упрекъ, который новѣйшій критикъ дѣлаетъ почти всѣмъ этнографическимъ сочиненіямъ общаго характера. Дѣйствительно, само множество этнографическаго матеріала, накопленнаго трудами путешественниковъ, миссіонеровъ и изслѣдователей, начиная съ конца XVIII в. и ранѣе и давшее возможность къ научнымъ построеніямъ, возвысившимъ этнографію на степень науки, кажется иногда затрудняетъ изслѣдователей. Теперь, когда новая наука стремится вырабатывать новыя теоріи, особенно сильно чувствуется, какъ желательно и необходимо приведеніе въ порядокъ и систему богатствъ этнографической сокровищницы.

В. Х—на.

Собраніе верхне-лужицкихъ пословицъ. Въ 1902 г. вышло богатое, содержащее 9126 №№, собраніе пословицъ славянскаго населенія Верх.

Digitized by Google

Лужицы, Přislowa a přislowne hrónčka a wusłowa Hornjołužiskich Serbow. Zběrał a hromadzil Jan Radyserb Wjela. Dorjadował a wydał Dr. E. Muka. Budyšin. Изъ этого собранія 587 сообщены въ нѣмецкомъ переводѣ въ Globus'ѣ, B. LXXXIV, № 22.

О поясахъ для облегченія роженицъ было сдѣлано интересное сообщеніе въ одномъ изъ засѣданій парижскаго антропологическаго общества текущаго (1903) года г. Papillaut. У одной изъ родственницъ докладчика, г-жи Guérin, имѣлся такой поясъ, въ силу котораго она вѣрила. Поясъ представляетъ изъ себя широкую шелковую ленту длиной въ два метра съ слѣдующей подписью: Mesure de la ceinture de la Sainte Vierge gardée dans l' église royale du chasteau de Loches, à moy, Victoir Poniau, femme Guérin, servante du Seigneur. Je vous salue, Marie etc. ce 19 fevrier 1802. Вѣра въ чудотворную силу подобныхъ поясовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Ceinture de la Vierge, до сихъ поръ сильна въ Бретани. Въ Quintin было учебное заведеніе урсулинокъ; монахи дарили подобные пояса своимъ воспитанницамъ. Въ Парижѣ, въ ц. St. Germain des Près съ давнихъ поръ выдаютъ желающимъ хранящійся тутъ поясъ св. Маргариты, ожидающимъ разрѣшенія отъ бремени (Globus). Напомнимъ объ аналогичномъ обычаѣ, практикуемомъ еще до нынѣ въ Москвѣ. Въ Страстномъ мон. съ тою же цѣлью служатъ молебны передъ мощами св. Анастасіи Узорѣшительницы, причемъ молящейся женщинѣ надѣваютъ на голову вѣнчикъ св. Анастасіи. Обычай носить пояски на тѣлѣ въ предохраненіе себя отъ болѣзней и бѣдъ широко распространенъ. Въ большинствѣ случаевъ на этихъ пояскахъ, продаваемыхъ чаще всего при часовняхъ, вытканы стихи изъ 90-го псалма, имѣющаго, какъ извѣстно, въ глазахъ народа магическую силу (одно ношеніе списаннаго на бумажку псалма и зашитаго въ ладонку признается предохраняющимъ отъ опасностей и пр.) или отдѣльныя выраженія изъ молитвъ. На старообрядческихъ пояскахъ вытканы иные стихи, духовнаго и назидательнаго характера. Надо, однако, замѣтить, что болѣе подробнымъ изученіемъ стиховъ, молитвословій и изреченій на тѣльныхъ пояскахъ и спеціальнаго назначенія этихъ послѣднихъ, какъ кажется, мало занималась русская этнографическая литература.

«Украшенія у туркменскихъ женщинъ»—подъ такимъ заглавіемъ *И. Н. Глушковъ* 18 окт. 1903 г. прочелъ рефератъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Имп. Общ-ва Люб. Естествознанія.

Авторъ два года провелъ на о. Челекенѣ, на Каспійскомъ морѣ, гдѣ ознакомился съ бытомъ, языкомъ и вѣрованіями туркменъ. Имъ сняты на мѣстѣ многочисленныя фотографіи, особенно съ украшеній туркменскихъ женщинъ. Иллюстрируя этими фотографіями свой докладъ, авторъ

Digitized by Google

подводилъ параллели изъ коллекцій, добытыхъ раскопками въ русскихъ курганахъ различныхъ эпохъ. Въ этомъ отношеніи рефератъ представляетъ большой интересъ и для археологіи, и для этнографіи.

Новыя коллекціи русскихъ костюмовъ поступили въ Румянцовскій музей. Предсѣдатель этнографическаго отдѣла недавно закрывшейся сельско-хозяйственной выставки въ Орлѣ и товарищъ предсѣдателя орловской ученой архивной комиссіи кн. К. В. Кекуатовъ прислали въ даръ этнографическому отдѣленію Румянцовскаго музея часть выставочныхъ экспонатовъ.

Особенно интересны два женскихъ манекена; одинъ, представляющій замужнюю крестьянку Липецкаго уѣзда Тамбовской губерніи, былъ выставленъ кн. С. А. Кекуатовой, другой, представленный г-жей Н. П. Иваненко,—дѣвушка-крестьянка Дмитровскаго уѣзда Орловской губерніи. Костюмы на обѣихъ фигурахъ чрезвычайно характерны, выдержаны до мельчайшихъ деталей и отличаются богатствомъ украшеній. Судя по этимъ костюмамъ, въ указанныхъ мѣстностяхъ сохранились еще старинныя національныя одежды. Кромѣ того прислана довольно хорошо подобранная коллекція игрушекъ,—посуда и свистульки,—причемъ послѣднія почти всѣ представляютъ юмористическія группы. Присланные предметы—только часть пожертвованій, имѣющихъ поступить отъ орловскаго этнографическаго отдѣла. Изъ другихъ мѣстностей Россіи вывезены и пожертвованы Румянцовскому музею костюмы (женскій старинный и лѣтній мужской рабочій) А. Д. Григорьевымъ изъ Архангельской губерніи и полный подборъ головныхъ уборовъ, носимыхъ замужними крестьянками Козельскаго уѣзда Калужской губерніи—Е. Н. Елеонской.

„Русс. Вѣд.“

Изслѣдованіе крестьянскихъ построекъ. По примѣру прошлаго года, этнографическимъ отдѣленіемъ Императорскаго русскаго географическаго общества предпринято собираніе свѣдѣній о крестьянскихъ постройкахъ въ Россіи,—какъ коренного ея населенія, такъ и инородческаго. Цѣль изслѣдованія жилищъ—изученіе культурныхъ явленій народа. Для облегченія труда по собиранію разослано всѣмъ сотрудникамъ особое руководство, составленное членомъ географическаго общества г. Ал. Харузинымъ.

„Приднѣпр. Кр.“

Программа для собиранія народныхъ примѣтъ, преимущественно инородческихъ, о погодѣ и вліяніи ея на сельское хозяйство—составлена А. Смоленскимъ и напечатана въ «Извѣстіяхъ Моск. Сельск.-Хоз. Ин-та за 1902 г., кн. 4.

Digitized by Google

Собраніе народныхъ казачьихъ пѣсенъ Кубанской области давно было предметомъ заботъ Куб. статист. Комитета. Однако дѣло это откладывалось. Года два тому назадъ мѣстный мировой судья А. Бигдай представилъ въ комитетъ подробный докладъ на эту тему вмѣстѣ съ программой работъ для собиранія пѣсенъ. Комитетъ представилъ докладъ Бигдая въ военное министерство, которое сочувственно отнеслось къ мысли о собираніи пѣсенъ. Комитетъ обратился къ извѣстному малорусскому композитору М. В. Лысенко съ просьбой указать лицо, которое могло бы осуществить намѣреніе комитета. Рекомендовалъ Н. В. Лысенко преподавателя ставропольскаго епархіальнаго училища А. А. Кашина, который и получилъ уже соотвѣтствующее приглашеніе отъ областной администраціи.

Пѣсенная комиссія. Въ виду сообщенія, послѣдовавшаго отъ предсѣдателя Высочайше учрежденной пѣсенной комиссіи при отдѣленіи этнографіи Императорскаго русскаго географическаго общества, о желательности оказанія учрежденіямъ попечительства о народной трезвости содѣйствія поставленной пѣсенной комиссіей задачѣ—собиранію, сохраненію и возвращенію въ народное обращеніе памятниковъ его пѣсеннаго творчества, главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей предложило попечительствамъ о народной трезвости оказывать комиссіи возможное содѣйствіе.

„Придньпр. Кр.“

Къ изученію музыки у инковъ. Въ приложеніи къ American Museum Journal, за іюль 1903 г. помѣщена интересная работа *Ch. W. Mead'a*, The Musical Instruments of the Incas. За послѣднее время этнографы и археологи начали удѣлять большое вниманіе музыкѣ и музыкальнымъ орудіямъ у мало культурныхъ народовъ древности и современности. Ихъ плодотворныя изысканія выразились въ нѣсколькихъ интересныхъ работахъ, появившихся отдѣльнымъ изданіемъ или въ спеціальныхъ журналахъ. Въ 1893 г. появилась книга Wallachek'a, Primitive Music, въ которой авторъ суммировалъ имѣющіяся въ литературѣ данныя. Wilson въ Report of the United States National Museum за 1896 г. (стр. 512) затронулъ вопросъ о доисторическихъ музыкальныхъ инструментахъ. Вопросъ о томъ, какого типа инструментъ слѣдуетъ признать наиболѣе древнимъ, споренъ. Wallachek указывалъ на найденныя при раскопкахъ доисторическія флейты и на отсутствіе барабановъ и т. п. и выводилъ отсюда заключенія, что наиболѣе первобытными слѣдуетъ считать духовые инструменты. E. Krause, однако, указалъ на глиняные барабаны каменнаго вѣка изъ провинціи Саксоніи (см. Ztsch. f. Ethnologie, Bd. XXIV, S. 97 и B. XXV. S. 165 и Globus, Bd. LXXVIII, S. 193). Работа Ch. Mead'a является весьма цѣннымъ вкладомъ въ исторію музыки и музыкальныхъ инструментовъ. Составлена она на основаніи коллекцій Вашингтонскаго Музея, и снаб-

Digitized by Google

жена снимками съ музыкальныхъ инструментовъ древнихъ перуанцевъ. Въ Америкѣ до ея открытія европейцами были извѣстны только духовые инструменты и ударные (Schlaginsctrumente). Хотя нѣкоторые авторы и отстаивали знакомство индѣйцевъ съ струнными орудіями, это положеніе осталось недоказаннымъ. Струнные инструменты занесены къ краснокожимъ племенамъ европейцами, а также и неграми. H. Balfour въ The Natural History of the Musical Bow Oxford, 1899 (p. 50) доказалъ, что даже этотъ примитивный струнный инструментъ былъ неизвѣстенъ въ древней Америкѣ. Въ перуанскихъ могильникахъ временъ инкъ не найдено до сихъ поръ барабановъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что перуанцы временъ инкъ не имѣли бы ихъ; на глиняныхъ расписныхъ сосудахъ перуанцевъ, на которыхъ въ жизненныхъ картинахъ запечатлѣнъ бытъ перуанцевъ, встрѣчаются изображенія барабановъ различныхъ формъ; по нимъ ударяютъ такъ же, какъ дѣлаютъ и въ настоящее время индѣйцы Перу. Прежніе писатели (Molino) сообщаютъ, что барабаны употреблялись при различныхъ обстоятельствахъ, а Гарсиласо де ла Вега упоминаетъ о барабанахъ, обтянутыхъ человѣческой кожей. Къ ударнымъ инструментамъ можно отнести и мѣдные и бронзовые бубенцы, погремушки и пр., найденные въ могильникахъ. Многочисленнѣе представлены были духовые инструменты. Перуанцамъ временъ инкъ были извѣстны флейты изъ тростника и глины и глиняныя трубы, кромѣ того, въ качествѣ духового инструмента употреблялись у нихъ большія морскія раковины. Mead пытается также воспроизвести по всѣмъ этимъ инструментамъ музыкальную скалу древнихъ перуанцевъ (Globus, LXXXIV, 20, рец. Rich. Andree).

Пѣніе у имошаровъ. Въ «Bulletin de la Société de géographie d' Alger et d' Afrique du Nord», 1902 4—ème trimestre помѣщена статья, касающаяся пѣнія у имошаровъ (Сѣверная Африка) тѣмъ болѣе интересная, что этотъ предметъ не былъ еще затронутъ въ этнографической литературѣ. Авторъ статьи, долго проживший въ In-Salah, имѣлъ возможность лично ознокомиться съ музыкой и поэзіей имошаровъ. Съ страстнымъ увлеченіемъ относятся имошары къ музыкѣ и пѣнью. Текстъ пѣсенъ приноравливаютъ уже къ существующимъ мелодіямъ; риѳма рѣдко встрѣчается.

„Globus."

Тюремный жаргонъ. Вышла изъ печати книга извѣстнаго польскаго ученаго К. Эстрейхера «Szwargon więzienny» (Тюремный жаргонъ), въ которую вошелъ подробный словарь выраженій и словъ (около 2.000), употребляемыхъ исключительно въ мірѣ преступниковъ, а также произведенія тюремной поэзіи и прозы. Изслѣдованіе Эстрейхера, кромѣ утилитарнаго интереса для юристовъ-практиковъ, представляетъ крупный лингвистическій интересъ. Оказывается, что польская воровская терминологія

Digitized by Google

передается изъ поколѣнія въ поколѣніе и не носитъ строго-мѣстнаго характера, такъ что тюремный жаргонъ Варшавы во многихъ отношеніяхъ совпадаетъ съ жаргономъ Кракова или Львова. Въ неологизмахъ, вводимыхъ преступниками, часто проявляется недюжинная мѣткость, остроуміе, наблюдательность и крупная творческая сила.

„Придньпр. Край“.

«Очерки тунгузскаго языка», Влад. Спицына, появившіеся въ этомъ году (Спб. 1903.), содержатъ въ себѣ этнограф. очеркъ быта бродячаго племени голоусненскихъ тунгузовъ, живущихъ на иркутскомъ берегу оз. Байкала, затѣмъ грамматику языка и два словаря: тунгузско-русскій и русско-тунгузскій (каждый по 600 словъ).

„Заря“.

Бурятъ-этнографъ. Въ г. Иркутскъ прибылъ вольнослушатель спб. университета, бурятъ Жамцарановъ, командированный академіей наукъ въ Иркутскую губернію и Забайкальскую область для собиранія этнографическаго и лингвистическаго матеріала среди бурятъ.

„Придньпр. Край“ (4 ав.).

Преданіе о крещеніи мордвы въ Тамбовской губерніи разсказывается въ «Тамб. Губ. Вѣд.» (приведено въ «Сар. Днев.» 1903, 198). Лѣтъ полтораста—двѣсти тому назадъ мордва тамбовской губерніи были язычниками. Къ нимъ не разъ приходили православные священники и убѣждали ихъ принять православіе. Мордва съ удовольствіемъ слушала евангельскую исторію—все имъ нравилось въ православной церкви, за исключеніемъ обряда троекратнаго погруженія въ воду при совершеніи таинства крещенія и единственно только изъ за этого долгое время отказывалась мордва отъ крещенія. Православное духовенство, наконецъ, рѣшило прибѣгнуть къ хитрости. Избрало изъ мордвы человѣкъ пять наиболѣе уступчивыхъ, назначило имъ день крещенія и объявило объ этомъ всему селу. Какъ любители всякихъ зрѣлищъ, мордва вся поголовно собралась на берегу рѣчушки. Духовенство расположилось на противоположной сторонѣ. Когда наступило время для погруженія въ воду, изъявившіе желаніе креститься по приглашенію священниковъ пошли къ нимъ черезъ рѣчку вбродъ. Когда они шли по водѣ, священники произносили совершительныя слова таинства крещенія: «Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа». Затѣмъ надъ новокрещенными совершилось таинство мѵропомазанія, послѣ чего имъ давали по кружкѣ водки... При видѣ такой картины остальные изъ мордвы, любившіе выпить, тоже пошли черезъ рѣчку, а священники надъ всѣми произносили совершительныя слова и помазывали мѵромъ. Послѣ этого всѣхъ поили водкой.

Digitized by Google

Запрещеніе кочеванія цыганъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ циркулярно увѣдомило губернаторовъ, что цыганамъ безусловно воспрещается кочеваніе какъ въ мѣстахъ ихъ прописки, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, а также не дозволяется располагаться гдѣ бы то ни было таборами и устраивать временныя помѣщенія въ видѣ шатровъ и палатокъ.

„Придн. Край“.

Дѣятельность Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, состоящаго при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, успѣла уже проявиться въ научныхъ трудахъ. Комитетъ выпустилъ № 1 своего *Bulletin* (на французскомъ языкѣ) и два протокола своихъ засѣданій, а затѣмъ намѣренъ издать предварительный отчетъ командированныхъ имъ лицъ, а именно: *пр. доц. Руднева*—въ Восточную Монголію, *г. Пильсудскаго*—для изученія быта айновъ и двухъ студентовъ восточнаго факультета—для изученія языка туркменъ и ногайцевъ. Оказаны также пособія *г. Пекарскому*, приготовляющему къ изданію якутско-русскій словарь, туркестанскому кружку любителей археологіи и др. Бюро комитета состоитъ изъ академика *В. В. Радлова,* профессора и декана восточнаго факультета *В. А. Жуковскаго*, проф. *В. В. Бартольда* и хранителя этнографическаго музея академіи наукъ *Л. Я. Штернберга.*

„Русс. Вѣд.“

Изученіе Амурскаго края обогатилось недавно цѣннымъ трудомъ. Академіей наукъ изданъ недавно третій томъ сочиненія покойнаго Л. И. Шренка «Объ инородцахъ Амурскаго края», заключающій въ себѣ вторую половину этнографической части, именно основныя черты «семейной, общественной и внутренней жизни». Текстъ воспроизведенъ, по рукописямъ покойнаго, г. Русовымъ и иллюстрированъ 24-ю таблицами и 7-ю рисунками въ текстѣ, причемъ однако къ нѣкоторымъ таблицамъ текстъ не былъ найденъ. Интересны данныя, приводимыя авторомъ о семейныхъ отношеніяхъ, обычаяхъ, религіозныхъ представленіяхъ, идолахъ, шаманахъ, представленіяхъ о загробной жизни, погребальныхъ обычаяхъ и пр. у гиляковъ, гольдовъ, ольчей, айновъ и другихъ инородцевъ.

Русс. Вѣд.

Археологическая карта береговъ Амура, какъ сообщаетъ «Амурская газета» (1903, № 3), предпринята любителемъ-археологомъ казакомъ станицы Поярковой, Алексѣемъ Яковлевичемъ Гуровымъ, который лѣтомъ, 1902 г. сопровождалъ въ ученой поѣздкѣ по Амуру члена Приамурскаго отдѣла И. Р. Г. Общества Г. Ф. Бѣлоусова. Г. Гуровъ трудится надъ составленіемъ археологической карты части р. Амура отъ хутора Константиновскаго до станицы Екатерино-Никольской; разстояніе, изслѣдованное имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, 400 слишкомъ верстъ. Судя по масштабу 4 версты въ вершкѣ, карта будетъ большая и очень

Digitized by Google

подробная: на ней по обоимъ берегамъ Амура и вглубь на 4—5 верстъ, будутъ нанесены интересныя въ археологическомъ отношеніи мѣста, какъ то: крѣпостцы, городища, служившіе когда-то убѣжищемъ древняго человѣка; ямы, рвы—остатки жилищъ; кладбища, курганы (могильники) и т. п. по возможности съ подробнымъ описаніемъ таковыхъ и перечисленіемъ, гдѣ и что изъ древнихъ предметовъ найдено. Когда работа будетъ закончена, то трудъ свой А. Я. Гуровъ вмѣстѣ съ собранными имъ коллекціями представитъ въ правленіе комитета Благовѣщенскаго городского музея.

Русское населеніе въ Харбинѣ составляло до 15 мая 1903 г., по приблизительному подсчету, до 20—22 тысячъ человѣкъ, не считая войскъ.

Дальн. Вост.

Китайская этнографическая коллекція недавно пожертвована въ этнографическое отдѣленіе московскихъ Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ отъ ген.-л. Н. И. Гродекова, состоящая изъ китайскихъ лубочныхъ картинъ и собранія акварелей китайскихъ художниковъ.

Вмѣстѣ съ ранѣе и нынѣ поступившими отъ того же жертвователя китайскими и маньчжурскими костюмами и головными украшеніями новое пожертвованіе составитъ довольно полное собраніе современныхъ китайскихъ предметовъ, которое администрація музеевъ намѣрена выставить на непродолжительное время въ особомъ помѣщеніи для обозрѣнія въ виду ихъ выдающагося интереса, какъ это имѣло мѣсто ранѣе съ славянскими коллекціями, пожертвованными покойнымъ директоромъ музеевъ М. А. Веневитиновымъ. Послѣ выставки вся коллекція г. Гродекова будетъ размѣщена въ соотвѣтствующихъ помѣщеніяхъ, кстати сказать, уже давно весьма тѣсныхъ и не позволяющихъ выставить въ надлежащемъ порядкѣ и съ достаточною наглядностью поучительныя и рѣдкія собранія по «иностранной» этнографіи.

Русс. Вѣд.

Древнія китайскія картины и древняя китайская бронза, выставленныя въ Уено, въ Имераторскомъ музеѣ древностей (въ Токіо), представляютъ замѣчательную коллекцію древнихъ и среднихъ вѣковъ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя замѣчательныя работы великихъ художниковъ эпохи, предшествовавшей правленію Мейдцзи (до 1868 г.): Мотонобу, Тузуненобу, Таніу, Коринъ и др. И дѣйствительно, за послѣдніе годы не было еще такой богатой коллекціи картинъ, хотя любители искусства, помнящіе выставку въ Токіо въ 80-ыхъ годахъ, и могутъ испытать нѣкоторое чувство разочарованія. Коллекція бронзы удивительная, и Японія никогда до сихъ поръ подобной еще не видѣла. Бронза — вся китайская. Встрѣчаются экземпляры, имѣющіе 2000-лѣтнюю древность, но большинство періода времени отъ Второй Цзиньской (265—420 г.) до Танской (618—907 г.) династій. Всѣ экземпляры замѣчательны, главнымъ образомъ, своей формой; пользовались ими для деко-

Digitized by Google

ративныхъ цѣлей. Предполагаютъ, что два или три экземпляра бронзы— египетскаго или ассирійскаго происхожденія.

Дальн. Вост.

Минаретъ на могилѣ Тамерлана въ концѣ мая въ Самаркандѣ обрушился. Онъ служилъ однимъ изъ главныхъ украшеній этого знаменитаго мавзолея, построеннаго слишкомъ 500 лѣтъ тому назадъ. Историческій памятникъ свалился и разрушенъ до основанія, представляя теперь изъ себя груду кирпича, въ изобиліи валяющагося среди пыли и мусора и свободно расхищаемаго желающими. Вопросъ о поддержаніи минарета на могилѣ знаменитаго завоевателя Тамерлана неоднократно возбуждался, возможность катастрофы давно предвидѣлась, но со стороны мѣстнаго археологическаго общества, видимо, рѣшившаго, что это не его дѣло, сдѣлано ничего не было.

Приднѣпр. Кр.

Изданіе египетскаго словаря предпринято Берлинской Академіей Наукъ. Оно обѣщаетъ быть лучшимъ и полнѣйшимъ изданіемъ этого рода. Во главѣ дѣла стоитъ извѣстный египтологъ проф. Эрманъ. Въ настоящее время уже подготовлено 280,000 листковъ, но работа еще подвинулась не настолько, чтобы можно было приступать къ печатанію.

„Русс. Вѣд.“

Премія имени Ѳ. Ѳ. Буссе, изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго самимъ Ѳ. Ѳ. Буссе, должна выдаваться, по волѣ жертвователя, за лучшее сочиненіе объ Амурскомъ краѣ. Проценты за каждые три года, составляютъ размѣръ преміи. Въ настоящее время первые три года прошли, процентовъ накопилось около 700 руб., а ни одного сочиненіи объ Амурскомъ краѣ въ о-во изученія Амурскаго края (Владивостокъ) не было представлено. Изъ положенія объ этомъ капиталѣ усматривается, что въ подобныхъ случаяхъ проценты съ капитала образуютъ спеціальный фондъ, который можетъ расходоваться на непосредственное изученіе края.

„Дальн. Вост.“

На соисканіе преміи Адама Хойнацкаго за популярное народнообразовательное сочиненіе—историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго варшавскаго университета объявлена тема: «Земледѣльческій трудъ. Составить очерки, повѣсть или разсужденіе, рисующія въ доступномъ для народа изложеніи значеніе земледѣльческаго труда въ сравненіи съ другими видами труда простолюдина». Въ этой работѣ авторъ долженъ показать *по этнографическимъ даннымъ* то предпочтеніе, какое простолюдинъ оказываетъ земледѣльческому труду, причемъ матеріаломъ могутъ служить *народныя пѣсни, сказки, пословицы и др.* Слѣдуетъ представить также поэтическую сторону земледѣльческаго труда и отмѣтить, какъ много вниманія и вдумчиваго отношенія къ жизни природы

Digitized by Google

проявляетъ земледѣлецъ (при этомъ авторъ можетъ пользоваться *народными примѣтами о погодѣ, урожаѣ, домашнихъ животныхъ,* обратить вниманіе на *обычаи*, соединенные съ земледѣльческимъ трудомъ и *народными праздниками*). Надлежитъ отмѣтить вліяніе земледѣлія на бытъ крестьянина, указать, какъ слагаются въ земледѣльческомъ быту *семейныя и общественныя отношенія.* Необходимо, наконецъ, разъяснить вліяніе земледѣлія на нравственную сторону жизни народа. Отъ автора не требуется развитія въ одинаковой полнотѣ всѣхъ означенныхъ частностей даннаго предмета, но тѣмъ большей обстоятельностью и убѣдительностью должно отличаться раскрытіе главныхъ, по преимуществу положительныхъ его сторонъ, въ непремѣнныхъ цѣляхъ, согласно съ волей завѣщателя, «вліять на просвѣщеніе народа и тѣмъ самымъ на исправленіе нравственности и обычаевъ онаго». Авторъ не стѣсненъ въ выборѣ пріемовъ развитія настоящей темы; если сочиненіе по своему содержанію будетъ имѣть поэтическій характеръ, допускается перемѣна заглавія. Премія присуждается въ размѣрѣ *900 рублей* и выдается автору сочиненія или законнымъ его наслѣдникамъ, по предварительномъ представленіи въ университетъ 150 печатныхъ экземпляровъ этого сочиненія и подъ условіемъ поступленія его въ продажу по цѣнѣ доступной для читателей изъ среды простого народа. Сочиненіе должно быть представлено *не позже 30-го апрѣля 1905 года.* Оно должно быть писано на русскомъ языкѣ и русскимъ подданнымъ, напечатано или переписано чисто и разборчиво. Выборъ между русскимъ и польскимъ языкомъ при печатаніи увѣнчаннаго сочиненія предоставляется усмотрѣнію автора. Если къ уплатѣ присужденной преміи представлено будетъ напечатанное сочиненіе въ польскомъ переводѣ съ разсмотрѣннаго факультетомъ оффиціальнаго русскаго подлинника, то къ сочиненію этому должно быть приложено удостовѣреніе историко-филологическаго факультета въ полномъ согласіи перевода съ означеннымъ подлинникомъ.

„Прав. Вѣстн.“ 1903, № 112.

14-ый международный конгрессъ американистовъ имѣетъ быть въ Штутгартѣ съ 18-го по 23-е августа (нов. ст.) 1904 г. Труды конгресса будутъ посвящены Америкѣ, именно: а) туземнымъ расамъ, ихъ происхожденію, исторіи, типамъ, языкамъ, культурѣ, миѳологіи и т. д.; б) древнимъ памятникамъ и археологіи Америки и в) исторіи открытія и колонизаціи Новаго Свѣта. Членскій взносъ—12 мар. (15 фр.); адресуется на имя казначея Th. G. Wanner (Stuttgart, Königsstrasse, 35), а заявленія о желаніи участвовать въ конгрессѣ посылаются на имя секретаря—prof. D-r K. Lampert, Stuttgart, Archivstrasse, 3. Президентомъ состоитъ проф. D-r K. von den Steinen (Берлинъ), вице-президентами—графъ K. von Linden (Stuttgart) и D-r E. E. Seler (Steglitz, близъ Берлина).

„Русс. Вѣд.“.

Digitized by Google

Вышла октябрьская книжка

ежемѣсячнаго научно-популярнаго и педагогическаго журнала

„ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ".

1903 г. ❖ Годъ VIII-ой. ❖ 1903 г.

Памиръ. *С. Григорьева.*—**Логическая сущность теоріи происхожденія видовъ.** *Д-ра Карла Детто* (пер. *В. Гр.-вв*).—**Очерки природы Кавказа.** *К. А. Сатунина.*—**Продолжительность жизни.** Пер. съ нѣм. *С.*—**Манчжурія.** *П. Кивокурцева.*—**Еще о Мангазеѣ.** *А. М. Филиппова.*—**Критика и библіографія. Смѣсь. Хроника. Книги, присланныя въ редакцію. Содержаніе журнала «Естествознаніе и Географія» за 1902 г. Объявленія.** Журналъ **ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; **Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ ОДОБРЕНЪ** за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній. Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и .. под.) и географіи; 2) акваріумъ и террариумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкою и пересылкою **4** р. **50** коп., безъ доставки **4** руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою **2** руб. **50** коп.; за границу **7** руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ **75** коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только **20** коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ: Москва, Б. Полянка, д. Учительскаго Института, кв. 3.

Редакторъ-издатель **М. П. Варавва.**

Свѣтовыя картины

для волшебн. фонарей изготовляетъ художеств. мастерская

Л. К. Поповой и А. С. Никитина.

Москва, Пречистенскія ворота, д. Филиппова.

Изготовленіе картинъ по негативамъ гг. путешественниковъ. Членамъ Этнографич. Отдѣла дѣлаются всевозможныя льготы и уступки. Полный каталогъ, содержащій до 15000 картинъ, безплатно.

Digitized by Google

Въ текущемъ году въ Москвѣ издается

популярно-научный иллюстрированный журналъ

Научное Слово

по слѣдующей программѣ: I. **Отдѣлъ естествознанія** (статьи по вопросамъ астрономіи, физики, химіи, метеорологіи, геологіи, физіологіи, ботаники, зоологіи, антропологіи, этнографіи и географіи). II. **Отдѣлъ историческій** (статьи по вопросамъ исторіи русской и всеобщей, исторіи литературы и искусства, а также критическіе обзоры произведеній искусства и литературы). III. **Отдѣлъ общественно-юридическій** (статьи по вопросамъ соціологіи, политической экономіи, статистики, философіи права и юриспруденціи). IV. **Отдѣлъ философскій** (статьи по вопросамъ философіи, психологіи, логики и педагогики). V. **Научная хроника по всѣмъ отдѣламъ.** VI. **Извлеченія изъ протоколовъ научныхъ обществъ, состоящихъ при Московскомъ университетѣ.** VII. **Библіографія.** VIII. **Объявленія.**

Въ текстѣ журнала будутъ помѣщаться чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства.

Предпологаются статьи слѣдующихъ авторовъ: *проф. Д. Н. Анучина, А. П. Басистова, прив.-доц. М. М. Богословскаго, проф. В. И. Вернадскаго, проф. А. Н. Веселовскаго, Д. В. Викторова, проф. П. Г. Виноградова, проф. Р. Ю. Виппера, проф. В. Н. Герье, прив.-доц. М. И. Голенкина, проф. Д. А. Гольдгаммера, Ю. В. Готье, проф. И. М. Гревса, проф. В. Е. Дена, проф. Н. Д. Зелинскаго, прив.-доц. Н. П. Кастерина, прив.-доц. А. А. Кизеветтера, проф. А. И. Кирпичникова, проф. В. О. Ключевскаго, проф. Н. П. Кондакова, проф. Э. Е. Лейста, проф. Л. М. Лопатина, проф. М. Кн. Любавскаго, проф. А. А. Мануилова, проф. М. А. Мензбира, проф. В. А. Михельсона, С. П. Моравскаго, В. М. Нечаева, проф. П. И. Новгородцева, проф. А. П. Павлова, проф. Д. М. Петрушевскаго, М. Н. Покровскаго, прив.-доц. Г. К. Рахманова, прив.-доц. Н. А. Рожкова, прив. доц. Н. И. Романова, А. Н. Савина, прив.-доц. П. Н. Сакулина, прив.-доц. А. Ф. Самойлова, В. Д. Соколова, проф. Н. И. Стороженко, проф. И. М. Сѣченова, проф. К. А. Тимирязева, проф. кн. С. Н. Трубецкого, проф. Н. А. Умова, прив.-доц. С. Ф. Фортунатова, прив.-доц. П. Д. Хрущова, проф. В. К. Цераскаго, проф. В. Я. Цингера, прив.-доц. А. В. Цингера, М. Н. Шатерникова, прив.-доц. П. К. Штернберга.* Изъявили согласіе на участіе также многіе другіе профессора и приватъ-доцепты Московскаго университета.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 7 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 2 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихся годовая цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ редакціи (**Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина**) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи). Гг. иногородныхъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Издатель прив.-доц. **Г. К. Рахмановъ.** Редакторъ проф. **Н. А. Умовъ.**

Digitized by Google

Открыта подписка на 1904 годъ (годъ десятый)

НА ЖУРНАЛЪ

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“.

ИЗДАНІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛЕНІЯ ПРОФ. *Д. Н. Анучина.*

Журналъ посвященъ изученію географическихъ вопросовъ, преимущественно Россіи, путешествіямъ, очеркамъ природы и населенія различныхъ странъ, обзору геогр. литературы и т. д.

Выходитъ въ Москвѣ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ.

Подписная цѣна за годъ съ доставкою—**6** руб.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться по адресу: Географическое отдѣленіе Общества любителей естествознанія, Политехническій музей, Москва. Прежніе годы, 1894—1901, могутъ быть получены по 5 р. за годъ, а 1894 годъ безъ 1-й книжки (оставшейся въ немногихъ экземплярахъ)—за 3 р. Всѣ года (1894—1902), безъ 1-й книжки 1894 г., со всѣми приложеніями могутъ быть получены за 40 р., съ подпиской на 1903 г.—за 45 р., а съ 1-й книжкой 1894 г.—за 60 р.

Въ вышедшихъ книжкахъ „Землевѣдѣнія“ помѣщены между прочимъ статьи: **Б. Ѳ. Адлеръ**: „Сѣверогерманская низменность“; **Н. М. Альбовъ**: „Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа“—„Очерки растительности Колхиды“,—„Природа Огненной Земли“; проф. **Н. И. Андрусовъ**: „Поѣздка въ Дагестанъ“; проф. **Д. Н. Анучинъ**: „Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленій“, — „Суша“ (краткія свѣдѣнія по орографіи), — „Озера области истоковъ Волги и верховьевъ Зап. Двины“ — „И. В. Мушкетовъ и его научные труды“, — „О преподаваніи географіи“; **В. В. Богдановъ**: „Мурманъ“; **Л. С. Бергъ**: „Аральское море“; **В. Г. Богоразъ**: „Ламуты“; **А. М. Беркенгеймъ**: „Природа и жизнь въ пампахъ Аргентины“,—„Современное экономическое положеніе Сиріи и Палестины“, — „Переселенческое дѣло“; **Н. В. Богоявленскій**: „Въ верховьяхъ Аму-Дарьи“; **П. А. Бѣльскій**: „Тянь-шань“,—„Петровскія озера Корчевск. у.“; проф. **А. И. Воейковъ**: „Воздѣйствіе человѣка на природу“; **М. М. Воскобойниковъ**: „Изъ наблюденій на Памирѣ“; **А. Грачевъ**: „Объ озерахъ Костромской губ.“; **Б. М. Житковъ** и **С. А. Бутурлинъ**: „По Сѣверу Россіи“; **А. А. Ивановскій**: „Истоки рѣки Москвы“, — „Озеро Гокча“, — „Араратъ“; **П. Г. Игнатовъ**: По южному Алтаю“; проф. **А. Н. Красновъ**: „Растительность горныхъ вершинъ Явы, Японіи и Сахалина“; проф. **П. И. Кротовъ**: „Вятскій увалъ“,—„О постановкѣ преподаванія географіи въ средн. учебн. заведеніяхъ“; **А. А. Круберъ**: „О болотахъ Моск. и Ряз. губ.“,—„Опыты раздѣленія Евр. Россіи на естеств. районы“, — „О карстовыхъ явленіяхъ въ Россіи“,—„Новая Гвинея“; **Г. И. Куликовскій**: „Зарастающія и періодически исчезающія озера Обонежскаго края“; **М. Л. Леваневскій**: „Очерки Киргизскихъ степей“; проф. **Э. Е. Лейстъ**: „Луна и погода“; **В. Н. Леоновъ**: „Озера въ области р. Пры, Рязанск г.“,—„Озера Нижней Рачи, въ Закавказьѣ“; **Е. И. Луценко**: Поѣздка къ алтайскимъ теленгетамъ“,—„Озера въ области истоковъ Дона“; **А. К. Ф. М.**: „Альпинизмъ“; **В. Г. Михайловскій**: „Горныя группы и ледники Центральнаго Кавказа“; **М. В. Никольскій**: „Слѣды ассирозавилонской культуры на Кавказѣ“; проф. **В. А. Обручевъ**: „Природа и жители Центральной Азіи“; проф. **А. П. Павловъ**: „О рельефѣ равнинъ и его измѣненіяхъ подъ вліяніемъ работы подземныхъ и поверхностныхъ водъ“; **С. К. Паткановъ**: „По Юкатану“; **Х. С. Г. Султановъ**: „Свящ. область мусульманъ въ Аравіи“: пр.-доц. **Г. И. Танфильевъ**: „Донстор. степи Евр. Россіи“,—„О торфяникахъ Моск. губ.“; **Н. Тихоновичъ**: „Въ киргизскихъ степяхъ Семипалатинской обл.“, пр.-доц. **Б. А. Федченко**: „Задачи ботанической географіи“; **А. Ѳ. Флеровъ**: „Ботанико-географич. очерки“; **Д. Чорчъ**: „Оч. физ. геогр. Южн. Америки“; **А. Яриловъ**: „Педологія или наука о почвѣ“ и др. Кромѣ того мелкія извѣстія и библіографическія замѣтки. Приложеніями къ журналу вышли: 1) **Ф. Нансенъ**. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи, 455 стр., съ рис. и карт.; 2) **Г. И. Потанинъ**. Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ, 894 стр.; 3) **Арт. Гейки**. О преподаваніи географіи. Совѣты учителямъ; 4) проф. **С. Гюнтеръ**. Исторія географ. открытій и успѣхи научнаго землевѣдѣнія въ XIX вѣкѣ. (Печатается и будетъ доставлена подписчикамъ на 1903 годъ).

Digitized by Google

Русскій антропологическій Журналъ,

издаваемый антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла *А. А. Ивановскаго* (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 г., предсѣдателя Отдѣла *проф. Д. Н. Анучина*), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая 8—10 печатныхъ листовъ съ рисунками.

Цѣна годовому изданію **5** руб. съ доставкой и пересылкой, за границу **6** руб. Цѣна отдѣльной книжки **1** руб. **50** коп.

Принимается подписка на 1904 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Историческій Музей, Секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

Редакція

„ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ"

ПЕЧАТАЕТЪ ПЛАТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ПОЗАДИ ТЕКСТА.

Цѣна одного объявленія на цѣлой страницѣ— **10** руб., на ½ страницѣ—**5** р. **50** коп. и на ¼ страницѣ—**3** рубля.

Постороннія приложенія для разсылки при изданіи принимаются по особому соглашенію.

Конторамъ, доставляющимъ объявленія, дѣлается скидка: съ объявленій русскихъ 10%, съ объявленій заграничныхъ 20%.

Digitized by Google

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.

Адресъ: Москва, Политехническій музей, въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія".

1) Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *Вс. Ѳ. Миллера.* М. 1894. 8°. VIII + 305 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за границу 3 р.).

2) Бѣломорскія былины, записанныя *А. Марковымъ,* съ предисловіемъ проф. *В. Ѳ. Миллера.* М. 1901. 8°. XV + 618 стр. Ц. 2 р. 75 к. (за границу 3 р. 50 к.). (Складъ въ Т-вѣ Скоропечатни А. А. Левенсонъ).

3) Юбилейный сборникъ въ честь *Вс. Ѳед. Миллера,* изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ, подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900. 4°. XXII+368 стр. Ц. 3 р. (за границу 3 р. 75 к.).

4) *П. С. Ефименко.* Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. Вып. I и II. М. 1877—78 гг. 4°. VII+221+X+276 стр. Ц., вмѣсто прежн. 6 руб.,—10 руб. (Изданіе почти распродано). (За границу 11 руб.).

5) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, подъ ред. *Ѳ. Я. Трейландъ.* М. 1881. 4°. X+224 стр. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р.).

6) Протоколы засѣданій Этнографическаго Отдѣла 1874—1877 гг. (статьи и матеріалы по этнографіи). М. 1877. 4°. 190 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

7) То же. 1877—1884 гг. М. 1886. 4°. 186+7 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

8) То же 1885—1887 (статьи, а также полная программа: а) для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, б) для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ). М. 1888. 4°. VIII+217 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

9) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, II и III. М. 1889, 1890 и 1891 гг. 4°. Ц. 6 р. (за границу 7 руб.).

10) *Н. Н. Харузинъ.* Русскіе лопари (очерки прошлаго и современнаго быта). М. 1890. II+472 стр. 3 фототип. и карт. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.).

11) *В. М. Михайловскій,* Шаманство (сравнительно-этнографическіе очерки). М. 1892. 4°. IV+115 стр. Ц. 1 р. 50 к. (за границу 2 руб.).

12) *И. А. Житецкій.* Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ. М. 1893. 4°. II+73 стр. 12 табл. рисунк. Ц. 1 р. 25 к. (за границу 1 р. 60 к.).

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

25
198 Vi-40
GN1
.E85
v.15

DO NOT REMOVE FROM POCKET

DEMCO Digitized by Google

3 0000 053 571 018

Digitized by Google